

Звезда Востока

Ежемесячный литературно-художественный журнал
писателей Узбекистана

3

МАРТ
1993

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Сабит
МАДАЛИЕВ
главный
редактор

Шамшад
АБДУЛЛАЕВ

Ирина
АЛЯБЬЕВА

Карим
ЕГЕУБАЕВ

Вадим
НОВОПРУДСКИЙ

Райхат
САДЫКОВ
ответственный
секретарь

Софья
ТАРБЕЕВА

Лейла
ШАХНАЗАРОВА

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКА

- Мухаммад Садик Мухаммад Юсуф.
О вере 5
Шакарим. Зеркало подлинного сча-
стья 34

ПРОЗА

- Рифат Гумеров. Ленч во время путча . . . 88

ПОЭЗИЯ

- Ольга Гребенникова. Стихи 86

ПОЭЗИЯ И ЭРОС

- Жорж Батай. Солнечный анус 42

ЭССЕ О ПОЭЗИИ

- Роже Кайуа. Мысли о поэзии 47

ВОСТОК В ЗАПАДНОЙ ПОЭЗИИ

- Р. Беннет-Камминг. Хайку 48

МИР ЕДИН: ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЭЗИЯ СЕГОДНЯ

- Сильвия Плат. Стихи 51

КАЗАХСКИЙ РАССКАЗ

- Нургали Оразов. Гнездо белых журав-
лей 56
Алмас Муқанов. Автомат. Летние на-
важдения 64
Сергей Баймухаметов. Волки 77

ИЗДАЕТСЯ
С 1932 ГОДА

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СОВЕТ**

Шавакат
АБДУЛЛАЕВ
Абдуманап
АЛИМБАЕВ
Малик
АРИПОВ
Бурибай
АХМЕДОВ
Марат
АХУНДИ
Владимир
ВАСИЛЬЕВ
Рим
ГИНИЯТУЛЛИН
Хуришд
ДАВРОН
Рустем
ДЖАНГУЖИН
Тимур
ЗУЛЬФИКАРОВ
Инонжон
ИСКАНДЕРОВ
Хамид
ИСМАЙЛОВ
Вил
КАМАЛОВ
Валерий
ТАТЕОСОВ
Сергей
ТАТУР
Алишер
ТАШКЕНБАЕВ
Бахтияр
ТУРСУНОВ
Александр
ФАЙНБЕРГ
Пулат
ҲАБИБУДЛАЕВ
Анвар
ШАРИПОВ
Искандер
ЮСУПОВ

ПОЭЗИЯ ЭМИГРАЦИИ

Рафаэль Левчин. Стихи 79

ПОЭЗИЯ И ТОПОС

**Шамшад Абдуллаев. Окраина: беседы.
Фергана как состояние. Эссе . . . 81**

ПУБЛИЦИСТИКА

Шуга Нурпеисова. Прикоснуться к вечности 110
Рустем Джангужин. Очевидность неочевидного 119

ИЗ СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ПОЭЗИИ

Жуматай. Стихи 133

ИЗ НАРОДНОЙ КАЗАХСКОЙ ПОЭЗИИ

О, мир, без усталы я гнался за тобой... 140

IN MEMORIAM

Валерий Шаповалов. В царстве поэтических мистерий 142
Александр Башлачев. Стихи 144

КАРАВАН ВЕКОВ

А. Кадырбаев. Нестираемые страницы 147

КОСМОС. ЖИЗНЬ. ЧЕЛОВЕК

Мурат Ауэзов. Энкидиада 158
Н. Алимбеков. Тенгрианство 173
Петр Успенский. В поисках чудесного 184

ДЕТЕКТИВ. ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

Патриция Хайсмит. Незнакомые в поезде. Роман. Окончание 200

УЧРЕДИТЕЛЬ: ЖУРНАЛИСТСКИЙ КОЛЛЕКТИВ «ЗВЕЗДЫ ВОСТОКА»

Сегодня, когда республики, опережая друг друга, устремились к суверенитету, все большую тревогу начинает вызывать усиливающийся изоляционизм.

Возникает вопрос: суверенитет — это что? Неужели же культурное одиночество, на которое обрекают некоторые новоявленные политические кликуши свои народы?..

Эту пещерную логику можно объяснить только тем, что бескультурье, в котором они пребывали всегда, и есть одиночество — «суверенное» от всего того, что работало человечество веками, тысячелетиями своей, полной драматизма, истории. Той большой истории, которая показывает нам, живущим ныне, что народы, национальные культуры всегда вглядывались не только в себя, но и друг в друга, обретая только так свое полное самоосуществление, те животворные импульсы, что подвигали и продвигали нас по пути подлинного прогресса. И, напротив, самоизоляция, под любыми лозунгами, губительна для любой национальной культуры.

Процесс суверенизации есть по существу процесс осознания себя в качестве активного созидającego субъекта широкого культурного пространства, в котором каждая национальная культура занимает свое достойное место.

Именно так я понимаю благородный поступок редакции журнала «Звезда Востока», пригласившей нас, казахстанских литераторов, ученых и публицистов на страницы своего издания.

Долгие годы мы дружили, как бы и не дружа вовсе, а в основном декларируя друг перед другом свои сомнительные достижения в области забвения собственной исторической и культурной памяти. Дружба эта была,

но имела горький привкус принуждения, фальши, а потому и цена ей была не дороже тех картонных лозунгов, под сенью которых проходили мероприятия по «укреплению интернациональных уз».

Но только сейчас со всей остротой мы, кажется, поняли, как необходимы друг другу. И что психология островитян для нас, обитателей огромного культурного материка, входит в противоречие с нашей многотысячелетней генетической, исторической и этнокультурной памятью, а потому и неприемлема.

Земля, на которой мы родились и живем, предками нашими в разные годы называлась разными именами: Тураном, Мавераннахром, Дешт-и-Кипчаком, Туркестаном. Но, независимо от названия, всегда осознавалась единым и нераздельным целым и не отличала резко нас, своих детей, друг от друга, хотя мы не на одно лицо. Наши национальные культуры взошли из единой корневой системы и по-прежнему переплетаются стволами и кронами.

Чтобы вернуть естественное былое единство, чтобы заново соткать общее широкое культурное пространство, необходимо одновременно восстанавливать порушенные национальные культуры во всей их полноте и неповторимой своеобразности. И в этом тоже я вижу главный смысл и направление нашего культурного возрождения.

Публикуемые в номере журнала материалы, разумеется, лишь обозначают наиболее узловые моменты общественной и культурной жизни сегодняшнего Казахстана, которые для читателей Узбекистана, да и для читателей «Звезды Востока» из других регионов бывшей нашей страны, надеюсь, будут интересны в той же мере, как и для нас, создающих свое новое культурное пространство, открытое в мир и для мира.

Рустем ДЖАНГУЖИН.
кандидат философских наук.

*Гонорар за публикации авторы из Казахстана
перечисляют в Фонд
«Звезды Востока».*

Мухаммад Садик Мухаммад Юсуф

Председатель Управления
мусульман Мавераннахра, муфтий

О ВЕРЕ

От автора

Во имя Аллаха Всемилоостивого, Милосердного!

Ислам — одна из самых распространенных в мире религий. И число исповедующих эту веру все возрастает. Вот уже 14 веков народы Средней Азии испытывают к Исламу особые чувства, относятся как к своей жизненной программе. Однако не всегда и не у всех было к нему такое отношение. Были и те, кто полностью отвергал нашу религию. За последние 70 лет, как известно, слепо отрицались и преследовались любые религиозные убеждения и воззрения; в гонимых оказались как сама религия, так и верующие. Но истина побеждает, и Ислам успешно выдержал труднейшие испытания. Вера и соответствующие ей воззрения, которые впитались в сознание, в плоть и кровь нашего народа, сегодня вновь обрели счастье полнокровно жить и развиваться. Принятие Закона о свободе совести, доступ для выступлений на религиозные темы в печати и других средствах массовой информации — все это тоже свидетельство благоприятного ветра свободы. Свобода дала небывалый импульс росту внимания и старших и младших к Исламу. В пору всестороннего кризиса общества мы связываем с Исламом большие надежды как с единственно верным, по нашему убеждению, путем предотвращения, в частности, духовного краха. А Ислам готов взять на себя миссию очищения душ от антигуманных устремлений и поступков. И единственная гарантия того, что он не поспеет в выполнении этой своей высокой миссии, заложена в нас самих — в людях! Все зависит от того, как мы понимаем Ислам, насколько верно толкуем его основы и применяем в жизни все, что знаем о нем. Для этого нам необходимо расширять и углублять свои представления об Исламе, его

Журнальный вариант.

философии, о религиозных ценностях. А эти ценности, и прежде всего Великий Коран, неисчерпаемо глубоки, высоки и общеинтересны.

ПОЯВЛЕНИЕ ИСЛАМА

Во имя Аллаха Всемилостивого, Милосердного!

Что означает «Ислам»

Религия, которую принес человечеству наш пророк Мухаммад, — да будет мир над ним!, — известна под названием Ислам. И это название не избрано самим пророком, а было указанием Аллаха. В Коране Всевышний говорит: «Удовлетворился для вас Исламом как религией» (сура «Трапеза», аят 5)¹.

Что касается лексического значения слова «Ислам», то ученые богословы и востоковеды в итоге его тщательного изучения определили такие основные смысловые оттенки:

Преданность. Предупреждение от различных бедствий.

Мир и благополучие.

Покорность и подчинение.

Смысл Ислама по шариату

Ислам — это вера в единственность Аллаха, подчинение и преданность Ему от всего сердца, искреннее уверование в ту религию, на которую указал Всевышний.

В Коране Ислам противопоставляется ширку, то есть вере в то, что Аллах имеет сотоварища. Ислам в некоторых аятах Корана приводится также в смысле веры в Аллаха, подчинения Ему.

Мусульманами называют тех, кто соблюдает покорность Аллаху, является последователем всех Его пророков.

Вот, например, что сказано в Коране устами Мусы (Моисея), да благословит его Аллах и да приветствует: «О народ мой, если вы уверовали в Аллаха, то на Него полагайтесь, если вы предавшиеся!»

«И когда Иса (Иисус) почувствовал в них (сородичах) неверие, то сказал: «Кто мои помощники Аллаху?» Сказали апостолы (близкие Исе): «Мы помощники Аллаха, засвидетельствуй же, что мы предавшиеся» («Семейство Имрана», аят 52).

После всех предыдущих пророков Аллах избирает Мухаммада своим посланником-завершителем. Создатель в Коране говорит ему: «Мы ведь открыли тебе так же, как открыли Нуху (Нюю) и пророкам после него» («Женщины», аят 163).

¹ Коран приводится в известном переводе И. Ю. Крачковского.

Возникает вопрос: если Аллах открыл истину Мухаммаду так же, как и другим пророкам, то отчего религии оказались такими различными? На данный вопрос в Коране ниспосланы совершенно ясные ответы.

Аллах посылал всех пророков с задачей призывать людей к тавхиду (вере в единственность) Создателя. Любое другое убеждение чуждо религии. Отсюда исходит, что в сущности религия — единое целое. Но религиозные лидеры, в личных, своекорыстных, честолюбивых интересах, вносили в нее изменения, сея разногласия и раздоры. Эта истина была выявлена именно после появления Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует. И прозвучала она в провозглашении исламской религии.

В Коране говорится: «Поистине, религия пред Аллахом — Ислам, разошлись те, кому было даровано писание, только после того, как пришел к ним знание, по злобе между собой» («Семейство Имрана», аят 19). При единой религии не возникнет разногласий. Отсутствие же согласия между христианами, иудеями и последователями Ислама противоречит учению Аллаха. Всевышний ниспосылал все религии для того, чтобы на земле воцарились мир, взаимная любовь между людьми и государствами. Именно с целью окончательного устранения раздоров, обретения пути праведного была ниспослана религия, которую принес Мухаммад, да благословит его Аллах и да приветствует.

Аллах решил — Исламу быть последней религией. А шариат Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует, отменяет все существовавшие до него. Это — законы и правила, отвечающие чаяниям всех людей во все времена. Об этом в Коране сказано: «Кто же ищет не Ислама как религии, от того не будет принято, и он в последней жизни окажется в числе потерпевших убыток» («Семейство Имрана», аят 85).

КОРАН И ЧУДЕСА ПРИРОДЫ

Сотворение мира

спор об

и научных проблеммах

Коран ниспослан для того, чтобы направлять ~~дух~~ людей на праведный путь; ~~направить~~ → устройства Вселенной, всего сущего ~~словам, науки~~ не входят в круг его задач. Однако в нем содержится ~~такие научные истины, как~~ с особой силой подчеркивает его божественную, чудотворную природу, делает хранилищем истинного.

Известно, что Мухаммад рос в Мекке, где не было ни наук, ни просвещения, ни медресе или тем более естественнонаучных учреждений. Пророк не знал даже грамоты. Тем не менее в Коране, внушенном ему Аллахом, изложены такие научные постулаты, которые не были известны людям ни тогда, ни позже. Только в наше время, когда наука достигла столь высоких

вершин, стали находить объяснения научным премудростям Корана.

«Разве не видели те, которые не веровали, что небеса и земля были соединены, а мы их разделили и сделали из воды всякую вещь живую», — говорится в суре «Пророки» (аят 30). В суре «Фуссилат» упоминается, что небеса до сотворения мира были «дымом». Это полностью подтверждено современной наукой: все сущее находилось в газообразном состоянии и только потом, в результате атомных и ядерных реакций в газовой среде, после остывания горячей плазмы, обрело различные формы.

Наша Солнечная система тоже произошла в результате этого разделения. Как известно, на земле имеется 92 вида веществ, из которых большинство обнаружены и на Солнце, и на Луне. Из этого также следует, что, как сказано в Коране, все в мире имеет единое начало.

Относительно другой части аята, «сделали из воды всякую вещь живую», то наука знает о необходимости воды для существования всего живого, для всех биологических, биохимических и химических реакций. Вода — основной элемент жизнедеятельности всей Вселенной, всей природы. Три четвертых Земли, еще большая часть живой клетки тела человека и животных состоят из воды. Одна из важных ее особенностей — сохранение стабильной, нормальной температуры на нашей планете, в морях, реках и океанах, что является одним из главных условий жизни на ней. Сама эта универсальность, масштабность — свидетельство прикосновения руки Божьей.

Обратим внимание на одну особенность Корана: в предельно лаконичных фразах он рассказывает о самых важных и бесконечных тайнах мира, раскрывая их. Один лишь приведенный аят может служить веским доказательством этого и, следовательно, того, что Мухаммад является действительно пророком, а Коран есть книга Священная.

Тягучесть и расширяемость материи

«И небо Мы воздвигли руками, и ведь Мы — расширители», — говорится в суре «Рассеивающие» (аят 47).

Данный аят может служить доказательством безграничности Вселенной и существующего в ней закона расширения. Как отмечал Альберт Эйнштейн, Вселенная состоит из миллионов систем, подобных Солнечной. И в каждой системе множество галактик, звезд и планет. Что касается закона расширения, следует напомнить, что астрономы установили постепенное взаимное удаление небесных тел, поддающихся наблюдению, от нашей Солнечной системы («красное смещение», гипотеза разлетающейся Вселенной). Выходит, Вселенная не находится в состоянии абсолютного покоя, а постоянно, подобно шару, расширяется во всех направлениях; при этом масса существующей материи остается неизменной.

Эту истину, о которой поведал Коран почти 15 веков назад, человечеству удалось осознать лишь в XX веке.

Движение Солнца, Луны и Земли

В суре «Йасин» Корана читаем следующие аяты: «И солнце течет к местопребыванию своему. Таково установление Славного Мудрого! И месяц мы установили по стоянкам, пока он не делается, точно старая пальмовая ветвь. Солнцу не надлежит догонять месяц, и ночь не опередит день, и каждый плавает по своду» (аяты 38—40).

Как видим, Коран здесь извещает о том, что Солнце движется в определенную сторону, а Луна имеет свои фазы. Это доказано также современной наукой. Выражение аята «и каждый плавает по своду» отражает эклиптическое вращение Солнца со всеми планетами Солнечной системы.

Живые существа Вселенной

В долгих поисках ответа на вопрос: «Есть ли жизнь на других планетах?» большинство астрономов пришли к мнению, что это возможно и что эти формы жизни схожи с земной. Например, доказано, в том числе, при помощи космических аппаратов, что на Марсе температура воздуха близка к земной норме, есть вода и кислород. А все эти компоненты — самое важное условие для возникновения и обитания органической жизни, биологических существ. Причем советские и американские ученые придерживаются единого мнения о возможности жизни на Марсе. В связи с этим трудно однозначно отрицать такую вероятность по отношению к другим планетам. Вчитываясь в Коран, мы понимаем несомненность существования жизни на иных, кроме Земли, планетах.

В одном из аятов говорится: «Прославляют Его семь небес, и Земля, и те, кто на ней» («Перенес ночью», аят 175).

Другой аят гласит: «И твой Господь лучше знает тех, кто в небесах и на земле» («Перенес ночью», аят 55). Следовательно, если в будущем откроют другие обитаемые планеты и состоятся межпланетные контакты, это еще раз докажет правоту великих предсказаний Корана.

Поднимаясь в небеса

В Священной Книге мусульман множество других, удивительно совпадающих с физической реальностью пророчеств и указаний. «Кого пожелает Аллах вести прямо, уширяет тому грудь для Ислама, а кого пожелает сбить с пути, делает грудь его узкой, тесной, как будто бы он поднимается на небо», — говорится, например, в суре «Скот» (аят 125). И в самом деле, поднимаясь на большую высоту с помощью самолета или воздушного шара, человек ощущает разреженность верхних слоев

атмосферы, т. е. нехватку кислорода. Ныне даже ребенок знает, что чем выше поднимаешься, тем тяжелее становится дышать, возрастает нагрузка на сердце и легкие. Но эта истина, задолго до осмысления ее человеком, четко и ясно изложена в Коране. Разве можно поверить, что и она открыта неграмотным человеком, который обитал в низменной местности с невысокими горами?

Разделение атома

В суре «Йунус» Священного Корана содержится следующий аят: «не укроется от Господа твоего вес пылинки ни на земле, ни в небе, и ни то, что меньше этого, и ни то, что больше...» (аят 61).

Одной из мельчайших частиц вещества, известных человеку, является атом. Вплоть до конца XIX века ученые были уверены в его неделимости. Но затем в результате множества опытов удалось расщепить атом на ядро, электроны, протоны, нейтроны и другие элементарные частицы.

Под выражением Корана о том, что «не укроется от Господа вес пылинки, ...и ни то, что меньше этого, и ни то, что больше...» подразумевается именно бесконечная делимость атома. А словосочетание «ни на земле, ни в небе» ясно указывает на универсальное строение Вселенной на уровне микромира.

Опять-таки, всё это невероятно превышает знания Мухаммада и даже его просвещенных современников и потомков, особенно мысль об одинаковых свойствах частиц на земле и в небе. Разве это не является еще одним ярким доказательством божественности Корана?

Все создано парами, все симметрично

Издревле известно, что в живой природе, и в мире животных, и в мире растений, и у людей господствует принцип парности. В Коране, в частности, о растениях сказано: «Разве они не смотрят на землю, сколько Мы произрастили на ней всяких благородных пар?» («Поэты», аят 7).

Касательно всех живых существ сказано о принципе парности, симметрии, соразмерности: «Творец небес и земли... Он уширяет удел, кому пожелает, и соразмеряет» («Совет», аят 11).

Универсальность этого не раз подчеркнута в Коране: «Из всякой вещи Мы сотворили пару...» («Гора», аят 49). Кроме того, отсюда вытекает указанный принцип внутренней делимости вещей, физических тел и явлений на соразмерные взаимодействующие элементы. Как известно, электричество открыто на много веков позже Корана. Но теперь мы знаем, что электрический ток образуется благодаря наличию положительных и отрицательных зарядов. Принцип симметрии обнаруживается и если вернуться к тем же атомам: вокруг ядра вращается электрон. Опыты продолжались, в результате чего в 1932 го-

ду английский ученый Джеймс Чедвик открыл деление самого ядра атома на протоны и нейтроны.

Равновесие вещей во Вселенной

Еще один великий, универсальный закон всего сущего содержится в книге Аллаха.

В суре «ал-Хиджр» Священного Корана проявляется такая милость: «Нет вещи без того, чтобы у нас были ее сокровищницы, и низводим мы ее только по известной мере» (аят 21).

А в суре «Гром» говорится: «Ведь всякая вещь у Него (Аллаха) по мере» (аят 8). Упоминание об этом никак не может быть случайным и не имеет чисто религиозного смысла. Ведь хорошо известны физические законы сохранения энергии и материи. Или биологические законы гомеостаза, биоценоза — о постоянстве состава и внутренней среды организмов. То же самое и относительно физико-химического состава воздуха, воды и т. д.

Например, содержание кислорода в воздухе 21 процент. Нетрудно представить, что случится, если это его соотношение достигнет, скажем, 50 процентов: просто воспламенится в мире все, что поддается возгоранию. Все живое, как известно, вдыхая кислород, выдыхает углерод, а растения, наоборот, в большинстве своем поглощая карбонат ангидрид, вырабатывают кислород. Изменение такого порядка вызвало бы полное нарушение условий жизни всех живых существ и растительности.

На Землю, как известно, попадает определенная доля температуры Солнца. Если произойдет понижение ее хотя бы наполовину, то вся Земля покроется льдом, если же, напротив, она повыкится хотя бы незначительно, то превратится в пепел и окаменеет все земное. Поэтому такое дозированное распределение излучения Солнца является великим благом. Научными исследованиями доказано, что для жизни людей, для развития растений, требуется определенная мера света и тепла.

«И землю Мы распростерли, и бросили на нее прочно стоящие, и произрастили на ней всякую вещь по весу», — говорится в суре «ал-Хиджр» (аят 19). Нетрудно уловить указание на открытое учеными в нынешнем веке определенное количество вещества в каждом растении, клетке и т. д., установить которое можно только с помощью самых чувствительных измерительных приборов. А сотворена такая великая и точная соразмерность Божьим промыслом.

Нижнее и верхнее течения волн

«...Или — как мрак над морской пучиной. Покрывает ее волна, над которой волна, над которой облака. Мрак — один поверх другого. Когда он вынет свою руку, почти не видит ее. Кому Аллах не устроил света, нет тому света!» («Свет»,

аят 40). Данный аят Священного Корана ясно свидетельствует о разделении морских, океанских течений на нижние и верхние.

В течение многих лет корабли, совершавшие рейсы по Северному морю, преодолевали расстояния с большими трудностями. Как выяснилось, причиной тому явилась не какая-то особая плотность воды, а именно эти глубинные течения. Первыми это обнаружили в начале 1900 года скандинавские моряки, сообщив о сильных волнах в нижних слоях морской воды. Хотя до сих пор происхождение такого явления не выяснено, глубинные течения, способные сбить с курса даже самые современные подводные лодки, нашли отражение в Коране 15 столетий назад. Надо ли напоминать, что в местах ниспосылания Корана — на родине пророка Мухаммада — подобные явления вообще не происходят: там нет не только океанов, но и больших морей и, разумеется, не существовало мореходства.

Мир животных, птиц и мир человечества

Священный Коран гласит: «Нет животного на земле и птицы, летающей на крыльях, которые не были бы общинами, подобными вам» («Скот», аят 38).

Аллах напоминает здесь о сходстве общественного устройства жизни зверей, птиц, насекомых с человеческим, а также об их инстинктах, осознанной деятельности. Эта научная истина под названием этологии также недавно была конкретно и подробно обоснована в трудах австрийского ученого Конрада Лоренца и его последователей.

Стало известно, что живые существа обитают своеобразными общинами, во взаимосвязи друг с другом. Это можно видеть на примере муравьев и пчел. Каждое сообщество имеет даже свой особый язык (часто это жесты, касания, химические выделения) и потому хорошо понимают друг друга, передают любую необходимую им информацию даже на расстоянии.

Наши предки вообще отрицали обладание птицами и животными умом и сознанием, оставляя им только самые примитивные чувства и ощущения. А все, напоминающее сознательность, что наблюдается в деятельности животных и птиц, они относили только к врожденным, наследственным, неизменным инстинктам. Это мнение господствовало очень долго. Даже такой знаменитый философ и естествоиспытатель, как Декарт, утверждал, что животные далеки от осознанной жизни, и его авторитет привел к тому, что это мнение было воспринято учеными как единственно верное. Лишь Дарвин поколебал это заблуждение. А Конрад Лоренц даже перенес некоторые закономерности поведения животных на человеческое общество.

Словом, и эту истину Корана, которая является еще одним его чудом, человечество признало лишь спустя много веков после того, как, наконец, подтвердилась она трудами многих поколений ученых.

Процесс развития эмбриона

В Священном Коране явлена и следующая милость: «Мы уже создали человека из эссенции глины, потом поместили Мы его каплей в надежном месте, потом создали из капли сгусток крови и создали из сгустка крови кусок мяса, создали из этого куска кости и облекли кости мясом, потом мы вырастили его в другом творении...» («Верующие», аяты 12—14).

При глубоком осмыслении этих аятов также обнаруживаем удивительное совпадение с реальностью, но постигнутой только современной наукой. Не противоречит этому и создание человека из глины. Человеческое семя, в конце концов,— производное от потребленной пищи, которая, в свою очередь, произрастает на почве.

То, что человеческое семя превращается в кровь,— это действительное состояние оплодотворенной яйцеклетки в момент, когда начинает формироваться эмбрион. В нем затем образуются кости, а вокруг них — мясо.

Как давно установили ученые, эмбрион в начале второго месяца своего развития больше напоминает головастика, нежели человека. В течение же этого месяца в нем происходят совсем другие изменения, и он начинает обретать человеческий облик. Вот что означает выращивание его «в другом творении»...

Невидимый покров эмбриона

Небесная Книга гласит: «Он творит вас в утробах ваших матерей одним творением после другого в трех мраках» («Толпы», аят 6).

Данный аят — тоже одно из научных чудес Корана. Что такое «одним творением после другого», мы только что установили. Еще более интересно другое. Как известно, в утробе матери ребенок находится обернутым в трехслойную мягкую биологическую пленку — плаценту. То, что она состоит именно из трех слоев, каждый из которых отвечает за определенную сферу жизнедеятельности плода, можно разглядеть лишь с помощью специальных приборов. Создатель, понятно, к ним не прибегал, говоря о «трех мраках»...

Первое сведение о... дактилоскопии

Теперь обратим внимание на первые четыре аята из суры «Воскресение»: «Нет, клянусь днем воскресения и клянусь душой порицающей! Разве думает человек, что Мы никогда не соберем его костей? Да, способны Мы подобрать его пальцы».

Уже зная, что такое дактилоскопия, невольно обращаешь удивленное внимание на эти слова. И действительно, все другие части организма могут быть абсолютно похожими, кроме рисунка кожи на пальцах.

В Коране Аллах своим указанием предупреждает, что Он в Судный день по пальцам людей станет полностью осведомлен об их поведении в мире бренном.

Такие особенности кожного покрова пальцев долго оставались неизвестными. Лишь в 1884 году в Англии, изучив множество отпечатков, оставленных неграмотными в качестве подписей, специалисты неожиданно обнаружили, что ни один след не повторяет другого...

СПОСОБНЫ ЛИ ВЫ ВЕРИТЬ В СУЩЕСТВОВАНИЕ БОГА?

Вера в научные доводы

Как религия, так и научные доказательства свидетельствуют, что вера в какую-нибудь абсолютную силу — в природе человека. Кроме того, что это заложено в нем, здесь действует и процесс, результат умственного развития. И действительно, чем глубже мы глядываемся и изучаем все сущее в мире, тем более убеждаемся: ничто не возникло и не изменяется так просто, самопроизвольно, а все создано кем-то и развивается по каким-то законам.

Причем следует подчеркнуть: изучение истории человечества и человеческой мысли непременно приведет нас к выводу, что вера в созидательную силу возникла раньше, чем сами какие-либо доказательства существования Создателя. Вообще трудно определить то время, когда именно появилось убеждение в бытии Творца. Ибо оно появилось так же естественно, незаметно для самого человека, как и стремление познать мир и самого себя в нем...

Однако любая вера требует и своего закрепления, утверждения в сознании человека, углубления в суть истины. И, по мере укрепления веры в Бога единого у древнего человека, Создатель, призывая своих посланников-пророков указать людям верную дорогу, поддерживал их авторитет и проповеди явлением различных чудес. Чудо ведь — это недоступное простому человеку действие, явление; и люди, только став очевидцами таких явлений, начинали верить в то, что пророки действительно являются посланниками самого Аллаха. Ислам к тому же имеет свое отличие, своеобразие: в нем особенно последовательно и настойчиво подчеркивается необходимость прийти к вере в Аллаха через размышления, опираться в своей вере на доказательства разума. Это касается не только содержания многих и многих аятов Корана, но и самой манеры обращения к людям: прямого призыва к ним искать и находить веские аргументы в пользу правоты Аллаха и веры. Какие же это доказательства?

Коран вновь и вновь побуждает нас для ответа на все вопро-

сы обращаться к своим страницам, посвященным мироустройству — от бесконечной необъятной Вселенной до жизни человеческого духа и тела.

Самое главное доказательство

Повсюду в Священной Книге мусульман рядом с призывом постоянно вдумываться в факт мироздания, его сотворения и устройства, постигать их тайны, содержится и указание на Творца всего сущего. Так, если в суре «Йунус» сказано: «Посмотрите, что на небесах и на земле!» (аят 101), то в суре «Преграды» говорится: «Неужели они не размышляют о власти над небесами и землей..?» (аят 101).

И это естественно, ибо, несмотря на все множество космогонических теорий и гипотез, никто до сих пор ясно не указал, да и никогда не сможет указать на иную Первопричину! «Сотворил Аллах небеса и землю во истине: поистине, в этом — знамение для верующих!» — говорится в суре «Паук» (аят 44).

И первое из этих знамений — бесконечность, безграничность Вселенной, огромность расстояний между ее объектами — галактиками, звездами, планетами. Никакими цифрами, измерениями в триллионах и триллионах не измерить этих границ.

Мы вынуждены довольствоваться используемой для этого вычисленной астрономами скоростью света и самыми сильными современными приборами. Но сколько бы ни совершенствовались дальше эти приборы, наше знание будет оставаться ограниченным. Наше — но не Божье! И это тоже служит важнейшим доказательством Его существования и беспредельного могущества.

Вслушаемся, вдумаемся в одно из самых загадочных, таинственных мест Корана: «...клянусь местом заката звезд! А ведь это — клятва, если бы вы знали, великая», — говорится в суре «Падающее» (аяты 75—76). Воистину, великая клятва, заставляющая верить в абсолютное величие ее произносящего...

«Моя религия, — признавался Альберт Эйнштейн, — состоит из удивления по отношению к безграничному духу. Этот дух открыл лишь некоторые вещи, осмысление которых доступно нашему ничтожному уму. Когда я в целях постижения этой глубокой веры и высшей божественной силы вглядываюсь во Вселенную, в мое сердце вселяется убеждение в существовании Господа».

Член Академии естествознания США Марит Стенли говорит: «Все сущее в мире свидетельствует о Боге, служит доказательством Его могущества и величия. Мы, ученые, исследуя имеющиеся в мире некоторые вещи, не сможем переходить дальше осмысления вещей, созданных мудростью, руками и силой Господа».

А раз так, то, будучи очевидцами мира сего, зная хотя бы некоторые его истины, нам ничего не остается, кроме веры

в Аллаха. Мы не можем вновь и вновь не вспоминать: «Поистине, в создании небес и земли и в смене ночи и дня — знамения для обладающих умом,— тех, которые поминают Аллаха, стоя, сидя и на своих боках, и размышляют о сотворении небес и земли: «Господи наш! Не создал ты этого попусту...» («Семейство Имрана», аяты 190—191).

Свидетельство — сама Земля

В суре «Разъяснены» говорится: «Из Его знамений — день и ночь, Солнце и Луна. Не поклоняйтесь Солнцу и Луне, а поклоняйтесь Аллаху, который сотворил их, если вы Его почитаете» (аят 37).

...Смена дня и ночи, как известно, происходит в результате вращения Земли вокруг своей оси. Вращение настолько четко, что исключается серьезный сбой. Что же касается некоторых «неточностей»...

Любые часы, изготовленные из самых высококачественных металлов или электронные, на кристаллах, допускают определенные отклонения. Несмотря на это, мы ими довольны, считая их высокоточными. Теперь попытаемся сопоставить массы Земли и часов!.. При своем неизмеримо большем весе Земля может отклоняться на тысячную долю секунды в год, что тоже, как известно, считается в науке не ошибкой, а нормой, соответствующей определенным причинным закономерностям.

С вращением Земли теснейшим образом связано все существующее на ней. Замедление этого движения, как известно, было бы чревато, к примеру, усыханием морей и океанов, стало бы причиной гибели всего живого от жары или холода, а даже незначительное ускорение привело бы к разрушению всего. Самое страшное — если бы Земля могла бы вдруг сойти с орбиты, подвергая смертельной опасности себя, всю систему нашей галактики и соседних.

В Коране красочно и точно описывается состояние столь плавно вращающейся Земли: «И ты увидишь, что горы, которые ты считал неподвижными,— вот они идут, как идет облако по деянию Аллаха, который выполнил в совершенстве все» («Мурави», аят 88). Здесь вращение Земли показано на примере гор: их неуклонное движение по существу отражает движение самой планеты.

Природа подтверждает

Гарантом от столкновения друг с другом и взаимоуничтожения миллиардов звезд и планет служит всемирный закон тяготения. Все в мире, и на Земле в частности, существует в соответствии с определенными порядками, законами, правилами. Материалисты именно это считают доказательством самосотворения мира. Но в их мире господствовал бы закон случайностей, которые бы разрушили все и вся.

Крупный современный ученый Крейси Моррисон говорил:

«Изучение чудес природы приводит к убеждению, что в каждом из них заложены удивительная целесообразность и порядок. Они не оставляют сомнения в том, что во всех них реализуется предначертание воли Творца. Масса земного шара, отдаленность его от Солнца, толщина земной коры, объем воды, кислорода, углерода и жизнь человека — все это, конечно, не происходит самопроизвольно, бесцельно и беспорядочно. Все возникло по поразительному расположению, цели и плану».

Об этом говорится во многих аятах Корана. Так, в суре «Корова» сказано: «Поистине, в творении небес и земли, в смене ночи и дня, в корабле, который плывет по морю с тем, что полезно людям, в воде, что Аллах низвел с неба и оживил ею землю после ее смерти, и рассеял на ней всяких животных, и в смене ветров, и в облаке, подчиненном, между небом и землей,— знамения людям разумным!» (аят 164).

Все это, в том числе круговорот веществ в природе, поддерживающий жизнь на Земле,— научные истины о тайнах бытия. Аяты Корана, излагая их, подчеркивают закономерность явлений природы, удивительную их взаимосвязь.

В суре «Гром» Корана говорится: «Он — тот, кто распростер землю и устроил на ней прочно стоящие (горы) и реки и из всяких плодов устроил там пары по двое. Он закрывает ночью день. Поистине в этом — знамения для людей, которые думают!» (аят 3). В природе, на земле нет ничего бессмысленного, бесполезного. К примеру, те же горы,— казалось бы, зачем они? Между тем польза от них огромная. Хотя бы то, что, накапливая на своих вершинах богатый источник жизни — снега, ледники, они выступают как бы разумными распределителями воды.

В суре «Румы» содержится еще вот такая мысль: «Из Его знамений — Он показывает вам молнию на страх и надежду: и ниспосылает с неба воду и оживляет ею землю после ее смерти. Поистине, в этом — знамение для людей, которые разумны!» (аят 24). Какая же тут взаимосвязь? О значении воды мы уже говорили. А молнии? Оказывается, посредством электрического разряда в воздухе кислород смешивается с азотом, и вместе с дождем окиси азота попадают на почву. По сведениям ученых в результате разряда молний ежегодно образуется около 100 миллионов тонн азота, что в десять раз превышает его объем, производимый на заводах. Особые бактерии, улавливая содержащийся в воздухе и почве азот, перерабатывают его в питательное для растений вещество...

Вот что такое молния, дождь и «оживление земли», о которых поведано 15 веков назад!

Живому нет предела

Сура «Покаяние» гласит: «Поистине, власть над небесами и землей! Он живит и умерщвляет...» (аят 116).

В суре «Скот» Корана говорится: «Поистине, Аллах — дающий путь зерну и косточке: изводит живое из мертвого и выводит живое из мертвого! Это вам — Аллах» (аят 95).

Биологи давно уже отмечают неисчерпаемость живой клетки и разнообразие ее видов у растений и животных. Особенно это стало ясно с развитием современной генетики, все дальше углубляющейся в тайну живого организма, в сам секрет жизни и неповторимость ее форм.

Действительно, бесконечно разнообразие и богатство мира Божьего, человек может и должен изучать его, как призывает Аллах, но не в состоянии создавать заново, а лишь совершенствовать. И самые лучшие умы человечества всегда осознавали это.

В суре «Скот» Корана звучит следующее напоминание: «Он — тот, который низвел с неба воду, и Мы вывели из нее зелень, из которой выведем зерна, сидящие в ряд; из пальмы, из ее завязей, бывают гроздья, близко спускающиеся; выводим и сады из винограда, и маслину, и гранаты, похожие и не похожие. Посмотрите на плоды этого, когда они приносят плоды, и на созревание их! Поистине, в этом знамение для людей, которые веруют!» (аят 99).

Слова «Мы вывели из нее зелень, из которой выведем зерна» означают, что из зеленого вещества растений (хлорофилла) выводятся плоды, т. е., как известно современной науке, посредством клеток зеленых листьев производится питательное вещество. Что, созданное руками человека, пусть даже самое совершенное предприятие, может создавать подобное и подобным образом? Даже синтезируя какие-то вещества с помощью новейших технологий, ученые, производственники лишь подражают природе — творению Божьему.

В суре «Гром» содержится интересное разъяснение по поводу различных полезных свойств растений при общности почвы и влаги: «На земле есть участки соседние, и сады из лоз, и посевы, и пальмы из одного корня и не из одного корня, которые под одной водой. И одним из них Мы даем преимущества перед другими для еды. Поистине, в этом — знамения для людей умных!» (аят 4). Конечно, и здесь, как и во многих других случаях, концентрируется трудовой опыт многих поколений земледельцев. Но ведь подобное существовало и до этого опыта! И опять-таки, человек совершенствует свою среду обитания, основы которой заложены Творцом.

Ведь даже удивительные открытия науки XX века — генетики проистекают из наблюдений над природой и ее законами, данными свыше. Тут очень уместно обратиться к одному из аятов из суры «Поэты»: «Разве они не смотрят на землю, сколько Мы произрастили на ней всяких благородных пар? Поистине, в этом — знамение...» (аяты 7—8).

Вот что говорит о закономерностях развития растений из-

вестный германский генетик Зумерман: «Для произрастания каждого растения недостаточно только наличия света, химических веществ, воды и воздуха, еще в самом семени бывает заложена необходимая сила, которая придает его росту удивительную четкость... Так из семени пшеницы произрастает пшеница, а из семени ячменя — ячмень. Несмотря даже на тождество друг другу многих растений, каждое из них имеет свои особенности».

Человек на многое способен, но известно, какое сокрушительное поражение потерпели враги генетиков, следующие природе, те же лысенковцы, дерзнувшие ее по-своему «переделать»...

Итак, в основных закономерностях, типичных свойствах, как и в особенностях предметов и явлений, мы видим повсюду проявление чего-то высшего, общего. Так, растения, как бы ни были они различны, имеют много сходного в строении, в них происходят одинаковые процессы, они выполняют сходные функции, в равной мере нуждаются, например, в кислороде и солнечном свете... Размышляя об этом и подобном, ища ответы на все новые возникающие вопросы, мы неминуемо приходим к еще более сложному и важному вопросу: кем все сущее было создано и кто предопределил великие каноны существования? То есть возвращаемся к проблеме Первопричины, к Творцу.

Вера в Аллаха — достоинство человека

Результаты научных исследований в области религии показывают, что религиозность как общечеловеческое качество в равной мере присуща и нашим древним предкам и нынешним поколениям.

Ни один народ до сих пор не существовал без религии. Мы уже отмечали: такие понятия, как Бог, вера заложены в самой природе человека и они даны ему внешней сверхъестественной силой, Создателем, Богом, Аллахом.

Один из крупнейших ученых, поддерживающих и развивающих эту идею, шотландец Эндью Линч отмечал:

«Каждый человек живет с мыслью о том, что все сущее в мире имеет первопричину. Этого уже достаточно для того, чтобы быть верующим. Потому что коль скоро существует мир, есть у него и Творец. Каждый непременно придет к выводу о существовании Творца тех вещей, которых он, человек, сам не умеет создавать».

Недаром в жизни всех поколений человечества существуют такие понятия, как отец, хозяин, Господь.

При первобытно-общинном строе первичное религиозное убеждение было в первоначально чистом виде. Впоследствии оно обросло и перемешалось с легендами».

Теория происхождения религии Э. Линча долгое время оставалась непризнанной. Ее правильность получила подтвер-

ждение лишь после того, как был разработан метод исторической антропологии. Специалист в этой области, знаток этнографии индоевропейцев профессор Венского университета Леопольд фон Шредер обосновал наличие у этой древнейшей расы идеи о высшем Божестве. Как определил фон Шредер, религия у них зиждилась на трех основах: преклонение перед природой; поклонение духам покойных предков; преклонение перед старшим Творцом, Богом добра.

Тот же культ старшего Бога, Творца всего сущего и всемогущего распорядителя судеб подтверждается, например, исследованиями обычаев древних индейцев Калифорнии и т. д.

Естественность веры, ее древнейшего происхождения и возрождения у каждого нового поколения отмечается многими учеными. Доктор Поль Кларенс, в частности, проницательно замечает: «Человек постоянно ощущает наличие более сильного, чем у себя, ума, более высокого, чем собственное, мастерства. Это и приводит к вере в Бога».

Конечно, нельзя не признать, что Бог — всегда есть и будет тайна, Он и дела Его сокрыты от наших глаз. Человеку нелегко обосновать существование Аллаха при помощи одних только материальных аргументов. Вот почему для укрепления веры, наряду с вещественными, должны быть и духовные свидетельства. Иначе говоря, мы достигнем полной веры только в том случае, если к своей просвещенности в материальных сторонах этого бескрайнего мира прибавим еще свои чувственные, сокровенные ощущения и состояния, любовь, а также присущие истинному человеку лучшие, высокие духовно-нравственные качества.

В точности, скрупулезно определить все причины веры миллионов и миллионов разумных людей в Творца, разумеется, невозможно, да и вряд ли вообще нужно. Это ведь тоже одна из Его тайн. Но вера сама по себе уже есть сильнейшее доказательство существования Аллаха.

И такая истина тоже выражена в Коране. В частности, в суре «Румы» указывается: «Обрати же свой лик к религии верным — по устройению Аллаха, который устроил людей так. Нет изменений в творении Аллаха, это — вера прямая...» (аяты 30—31).

Итак, Коран подчеркивает, что религия присутствует в самой сути человека, он рождается предрасположенным к вере в Творца всего мира и в то, что этот Создатель един. Оказываясь наедине с самим собой, человек всегда задумывается о существе и смысле жизни и неминуемо приходит к этому. Однако многие люди, к сожалению, не задумываются о собственной природе, в том числе недопонимают то, что религиозность также заложена в них. К осознанию такой особенности приходят только те, кто глубоко мыслит; живет напряженной внутренней духовной жизнью. И эту великую способность нам тоже дал Бог, а необходимость ее провозглашает Коран.

Пророк Мухаммад именно в этом смысле сказал, как изла-

гают хадисы (предания о высказываниях и деяниях пророка): «Каждое человеческое дитя рождается с верой в Единого, и только родители посредством воспитания превращают его в иудея, христианина или язычника...»

Известно, что в самые трудные моменты своей жизни каждый, вольно или невольно, обращается за помощью к Богу. Хотя бы это уже является доказательством религиозной «запрограммированности» человека. Упомянувшийся ученый Моррисон писал: «С первых дней своей истории по сегодняшний день человек ищет личность, которая была бы сильнее и выше его самого, что тоже является подтверждением присущей человеческой природе религиозности. Эту истину подчеркивает и наука».

То есть, опять-таки, обращение к Богу естественно; на сей счет Коран ниспосылает множество аятов. «А когда людей коснется зло, они взывают к своему Господу...», — говорится в суре «Румы» (аят 33). А в суре «Лукман» сказано: «И когда их покроет волна, как сень, они взывают к Аллаху» (аят 32).

В том, что человек носит Господа в своей душе, прибегает к нему за советом и помощью, нет ничего унижительного для личности. Напротив. Ибо ниспославший Коран — наш Творец — мудр, всеведущ и милосерд. Поэтому чистая вера, следование советам Корана — высшее достоинство человека.

Наука призывает к вере

Несведущие, оглушенные многолетней ложной информацией люди склонны думать, будто образованный человек, ученый — обязательно безбожник, и чем больше у человека знаний, тем сильнее у него отрицание религии. В действительности же наука сама по себе никогда не вела своих представителей к безверию. Настоящий ученый, в ходе своих исследований, все больше убеждается в безграничности мира и в то же время в удивительной организованности миропорядка, где нет ничего хаотичного, бессмысленного. Правильное осмысление всего этого в конечном счете чаще всего не может не привести к вере во Всевышнего. Специалист из Германии Динард, изучив мнения большой группы ученых с мировым именем, получил следующие результаты: 20 человек из опрошенных не пришли к определенным религиозным убеждениям, 242 стали верить в Бога, и лишь 20 человек выразили отсутствие у них интереса к религии. То есть 92 процента оказались верующими и лишь сравнительно незначительная часть атеистами, причем последние не высказывали никакой агрессивности по отношению к религиозным убеждениям коллег, уважая их право на инакомыслие. Это, как и многие другие факты, доказывает, что религия и наука — явления вовсе не противостоящие друг другу, и, следовательно, вполне можно быть естествоиспытателем и верить в сверхъестественные силы. Великий микробиолог Луи Пастер писал: «Вера никогда не тормозила прогресс. Ибо вся-

кий прогресс открывает те чудеса, которые заложены в Божьем создании. Если у меня сегодня стало больше знания, чем вчера, то это значит, что по сравнению со вчерашним днем упрочилась и моя вера в Господа».

Ученый-химик, декан естественного факультета Парижского университета Сорбонны Витез говорит: «Если я начинаю чувствовать малейшее ослабление в своей вере, то в целях ее укрепления спешу в Академию наук».

Известный академик Фай в своей книге «Первоздание миров» пишет: «Совершенно вздорным является утверждение о том, что наука ведет своего обладателя к непризнанию Господа».

Другой видный французский ученый-геолог Эдмон Герберт говорит, что «наука не может вести к безбожию или колебаниям в вере». Крупнейший энтомолог и специалист по естественной истории Жан Анри Фабр утверждал: «Каждому периоду присуще свое юродство. Неверие в Бога — безумие нашего времени. Я скорее соглашусь на то, чтобы с меня содрали кожу, чем на лишение моей веры в Господа».

Как известно, великий русский физиолог Павлов также был глубоко религиозен; крупный ученый, медик и хирург Воинов-Ясенецкий, практиковавший в Ташкенте, стал даже епископом; монахом был первооткрыватель генетики австриец Мендель, и т. д.

Как убедительное обобщение звучит здесь признание великого Эйнштейна: «Самым большим результатом научных поисков является вера в Бога».

Небезынтересно высказывание классика английской философии XVI—XVII в.в. (причем называемого в советских энциклопедиях почему-то «одним из родоначальников материализма») Фрэнсиса Бэкона. Он утверждал, что «человек, малопросвещенный в философии, приближается к безбожеству. Однако тот, кто глубже изучил философию, возвращается в религию».

А происходит это потому, что ученые, обладая более широким кругозором и глубиной мысли, чем рядовой человек, знают о мире больше. Что естественно приводит их к вере в Господа. По существу, наука, чем дальше изучает мир, тем добывает больше доказательств в пользу существования Всевышнего. «Ведь бояться Аллаха из Его рабов только знающие», — недаром говорится в суре «Ангелы» Корана (аят 27). Как видим, здесь полное совпадение утверждений Корана, новых свидетельств науки и мнения ученых.

Дискуссия с безбожниками

Атеисты не верят в существование Создателя всей Вселенной. По их утверждению, как известно, материя является первичной и все, что имеется в природе, — результат ее саморазвития. Вот что на сей счет возражает известный американский физик Уильям: «Я верю в существование Бога. Потому что

не представляю возникновения вдруг протонов. Сам собой не мог возникнуть и первичный атом. Точно так же и первичная протоплазма, первичное семя, первичный разум. Я верю в существование Господа, ибо единственным объяснением появления всего того, что нас окружает, является существование Бога».

Доктор Вайн Уорд как бы развивает эту мысль: «Теории о возникновении всего существующего сами собой не способны уточнить его начало. Они не могут идти дальше утверждения о том, что все появилось вдруг. Мнение о возникновении вещей самих по себе является выдумкой тех, кто не признает существования Бога. В действительности же, если даже рассматривать вопрос, отодвигая в сторону его религиозный аспект, мнение о существовании Бога ближе к разуму, к логике, нежели мысль о том, что вещи возникли сами собой. Нет и не может быть никаких сомнений — об этом убедительно свидетельствуют чудеса Вселенной: есть Создатель всего сущего. И оно не появилось само по себе, беспорядочно».

Размышляя о тайне жизни, профессор Крейси Моррисон задается вопросом: «Материя ли создала жизнь?» И отвечает: «Всем известно, что ни окружающая среда, ни материя, ни химические и природные изменения сами по себе не способны придать жизнь ничему. Коли так, можно ли говорить о том, что душа сама по себе, безвольно вселилась в человека и животное?»

В последнее время наука отвергает идею об извечности окружающего нас мира. По этому поводу физик Эдуард Крейселл утверждает: «Наука со всей очевидностью показывает, что этот мир не может быть извечным. Поскольку не прекращаются химические, природные перемены. Если бы он был таковым, то давно бы иссякли энергии и никаких признаков жизни не осталось бы в нем».

Раз мир конечен, то у него было и начало, чего также не отрицает наука. А это свидетельство существования Творца.

В Коране сказано, что это мир сотворенный и он создан Аллахом.

КОМУ И ЧЕМУ ПОКЛОНЯТЬСЯ

Преклонение перед личностью

Оглядываясь в недавнюю 70-летнюю историю общества, в котором мы жили, ужасаешься массовости одной из самых опасных социальных болезней — разнообразных культов и культиков личностей. Привычка к покорности, преклонению перед такими «великими гениями», как Сталин, Хрущев, Брежнев, и другими якобы сверхчеловеками меньшего калибра, держала в железных тисках многие народы и души, в итоге превратившись в серьезное препятствие к продвижению об-

щества вперед, всеобщему мировому прогрессу. Между тем Ислам вовсе отвергает преклонение перед кем бы то ни было, кроме Бога. Культ личности считается не просто грехом, а проявлением неверия в Аллаха.

Немало людей унижаются перед каким-нибудь подобным себе, ставя его почему-то выше других, уверовав в наличие в нем каких-то особо отличительных качеств. А такой предмет незаслуженного поклонения, основой которого чаще всего являются как раз безнравственные качества — карьеризм, корыстность, самоуверенный эгоизм, в свою очередь, делает все возможное и невозможное, чтобы возвысить себя до уровня Бога. Например, пользуясь доверчивостью людей, изощряется в применении против них грубой силы, в устрашении, наглом обмане и т. д. Такие мерзкие «божки» принесли человечеству неисчислимые бедствия, пока их не настигал в итоге, при жизни или после, заслуженно бесславный конец, падение в глазах людей...

Одно из великих правил Священного Корана — молиться только Аллаху и отказаться от преклонения перед любым человеком. В древности после смерти некоторых пророков и прославленных людей их соплеменники поклонялись им, считая усопших богами. Великий Коран в суре «Семейство Имрана» разъясняет неправильность, опасность такой веры. Между тем, например, Будда при жизни не претендовал на роль Бога. Но после смерти последователи объявили его таковым. Исламу удалось тактично и деликатно, но твердо предупредить подобного рода искривления в религиозном убеждении. Ведь была опасность обожествления и пророка мусульманской религии. По чистой исламской вере Мухаммад, да благословит его Аллах и да приветствует, такой же обыкновенный человек, как и другие. Он раб и посланник Аллаха. Всевышний, с назиданием передать своим сторонникам, ниспослал ему следующий аят: «Скажи: «Я не владею для самого себя ни пользой, ни вредом, если того не пожелает Аллах. Если бы я знал скрытое, я умножил бы себе всякое добро, и меня не коснулось бы зло. Ведь я — только увещатель и вестник для народа, который верует» («Преграды», аят 188).

В другом аяте говорится: «Скажи: «Я ведь — человек, подобный вам; ниспослано мне откровение о том, что бог ваш — Бог единый. И кто надеется встретить своего Господа, пусть творит дело благое и в поклонение Господу своему не присоединяет к Нему никого» («Пещера», аят 110).

И следует напомнить, что Мухаммад всегда и во всем соблюдал эту заповедь, оставался человеком скромным и сам пресекал все попытки вознесения себя над людьми.

Мы лишь вкратце остановились на учении Ислама о личности и народе, что чрезвычайно важно в наших условиях и особенно в настоящее время. Даже естественное уважение к людям честным и достойным, желание подражать их добрым делам не должно перерастать ни в какие культы, уродующие и поклоня-

ющего, и часто — предмет поклонения. Таковым был и остается лишь один Бог, ибо он один совершенен и не подвержен людским страстям и заблуждениям. Он, вера в Него — мерило нашего достоинства, никто и ничто больше.

Преклонение перед страстью

Есть такое выражение — раб своих страстей. Это тоже противоречит подлинной вере. Труд, разумное пользование его плодами — угодны Богу. А вот рабство перед бранными вещами, имуществом тоже относится к числу сомнений в Аллахе. Завлекший себя в подобное положение вынужден делать все, что диктует ему его же ненасытная алчность. Разновидности такой алчности — накопительство, жадность, властолюбие — ныне стали тем идолом, который, увы, прочно занял умы и сердца многих, стал делом их жизни, превращая ее, по сути, в пустую суету. Мало того, ради бранный они враждуют между собой, теряют собственное достоинство и душевный покой, забывают всемогущего Создателя — Аллаха. Следуют не по указанному Им пути, а туда, куда заманивают их пагубные страсти.

Даже если это делается «ради семьи, детей», все равно — грех несмыаемый.

Коран постоянно призывает мусульман не поддаваться влиянию вещей: «О вы, которые уверовали! Не давайте своему имуществу, детям отвлекать вас от поминания Аллаха. Кто это делает, те — потерпевшие убыток» («Взаимное обманывание», аят 9).

Заступничество

До Ислама арабы, да и все язычники, в идолах видели заступников, то есть тех, кто, выступая посредником между ними и высшими силами, приносит им во всем облегчение. Коран же объявляет о том, что могущество заступника присуще одному лишь Аллаху. В суре «Толпы» нам явлено следующее милосердие: «Скажи: «Аллаху принадлежит заступничество полностью. Ему принадлежит власть над небесами и землей...» (аят 44).

В Коране также подчеркнуто, что никто не вправе выступать в этой роли, кроме тех, у кого на то есть соизволение Аллаха. «Нет заступника иначе, как после Его позволения», — говорится в суре «Йунус» (аят 3). Как отмечается в Коране, пророки, святые могут заступаться за тех, кому Аллах оказывает милость.

Это очень важные, жизненные постулаты, они касаются не просто различия между языческими суевериями и высокой верой в Бога единого. Дело в том, что аяты Корана о заступничестве сводят на нет надежды ленивых грешников, живущих только в ожидании чьей-то милости. Они обличают также тех лиц, которые, спекулируя своей набожностью, обманывают

людей, обещая им свое заступничество. Идеи Ислама, признание Аллаха во всем единственным, по существу возвеличивают самого человека, укрепляют его волю, открывают дорогу для стойкого преодоления жизненных трудностей, тем самым превращая его в достойную личность и члена общества.

Всезнающий, всеведущий, справедливый

Одна из граней всемогущества Творца — абсолютная просвещенность, Его знание безгранично.

Он знает все и ничего не забывает. Что было вчера, будет сегодня, завтра, все тайное и явное, обо всем, что имеется на земле, в небесах, в этом мире и на том свете,— все и вся. Знает, ибо сам создал все это. В суре «Власть» сказано: «Таите свои слова или открывайте... Поистине, Он знает про то, что в груди! Разве же не знает Тот, кто сотворил, а Он — проникающий, сведущий» (аяты 13—14); «Аллах знает, что несет всякая самка: насколько сжимаются и насколько увеличиваются утробы. Ведь всякая вещь у Него по мере. Знающий скрытое и явное, великий, превознесенный. Одинаковы среди вас и тот, кто скрывает речь, и тот, кто открывает ее, и тот, кто скрывается ночью и выступает днем» («Гром», аяты 8—10); «У него — ключи тайного; знает их только Он. Знает Он, что на суше и на море; лист падает только с Его ведома, и нет зерна во мраке земли, нет свежего или сухого, чего не было бы в книге ясной» («Скот», аят 59).

Как видно из этих и других аятов, теория Ислама, его учение об Аллахе не является философской схоластикой, метафизическими рассуждениями, какими-то абстракциями. Согласно некоторым другим религиям, Бог, сотворив мир, сам удалился в небеса и сейчас не интересуется делами Вселенной. Ислам же утверждает, что Аллах не только постоянно все видит и знает, но и оказывает свое влияние на сей мир. Эта истина имеет особенно непосредственное отношение ко всем сферам жизни и потому важна для нравственного воспитания людей, особенно подрастающего поколения. Преступник, в момент совершения своих злодеяний, уверен в своей безнаказанности. Допустим даже, что это так, хотя, пожалуй, нет преступления, которого при должном расследовании нельзя было бы раскрыть. Предположим, злодей, бесследно скрывшись, ушел от ответственности перед людскими законами. Однако на самом деле заслуженная кара неотвратима, ибо Аллах — свидетель всех наших деяний. Тот, кто не получил наказания за преступление от раба Божьего, обязательно получит его от самого Бога. Это надо знать всем и всегда помнить.

Несравненный

Аллах не имеет нигде и ни в чем никакого подобия. И это ясно: Творец отличается от всего созданного Им самим. По-

этому, когда мы говорим, что Аллах услышит, имеется в виду и недоступный, неизвестный нам, нашим органам чувств и любым приборам способ принятия Им информации. Когда говорим, что Аллах видит, тоже разумеется не наше зрение. И по всем другим качествам Он отличен от всего сущего.

Ислам, правильно решив этот вопрос, развеял все прежние сомнительные и ложные убеждения о существовании Аллаха. Он — несравненный, не имеющий подобий. Потому мы должны сдерживать себя от уподобления Аллаху любым существам и предметам, от утверждений, будто Он, как и мы, имеет тело, от придания Аллаху любых качеств созданий Его. «Не постигают Его взоры, а Он постигает взоры» («Скот», аят 103); «Нет ничего подобного Ему» («Совет», аят 11); «Знает Он то, что было до них (людей) и что будет после них, а они не объемлют этого знанием» («Та ха», аят 110); «Хвала Господу небес и земли, Владыке трона, превыше Он того, что они (люди) Ему приписывают» («Украшения», аят 82).

Хотя наш пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и да приветствует, велел размышлять о вещах, созданных Аллахом, но запрещал думать о существовании Творца. Ислам в деле очищения имени Владыки Вселенной от всего наносного достиг самых замечательных результатов. И в этом тоже заложен глубокий смысл: верить, поклоняться по-настоящему можно только Непостижимому, Бесконечному, во всем Идеальному.

Он — источник жизни

Аллах — источник жизни, Он даритель ее всему живому. Посему несомненно обладание только Им совершенным, истинным пониманием и картиной жизни. И никто более не смеет на это даже посягать. Глубокая, искренняя вера, конечно, приближает нас к ощущению идеала, заставляет человека стремиться к достойной, совершенной жизни. И это хорошо. Но не стоит даже посягать на большее, ибо сказано о людях и Земле: «Всякий, кто на ней, исчезнет, и останется лик твоего Господа со славой и достоинством» («Милосердный», аяты 26—27).

Именно с идеальностью, с абсолютным совершенством Аллаха и Его знания, их отличием от людских качеств связаны многие положения Корана.

Так, Аллах не нуждается в пропитании: «Он питает, а Его не питают» («Скот», аят 14).

Отсюда, в частности, неприятие Исламом порочного обряда жертвоприношений, от которого он освободил многие народы, запретив уничтожение животных, бессмысленное разбазаривание своего имущества.

Имеет свой смысл и утверждение, что Аллах не нуждается в подруге и детях. Этим Ислам, в частности, преградил путь тем недостойным лжецам, которые в свое время, выдавая себя за детей или близких Аллаха, путем обмана эксплуатировали других.

Слово (общение) Аллаха

Общение — одно из качеств Аллаха. Однако слово Аллаха отлично от слова рода человеческого. Человек выражает свою мысль путем произнесения слов или письменным их изложением. Аллах же не нуждается в таких способах. Посылаемые Им своим рабам откровения, вдохновения и есть его слова. В Коране об этом сказано так: «Не было, чтобы Аллах говорил с человеком иначе, как в откровении, или позади завесы, или посылал посланника и открывал ему по своему изволению, что желал. Поистине, Он — высокий, мудрый!» («Украшения», аят 51).

Разговор из-за завесы означает: Аллах в сердце человека, которого он по заслугам его возвысил, вселяет некоторые свои мысли. Такого счастья, кроме Мухаммада, удостоился, например, Муса (Моисей), да благословит его Аллах и да приветствует. И слова Аллаха не имеют границ, невозможно их сосчитать и до конца постигнуть...

Всесильный — но и Всеблагий

Что же говорит нам Аллах из того, что мы все же способны постигнуть? Пожалуй, прежде всего то, что приведенные в Коране сверхъестественные качества, присущие Аллаху, ни в коем случае не означают какого-либо насилия. Всемогущество Аллаха следует понимать как способность направлять рабов своих по пути истинному, а не как их угнетение. Второе значение этого понятия — Бог есть существо, которого не в силах одолеть ни замыслы злоумышленников, ни ухищрения хитрецов.

Даже упоминание о гневности понимается как способность повелевать всем сущим ради веры, порядка и справедливости. Не случайно более всего внимания в Коране уделяется доброте и любви Всевышнего. Особенно часты такие эпитеты по отношению к Аллаху: Рахмон — ко всем Милосердный; Рахим — Всемилолюбивый; Салом — Дарящий всем мир; Гаффор — Всепрощающий; Раззок — Дарующий хлеб насущный, кормилец; Латиф — Любезный, вежливый; Шукур — Благодарение, благодарный; Мужим — Дарящий все, что у него просят; Карим — Щедрый во всем; Таввоб — Принимающий покаяние кающихся. Перечисление добрых качеств Аллаха можно продолжать и продолжать.

«Твой Господь никого не обижает!» («Пещера», аят 49); «Поистине, Аллах не желает обиды мирам!» («Семейство Имрана», аят 108); «Поистине, Аллах не обидит и на вес пылинки...» («Женщины», аят 40) — вот лишь некоторые заверения Корана о том, что Аллах милосерд и всепрощающ.

Почему позволяет?..

Здесь, думается, очень к месту будет ответ отдельным недалеким людям, противникам религии, которые в наше вре-

мя,— как им кажется, хитроумно,— пытаются сеять сомнения: почему, дескать, Аллах, если Он всемогущ, позволяет человеку топтать свои владения, например, выходить на поверхность Луны или запускать туда ракеты? Или отчего он допускает экологические катастрофы на Земле?

Так всемогущ Он, или слишком добр, или мало заботится о своих владениях? Конечно, ни второе, ни третье. Суть дела совсем в ином. Бог владеет всем сущим во Вселенной. И есть аят, который не просто устраняет сомнения, но и вносит полную ясность: «Разве вы не видели, что Аллах подчинил вам то, что в небесах и на земле, и пролил вам милость явную и тайную?» («Лукман», аят 20). Как явствует из этого аята, небеса и все имеющееся там и на земле создано Аллахом на благо человека. Раз так, что плохого, если человек ищет и находит в этих пространствах полезное для себя!

Что же касается дурных последствий и злоумышлений, то, как мы уже приводили, за них и ответственен сам человек, если он плохо распоряжается дарами Божьими. И, несмотря на всю доброту Вседержителя,— и награжден, и наказан будет по делам своим. Вот в чем свобода человека и высшая справедливость!

Вера в Судный день

Воздаяние за все, свершенное человеком, наступит в Судный день. Доводы о действительности Судного дня делятся на две категории: содержащиеся в священных преданиях и доказательства разума.

Относительно первых можно вкратце сказать, что все религии единодушны в мнении о воскресении человека после смерти и в том, что он будет держать ответ за свои деяния на этом свете.

Что касается доказательств разума, то необходимо отметить, что все люди — и древние, и современные, живущие в песках или среди льдов, в селах или городах, высокообразованные или неграмотные,— все они обладают внутренним чувством, как и вера, тоже врожденным, похожим на вдохновение, озарение. И это чувство подсказывает, что после жизни на этом бренном свете будет еще другая жизнь. Вот в ней сбудется все, чему не суждено было сбыться в этой жизни. И там каждому воздастся по заслугам.

Ученый Билл Норман по этому поводу пишет: «Наличие сознания о том, что человека ожидает жизнь и после смерти, является самым сильным аргументом наступления Судного дня... Вера человека в вечную жизнь (даже загробную) — чувство, весьма распространенное. Это чувство, к которому мы стремимся и которое ощущаем всей душой, может быть только отражением какой-то убедительной основы. К таким большим истинам невозможно прийти материалистическим путем, с помощью материальных доказательств. Это достигается, напро-

тив, верой, убеждением, вдохновением, т.е. духовными, а не физическими чувствами. А вдохновение — важное средство научного постижения истины».

Аллах создает нас сознательными, достаточно совершенными и готовыми к созиданию, к многим полезным деяниям, способным открыть тайны Вселенной. И для человека, находящегося в таком положении, недостойно опускаться на уровень неразумных, безответственных, ни на что не способных существ. Вот почему мы должны совершать достойное и получать в этом главное удовлетворение. А наступит ли это удовлетворение здесь или там, после Судного дня, — на то воля Божья. Важно то, что Аллах, одарив людей разнообразными способностями, не оставил их при этом без внимания. И в этом тоже — вышшая справедливость Всеблагого.

Вера в пророков

Кто такие пророки? Для того, чтобы стать просвещенным в истории Ислама, в его сущности и задачах, человек должен найти ясный ответ на данный вопрос.

Вера в пророков — одна из основ Ислама. У каждого правоверного должно быть убеждение в том, что Аллах прислал к людям из их же среды своих посланников. Образно говоря, если ангелы — посредники между небом и землей, то пророки — между землей и небом. Это пророки доводили до верующих все повеления Творца и указания о том, что позволено, а что нет. Все пророки предсказывали блаженную жизнь в этом и ином мирах тем, кто следовал по пути, указанному Аллахом. А те, кто вопреки велениям Всевышнего оказывались в плену своих ненасытных дурных страстей, получали от пророков предостережения о скорых бедах на этом свете и о еще более суровом наказании на том.

Великий Коран призывает мусульман твердо уверовать во всех пророков. И тот, кто не верит хотя бы некоторым из них, не считается мусульманином. Это способствует тому, что все народы будут жить в дружбе и братстве, потому что вера во всех пророков облегчает взаимопонимание людей, предупреждает возможные разногласия. Как известно, призыв к почитанию пророков всех религий — особенность именно Ислама. Люди, исповедующие все религии, найдут только в Коране уважение к своим пророкам.

Аллах посылал всех пророков с целью освобождения людей от рабства желаний и страстей, отвращения их от греха, призыва к обретению добрых нравов. Значит, прежде всего сами пророки должны обладать этими лучшими качествами, являя собой пример истинной веры, мудрости и достойного жизненного поведения. На сей счет в Священном Коране дарована следующая милость: «И сделали их предводителями, которые ведут по Нашему повелению, и внушили им делать добрые

дела, выполнять молитву и приносить очищение, и были они Нам поклоняющимися» («Пророки», аят 73).

Итак, пророки — люди совершенные в вере, и они никогда не предадут дело, которому служат, но у каждого из них есть еще какие-то свои особенности. Например, Ибрахим отличался своей правдивостью (сиддик), а Муса, да благословит его Аллах и да приветствует, — преданностью (мухлис); Исмаил — верностью своему слову и т.д.

Если предыдущие пророки были посланниками Аллаха только среди своих сородичей, то Мухаммад, да благословит его Аллах и да приветствует, является пророком для всех. Аллах дает указание пророку Мухаммаду возвестить об этой истине: «Скажи: «О люди! Я — посланник Аллаха к вам всем» («Преграды», аят 5).

Мухаммад — последний пророк. В этом качестве он завершит миссии своих предшественников и является, как сказано в Коране, «печатью пророков» («Сонмы», аят 40).

До него в течение долгого времени один за одним прошли многие пророки, и в их книгах содержались вести о появлении очередных посланников Аллаха. Однако в Коране этого нет, чем вновь подтверждается действительная священность книги и то, что Мухаммад, несомненно, последний из пророков.

И вот уже 15 веков не появляется и не появится другой пророк, хотя предстатели иных религий до сих пор ждут обещанного в их священных писаниях явления такого пророка. Не настала ли пора признать, наконец, что Мухаммад, да благословит его Аллах и да приветствует, именно тот, желанный всеми посланец...

Материалистическое мировоззрение и его влияние

Материалисты, как известно, утверждают, будто нет иной жизни, кроме жизни на этом свете, и только материальное способно оказывать воздействие на сознание. Дух, духовное же вообще не существует. Что касается вечности духа, то это — не что иное, как «предрассудки», «легенда», «мираж». По их мнению, разум достигает большого развития только когда он свободен от наслоений сверхъестественного. Это развитие, в свою очередь, способствуя материальному расцвету, даст невиданное развитие этики, морали и общественных связей, приведет человека к совершенству, что вкупе составит золотую эру человека...

И, надо сказать, материалисты поработали в данном направлении с большим усердием; в целях распространения своего учения организовывали дискуссии, издавали книги, раздавали их за бесценок и даже бесплатно. Не говоря уже о бывшем социалистическом государстве, где религия жестоко преследовалась и выкорчевывалась.

Так воинствующим атеистам удалось все-таки достичь некоторых своих целей. Они действительно нанесли ощутимый

урон религиозным устоям. Но единственным результатом оказалась духовная деградация, деморализация общества.

Достоин внимания мнение об этом доктора богословия Леона Вутти: «Материалисты посеяли свои теории в души людей. А эти теории проповедовали идею о том, что смерть человека — его конец, он больше не воскресится. Это, в свою очередь, привело к погоне людей за удовлетворением ненасытных желаний, сладострастием. Такая социальная болезнь, словно эпидемия, обрекла человечество на неизлечимую болезнь низости. И притом человек, оказавшийся на дне, ощущает в душе не удовлетворение, а глубокое страдание, ищет другую, лучшую жизнь, но не находит выхода из трудного положения, в котором оказался. Понятия, правящие нами сегодня, являясь смертельным ядом, разрушают нашу человечность. Этот яд отравляет и все чистое, что еще осталось в нашей душе. Издаваемые людьми законы не в силах управлять произволом самих людей. Когда в душе человека не остается влияния этики, морали, он, несомненно, утонет в реке нечистот. Если мы не будем бороться за восстановление своего авторитета, то продолжим шаг к катастрофе. Каждому злу — соответствующее наказание...»

Уму непостижима идея о том, что этот мир состоит из материи. Сами подумайте: каким образом такие качества, как мысль, воля и милосердие, могут быть результатом какого-либо предметного, вещного влияния? И, наконец, как материя может породить противоположную себе идею?

Осознав невозможность всего сказанного, нужно сразу признать: за материей-предметом стоит нечто другое. В Исламе это называют духом. Профессор Моррисон говорит об этом: «Никогда ни в одном атоме или его частице не было мысли. Не возникала мысль и в результате химического смешивания веществ. Никакой закон природы не смог создать хотя бы еще одну молекулу... Что такое живое существо? Состоит ли оно из частиц, атомов? Безусловно, состоит. Но еще обладает свойством, которое невозможно предметно ощущать. И которое стоит неизмеримо выше материи, даже оказывая воздействие на все вещи. Оно совершенно отлично от всех материальных веществ. Его невозможно создать, измерить или взвесить, нет материальных законов, которым оно подчиняется.

Дух — самая высшая особенность человека, и тот постоянно ощущает свою неразрывную связь с таким своим высоким положением. Дух создал для человека нравственные законы, другие живые существа их просто не имеют. И теперь вы поверите, если скажут, что дух — это остаток взаимодействия различных веществ? Или когда говорят, что духа нет вовсе? Они заявляют об этом лишь на том основании, что не могут понаблюдать за духом через микроскоп или не в силах уловить его иными способами. В действительности же это — пустая болтовня. На самом деле дух существует. Он дает о себе знать своими деяниями, воздействием на материю, способностью вознести

человека, состоящего из материи, из положения человеческой слабости к вершинам личностных достоинств.

Человек постоянно устремлен к налаживанию связи с более высокими существами. Это означает поиски религии, иначе говоря, это, собственно, и есть религия».

Как доказывает сама наука, материя, даже ее малейшие частицы не исчезают, а приобретают только другие формы. Скажем, свеча сгорает, однако химики без особого труда могут доказать, что она не исчезла бесследно, а развеялась в воздухе; ее составляющие сохраняются уже в ином качестве.

Поэтому и когда умирает тело, можно говорить о происшедшем изменении, но только не о полном его исчезновении, потому что оно переходит уже в другую форму. Если человек состоит из материального вещества и духа, то как может полностью исчезнуть дух? В действительности его вечное существование вероятнее всего, поскольку он и по своему загадочному строению и по свойствам еще больше, чем материальное вещество, приспособлен к этому. Именно дух является той силой, которая приводит в движение вещество. Только после вселения духа в тело происходят такие процессы, как мышление, высшие чувства и т.д. А покинутое духом тело превращается в неодушевленные вещества, составляющие материальные элементы природы.

Вот почему мысль человека о душе, о потустороннем мире — вовсе не бессмыслица, а истина, которая нашла концентрированное выражение в природе и создании человека как существа мыслящего и духовного.

Еще по поводу духа

Тема духа — издревле является самой важной и сложной проблемой философии, и самое верное ее решение мы находим в Коране. В частности, в суре «Перенес ночью» сказано: «Они спрашивают тебя о духе. Скажи: «Дух от повеления Господа моего. Даровано вам знания только немного!» (аят 85). Это как бы подтверждает французский академик Шарль Ришар: «Почему мы не можем признать, что наши знания, которыми мы открыто гордимся, всего лишь осмысление некоторых свойств окружающих нас вещей? В то же время мы не знаем и не ощущаем истинность этих вещей. Настоящая природа живых существ и неодушевленных вещей стоит выше нашего разума». Ученый так резюмирует свои суждения: «Истинный ученый должен быть скромным и смелым. Скромным потому, что у нас очень мало знания, смелым по той причине, что это знание призывает к открытию многих неизвестных вещей». Очевидно, что это касается и попытки постижения духовного, хотя полное знание — у Всевышнего.

Окончание следует.

Гонорар за публикацию автор перечисляет в Фонд «Звезды Востока».

Шакарим Худайберды улы родился и жил в Казахстане. Рано оставшись без отца, он воспитывался у своего знаменитого дяди — Абая, что, естественно, наложило отпечаток на его творческую судьбу. Под руководством Абая Шакарим стал образованнейшим человеком своего времени: он прекрасно владел турецким, арабским, персидским и русским языками, глубоко знал философию и историю религии. Свои философские трактаты, стихи он посвящает размышлениям о драматической судьбе своего народа. Сохранилась его переписка с Л. Н. Толстым — с ним он полемизирует о смысле бытия, о назначении человека, о феномене художественного творчества. Смерть Абая в 1904 году и поражение русской революции 1905—1907 годов потрясли Шакарима. Он уединяется и остаток жизни проводит в размышлениях и творчестве. В 1931 году Шакарим был убит местной милицией как враг народа, и с той поры на его творческое наследие был наложен запрет. Только в последние годы, после шестидесятилетнего замалчивания, поэзия и философские трактаты Шакарима стали доступными для широкого круга читателей.

ЗЕРКАЛО ПОДЛИННОГО СЧАСТЬЯ

На самой заре своей жизни, делая первые шаги, пытаюсь произнести первые слова, я чувствовал привязанность к сверстникам, с которыми играл, любил их искренне, как родных братьев, увлекшись играми, забывал о еде и быстротекущем времени.

Мое безмятежное счастье! Невинные забавы, любовь к друзьям, трепетная забота отца и матери, которую я ощущал, возвращаясь домой! Куда все сгинуло? Где это теперь?

В детстве мы то ли боялись старших, то ли робели перед ними, сторонились их. О причинах я тогда не задумывался. А теперь, кажется, понимаю.

...Однажды я обратил внимание, что взрослые ребята с азартом мечут альчики, бегают наперегонки, в лунные ночи играют в «белую кость». Игры их показались мне намного интереснее наших, малышей, — копание «колодцев», строительство «замков» из камней. Вскоре я примкнул к подросткам, стал играть в их игры. Вот это, наверное, и было моим первым слепым стремлением к счастью.

У мальчишек дело редко обходится без ссор и потасовок. Стыдно, но я, бывало, запугивал детей бедных родителей тем, что «все расскажу отцу». Мой отец и мои братья были богатыми, влиятельными людьми, правившими жизнью всего округа. Кто же не убоится их?

Но шло время, и, пресытившись играми, я невольно стал обращать внимание на юношей, которые одевались нарядно, бренчали на домбре, пели песни. «Ойпырай! — думал я с завистью. — Вот оно, настоящее счастье!» Меня неудержимо влекло к ним, я тянулся за ними и вскоре превзошел многих в щегольстве, изящных манерах.

Невозможно вспомнить, невозможно описать все увлечения и переживания, выпавшие на мою долю.

Казалось, не успел я изведать до конца утех юности, как жажда нового счастья охватила меня. Оказавшись в кругу почитаемых всеми степенных мужей, посещая их собрания, прислушивался я к мудрым речам и суждениям и все больше убеждался: вот оно, подлинное счастье — счастье зрелого возраста, когда можно обрести вес и значимость в обществе, самоутвердиться.

Набираясь опыта, вникая в тонкости взрослой жизни, стал я сведуц во многих вопросах, но тут меня подкарауливало другое «счастье», именуемое богатством. Чем дальше, тем больше захватывало оно мое внимание, полонило волю. Жизнь без денег казалась мне блеклой и безрадостной. «Боже мой! — думал я самонадеянно. — Разве мне недоступно то, чего достигли другие?» С жаром и энергией молодого сердца окунулся я в стяжательскую деятельность, достигнув и тут немалых вершин.

Ненасытное желание все нового «счастья» неотступно преследовало меня во взрослой жизни, и я шел к нему, не разбирая пути, до тех пор, пока не стукнулся лбом о нечто твердое. Открыл глаза и увидел огромное зеркало, задернутое черным покрывалом, с надписью: «Зеркало подлинного счастья».

«Аллах милостив к просящим!» — обрадовался я и, откинув покрывало, увидел в зеркале согбенного, немощного старца

с красными глазами, впалым беззубым ртом, морщинистым лицом, белой, как снег, бородой!.. «Кто ты?»— спросил я, оторопев от неожиданности. Старец беззвучно шевельнул губами. Вглядевшись лучше, я узнал в нем самого себя.

«Ах, обманчивое счастье мое!»— вскричал я и упал без чувств...

Очнувшись, увидел человека с суровым выражением лица, в белоснежном одеянии, он поддерживал мою голову.

«Аксакал! Взгляни еще раз в зеркало, но смотри не на свое отражение, а обрати внимание на супружескую пару с детьми».

Снова глянул я и увидел в зеркале богатых и знатных людей, юношей и детей, играющих в альчики, а дальше, в глубине, сидели муж с женой, рядом с ними дети, которых они целовали, миловали. Дети отвечали им лаской и нежностью.

Человек в белом одеянии сказал:

«Аксакал, подлинным счастьем является любовь родителей к детям и непорочное сердце детей. Безупречно чистое сердце и самое возвышенное из чувств — любовь были даны и тебе. Не утратив чистоты сердца, сохранив целомудрие помыслов, неустанно творя добро и справедливость, принимая чужих детей, как родных, ты имел бы возможность стать воистину счастливым человеком.

Но ты заменял свою любовь и непорочное сердце на мирские блага и ложные устремления. Единственное, что осталось тебе,— сохранить память о том, что случилось, на все немногие отпущенные тебе дни жизни. Как ни велико твое огорчение, оно, увы, бессильно что-либо изменить. Молись же, молись...»

САДЫ ПОДСНЕЖНИКОВ

Что может быть прекраснее песен, сложенных сладкоголосыми поэтами о цветущей юности и тайнах, от которых молодость вянет, как цветы на декабрьской стуже, песен о грусти, губящей цвет и гасящей блеск, заставляющей несравненных красавиц сохнуть, как сорванный плод? Что может сравниться с музыкой и голосом, которым поется песня, стелющаяся, словно тонкий шелк, и улаждающая душу, как целебный бальзам. Красота лица — случайный дар судьбы, а прекрасный голос и умная речь — зеркало души.

Внешнюю красоту оценит каждый, но не всякому дано понять гармонию слова и мелодии.

Однажды ловец птиц, поймав соловья и ворону, поместил их в одной клетке. Увидев это, знаток птичьих повадок изумился:

«Почему ты запер в одной клетке сладкоголосого соловья и ворону, которая разве что каркать умеет?»—«Что мне сделать, чтобы соловей запел? И что сделать, чтобы ворона начала каркать?»—спросил ловец. «Посади соловья в просторную клетку, увитую цветами и зеленью, а перед вороной положи иссохший череп и брось кусок падали»,— ответил знаток.

Так и сделал ловец. В ту же минуту соловей запел, на все лады славя красоту молодости и печаль старости. Ворона же села на череп и, дважды каркнув, стала с жадностью клевать брошенную перед ней падаль. Глядя на них, ловец сказал: «Мне больше по душе черно-белая птица, чем та маленькая пташка. Потому что ворона сразу стала клевать пищу и радостным карканьем как будто бы поблагодарила меня. А соловей-бедняжка и не клюет, и не благодарит, а все поет и поет. Его нежного пения и не слышать за громким карканьем вороны. Истинно, у кого сильнее голос, от того и пользы больше. Посмотрите на осла, как усердно трудится он для человека!»

Как благородный ученый избегает невежды, так же невежда бежит от ученого.

* * *

В стародавние времена правителем Мекки и Медины был некий человек по имени Кужаж. Жестокий, не знающий милосердия, не зря получил он от своего народа прозвище «душегуб». Однажды, прослышав об исцеляющей силе святого, прибывшего из Багдада, Кужаж обратился к нему: «Благослови меня на добрые дела».

«Раскрой ладони и молись, чтобы Аллах принял мое благословение»,— сказал святой. Когда Кужаж сделал это, он произнес: «Аллах, призови к себе душу Кужаж!»—«Что ты такое говоришь?»—разгневался Кужаж. «Почтенный! Поверь мне, это было бы единственным разумным выходом для тебя. Умерев, ты бы перестал творить свои злодеяния. Народ бы наконец избавился от твоего гнета. Человеку при рождении дается одна натура, приобретенные им привычки — вторая натура. У тебя есть прекрасная возможность измениться в лучшую сторону. Но избавиться самому от дурных привычек для такого всемогущего, как ты, невозможно. Если желаешь послушать, расскажу тебе притчу. Может, она поможет тебе исправиться. Эта притча гласит,— продолжал святой,— что однажды знаменитый разбойник остановился в пути и прилег отдохнуть. Мимо него проходили трое. Узнав его, один из них сказал: «Если этот злодей проспит до вечера, многие избегнут его козней». — «Хоть бы он и завтра не проснулся»,— добавил второй. А третий молвил: «Хоть бы он и вовсе никогда не просыпался. Тогда люди навсегда бы избавились от него». Разбойник, слышавший их слова, задумался: «Говорят, мнение трех человек равносильно мнению всего общества. Эти трое жаждут избавиться от меня. Мне нужно немедленно покинуть мой народ или пре-

кратить свои злодейства». После этого, гласит притча, он перестал разбойничать. Почтенный, я не всемогущий чудотворец. Моя святость заключается в том, что я иду праведным путем и даю людям полезные советы. Эта притча и есть мой совет тебе. Примешь его, значит, освободишься от своих пороков».

Когда слушающий имеет чуткие уши и справедливое сердце, умные советы, как своевременно принятое лекарство, избавляют его от дурных наклонностей. А если он слушает вполуха, эти слова исчезают, как вода в песке, где не растет даже слабая травинка.

* * *

Однажды приближенные рассказали арабскому падишаху историю Лейлы и Меджнуна. Узнав, что разлученный с Лейлой Меджнун избрал участь странника и проводит жизнь в горах вместе с диким зверьем, падишах захотел увидеть его и разыскал Меджнуна. «Какое немислимое зло причинили тебе люди, что ты, презрев их общество, пренебрег человеческим обличем и скитаешься среди зверей?»— спросил он. «Вам неведома истинная страсть, поэтому вы готовы осудить меня. Разум не в силах устоять перед подлинными чувствами. Вы не видели Лейлы, волшебная красота которой свергла меня в безумие». Падишах возгорелся желанием хотя бы взглянуть на красоту Лейлы, однако, встретив ее, не нашел в ней ничего примечательного, она оказалась маленькой худенькой женщиной со смуглым обескровленным лицом и пронизательными черными глазами. Падишах вернулся к Меджуну. «Я не обнаружил в ней особой притягательной силы. Будь она, как ты утверждаешь, красавицей, многие бы обезумели от любви к ней».—«Не всякому умному человеку дано распознать тайны Вселенной. Не всякие глаза способны уловить свет любви. Сердце, сгорающее от любви, глаза, увидевшие красоту Лейлы, принадлежат не вам, а мне. Если хотите понять красоту Лейлы, вам нужно увидеть ее моими глазами, воспринять моим сердцем, тогда вы уподобитесь тем женщинам, которые, пораженные красотой Юсуфа, вместо лапши крошили свои пальцы. Тогда вы поймете, насколько велика моя любовь к Лейле. Здоровому духом не понять больной души. Соль, посыпанная на мои раны, не разъест вашей руки. Человеку, которого не жалили пчелы, не объяснить, насколько болезнен их укус. Коль нет в вас той печали, что теснит мою грудь, мои слова покажутся вам пустой болтовней»,— так закончил Меджнун.

Поистине, сколько ни говори, нам не понять забот слабого и злодеяний всемогущего.

* * *

У знатного бая имелась дочь, лицо которой было изуродовано оспой. Долгое время бай не мог выдать ее замуж, никто не

сватался к ней. Наконец удалось сбыть ее человеку, глаза которого были застланы бельмами.

Однажды к баю пришел друг и сообщил, что в их края прибыл целитель из дальних стран, который может безболезненно удалить бельма. Посоветовал сводить к нему зятя. «Прозрев, зять увидит уродливые шрамы на лице моей дочери и прогонит ее»,— ответил бай. «Может ли он быть милосердным к друзьям, не имея сострадания к зятю?— подумал пришедший.— Не лучше ли мне расстаться с таким другом?»

* * *

Спросили однажды странника: «Какую небывалую радость и какую особенную горечь привелось вам изведать?»—«Как-то, путешествуя по Сахаре, мне пришлось отстать от каравана из-за постигшей меня болезни. Оставленный у источника, вскоре я оправился от недуга и решил догнать своих спутников. Запасы мои иссякли, изнуренный голодом, с трудом передвигаясь, без сил упал я на песок и увидел рядом пиалу, полную жареных зерен пшеницы. Никогда в жизни не испытывал я большей радости. Хотел было положить зерна в рот, но оказалось, что это зерна драгоценного жемчуга. Тут мне и пришлось пережить небывалое в жизни огорчение. Растерянно оглядевшись, обнаружил неподалеку холмик, из-под которого выступал краешек одежды. Раскопав песок, я нашел под ним мертвого человека. Этот несчастный, пережив те же беды, что выпали на мою долю, закопал себя, а рядом, на песке, начертал такие слова: «Пусть этот жемчуг и сто динаров, зашитых в мой пояс, достанутся тому, кто перенесет мое тело к ручью, что в тысяче шагов отсюда, предаст земле и оставит на камне или на доске слова: «Голодного спасет кусок хлеба, а не золотой слиток, даже величиной с лошадиную голову».

Узнав это, я отправился на поиски и вскоре обнаружил ручей и свой караван неподалеку. Подкрепившись и отдохнув, взял с собой людей, телегу, перевез тело усопшего, похоронил у ручья и высек на камне слова: «Голодного спасет кусок хлеба, а не золотой слиток, даже величиной с лошадиную голову». Сто динаров роздал тем, кто помогал мне, а жемчуг — караванщикам.

* * *

Однажды некий бай, наняв работника, заметил, что тот всюду, где бы ни был, даже по каменистым местам, ходит босиком, и спросил его о причине такого поведения. «Много страданий выпало на мою долю,— ответил работник,— но больше всего я горевал, когда изнашивались мои башмаки. Как-то послал меня хозяин к продавцу досок, и там я увидел несчастного человека, который собирал щепу, ползая по земле на четвереньках, ибо у него не было ступней. Тогда я подумал, что у него нет не только башмаков, но и ног, я же плачу о прохудившихся башмаках. С тех пор я не ношу обуви, подошвы

моих ног так огрубели, что в обуви нет для меня никакой необходимости».

Тот, на кого падают беды, считает себя самым несчастным человеком, переживает давно минувшее, не думая о том, что после ночи обязательно наступает рассвет. Эти переживания — удел невоздержанных. Лучшими из людей следует считать тех, кто трудится, не зная лени, и умеет хранить терпение.

* * *

Нищий, многие годы собирая милостыню, сделался владельцем приличного состояния, однако не переставал попрошайничать. Однажды его призвал к себе хан. «Говорят, у тебя большое богатство. Отдай деньги в казну, проценты от них пойдут на пользу государства, а сумма будет сохранена для тебя»,—предложил хан. На что богатый попрошайка ответил: «Государь! Эти деньги накоплены путем бесстыдства и ненасытности. Они несправедливы. Стоит ли пачкать руки о них?» Хан рассказал ему такую притчу: «Какой-то бай обратился к тому, кто замешивал глину, с просьбой продать ее, но тот ответил, что глина замешана на нечистой воде. Бай сказал, что она пойдет на то, чтобы замазать щели в отхожем месте. «Так что и мы употребим твои деньги на подобную нужду»,— закончил хан. «Государь! Твое отхожее место наверху почтище наших жилищ, так что грех употребить на это нечестивые деньги»,— не сдавался богатый попрошайка. «Однажды,— начал хан другую притчу,—к везущему бочку с водой обратился прохожий с просьбой продать ему эту воду, на что тот ответил, что вода у него нечистая. Тогда прохожий сказал, что она сгодится на то, чтобы обмыть тело усопшего еврея, и купил воду. Может, истратим твои деньги на подобное дело?» У богатого попрошайки и тут нашелся ответ: «Великий хан! Твое государство состоит из представителей разных наций. Что подумают о тебе люди, когда узнают, что ты велел обмыть тело умершего еврея грязной водой? Боюсь, мои деньги только навредят тебе».

Хан призвал к себе кази и спросил: «Скажи нам, если кто-то накопил деньги нечестным путем и этим деньгам нет законного хозяина, как с ним быть?»—«Достаточно признания накопившего, что деньги добыты несправедливым путем, или двух свидетелей, подтверждающих это, после чего деньги могут быть изъяты в пользу государства и употреблены на нужды бедных, больных или на дело просвещения»,— ответил кази.

Хан призвал государственного казначея и велел принять деньги богатого попрошайки в казну. Так он проучил алчного нищего и вернул хитреца к истинному его состоянию.

* * *

Однажды щедрый Атымтай велел заколоть скотину и на-

кормить нищих города. «Городскую бедноту я накормил, но есть же голодающие и в степи»,— решил он и отправился на их поиски. Встретился ему человек в рваном чекмене, собиравший хворост. «Отправлялся бы ты к Атымтаю, он сегодня угощает всех нуждающихся»,— сказал ему Атымтай.

Бедняк ответил: «Если тебя послал Атымтай, передай ему: «Человеку, который привык зарабатывать свой хлеб честным трудом, кормить свою семью, а излишками делиться с другими, подачки не нужны. Сегодня я собрал хворосту ровно столько, сколько нужно для моей семьи. Теперь собираю вон для того хромого старика. Как бы Атымтай своими подаяниями не развратил тех, кто здоров и может трудиться. Пусть он помогает истинно нуждающимся»».

МЫСЛИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Тот, кто не сумел отречься от лжи, не найдет в себе мужества отказаться от злых намерений.

Когда кто-то внушает мне опасения, я смотрю на него с улыбкой и тем самым лгу. Невольно приходится совершать подобное из-за злонамеренности людей.

Человек может обманом повести на смерть тысячи воинов, но он не в силах расстаться со своими пороками.

Творя крупицу добра, мы пытаемся искупить этим грехи величиной с гору.

Разумный властен над своим языком. Над мыслью не властен никто.

Умей довольствоваться малым и трудись честно.

Врата воли ни для кого не открывались.

Соловей весело щебечет, радуясь цветам. Как же ему, предчувствуя их увядание, удержаться от грустного пения?

Если в борозду нищеты не бросишь горсточку пшеницы, на гумне изобилия и зернышка проса не возьмешь.

Беды сыплются на землю непрерывно, как белый дождь. А радость сверкнет молнией и исчезнет. Отчего это? А оттого, что в человеке недоброты больше, чем милосердия.

Остерегайся мелких недругов так же, как серьезных врагов. Лев появляется открыто. Каракурт и скорпион жалят незаметно, но укусы их смертельны.

Если нет жизни помимо этой, какой смысл тратить ее на единоборство с природой и людьми?

Перевод с казахского К. СЕРИКБАЕВОИ.

Жорж Батай (1897—1962) — французский эссеист, писатель, культуролог.

СОЛНЕЧНЫЙ АНУС

Ясно, что мир чисто пародиен, иначе говоря, что каждая рассматриваемая вещь является пародией какой-то другой или той же вещью в разочаровывающей форме.

С тех пор, как фразы циркулируют в мозгах, занятых размышлением, развернулась тотальная его идентификация, поскольку при помощи связки каждая фраза привязывает одну вещь к другой, и все будет явно связано, стоит только одним взглядом раскрыть во всей целостности прорисовать нити Ариадны, направляющей мысль в ее собственном лабиринте.

Но связка терминов не менее раздражает, чем вязка тел. И когда я восклицаю: я емь солнце, отсюда следует всецелая эрекция, ибо связка — глагол «быть» — есть проводник любовного иступления.

Все сознают, что жизнь пародийна. И не хватает одной интерпретации.

Так, свинец — это пародия золота.

Воздух — пародия воды.

Мозг — пародия экватора.

Сокупление — пародия преступления.

Золото, вода, экватор или преступление могут вполне безразлично провозглашаться в качестве принципа всех вещей.

И если первоисточник похож не на почву планеты, которая кажется основой, но на круговращение планеты вокруг подвижного центра, автомобиль, часы или швейная машина могут быть равным образом приняты в качестве порождающего принципа.

Два главных движения — это движение вращательное и движение сексуальное, их комбинация находит свое выражение в локомотиве, состоящем из колес и поршней.

Эти два движения взаимно преобразуются одно в другое.

И тогда замечаешь, что, вращаясь, земля понуждает сово-

купляться животных и людей и (так как вытекающее — причина не в меньшей степени, чем то, что его вызывает) что животные и люди, совокупляясь, заставляют землю вращаться.

Именно комбинацию или механическое преобразование этих движений и отыскивали алхимики под именем философского камня.

Именно через использование этой магически значимой комбинации и определяется нынешнее положение человека среди стихий.

Брошенный башмак, гнилой зуб, едва выступающий нос, повар, плюющий в пищу своих хозяев, являются для любви тем же, чем флаг для нации.

Зонтик, новоиспеченный пенсионер, семинарист, вонь тухлых яиц, выколотые глаза судей являются корнями, питающими любовь.

Собака, пожирающая гусиные потроха, блюющая спяну женщина, рыдающий бухгалтер, банка с горчицей представляют собой беспорядок, служащий любви проводником.

Человек, помещенный среди других людей, в раздражении от незнания, почему он не есть один из других.

Либо любовь, либо детская ярость, либо тщеславие зажиточной провинциальной вдовы, либо церковная порнография, либо солитер певицы сбивают с толку персонажей, забытых в пыльных квартирах.

Им бы жадно искать друг друга: им никогда не найти ничего, кроме пародийных образов, и они заснут, столь же пустые, как зеркала.

Отсутствующая или безучастная девушка, временно прекратившая в моих объятиях грезить, не более чужда мне, чем дверь или окно, через которые я могу посмотреть или пройти.

Я вновь обретаю безразличие (которое позволяет ей меня покинуть), когда засыпаю из-за неспособности любить случаемое.

И ей не узнать, кто же обретает ее, когда я ее обнимаю, поскольку она упорно осуществляет полноту забвения.

Планетарные системы, которые вращаются в пространстве, как стремительные диски, и центр которых тоже перемещается, описывая бесконечно большой круг, постоянно уда-

ляются от своего собственного местоположения только для того, чтобы вернуться к нему, завершив свое вращение.

Движение — это фигура любви, неспособной остановиться на одном частном существе и быстро переходящей с одного на другое.

Но забвение, которое тем самым его обуславливает, есть лишь увертка памяти.

Человек восстает столь же резко, как и призрак из гроба, и оседает тем же манером.

Он вновь встает через несколько часов и опять затем оседает, и так каждый день, день за днем: сие великое совокупление с небесной атмосферой упорядочено вращением земли перед лицом солнца.

Любовь и жизнь кажутся на земле индивидуальными только потому, что все здесь расчленено вибрациями различной амплитуды и периода.

Тем не менее, нет вибраций, которые не были бы сопряжены с непрерывным круговым движением, точно так же, как и в случае локомотива, катящегося по поверхности земли — образ непрерывного превращения.

Растения поднимаются по направлению к солнцу и оседают впоследствии по направлению к земле.

Деревья протыкают почву земную несчетным множеством цветущих прутьев, восставших к солнцу.

Деревья, которые с силой устремились вперед, кончают, сгорев от молнии, или срубленными, или выкорчеванными. Вернувшись в почву, они точно так же вздымаются снова в другой форме.

Но их полиморфное совокупление есть функция равномерного земного вращения.

Самым простым образом соединенной с вращением органической жизни является прилив.

Из движения моря, равномерного совокупления земли с луной, происходит органическое и полиморфное совокупление земли и солнца.

Но первой формой солнечной любви является облако, которое поднимается над жидкой стихией.

Эротическое облако становится иногда грозой и падает обратно на землю в форме дождя, в то время как молния вспахивает пласты атмосферы.

Дождь тут же восстает в форме неподвижного растения.

Животная жизнь целиком и полностью является результа-

том движения моря, и внутри тел жизнь продолжает происходить из соленой воды.

Море сыграло тем самым роль женского органа, который увлажнился, возбужденный фаллосом.

Море непрерывно онанирует.

Твердые элементы, содержащиеся и размешиваемые в одушевленной эротическим движением воде, брызжут оттуда в форме летучих рыб.

Эрекция и солнце шокируют точно так же, как труп и пещерный мрак.

Растения равномерно направляются к солнцу, и, напротив, человеческие существа, хотя они, как и деревья, в противоположность остальным животным, и фаллоподобны, отворачивают от него глаза.

Человеческие глаза не выдерживают ни солнца, ни совокупления, ни трупа, ни темноты, но с разными реакциями.

Когда мое лицо наливается кровью, оно становится красным и непристойным.

В то же время выдает оно извращенными рефлексами кровавую эрекцию и ненасытную жажду бесстыдства и преступного излишества.

И я не боюсь утверждать, что лицо мое — это шок и что мои страсти выражаются только через Иязувий.

Земной шар покрыт вулканами, которые служат ему анусами.

Хотя этот шар и ничего не ест, он подчас извергает вовне содержимое своих внутренностей.

Это содержимое брызжет с грохотом и падает обратно, стекая по склонам Иязувий, сея повсюду смерть и ужас.

В самом деле, эротические сотрясения земли не плодородны, как у вод, но зато намного учащеннее.

Иязувий — это к тому же и образ эротического движения, дающего посредством взлома идеям, содержащимся в душе, силу шокирующего извержения.

То, в чем сосредоточивается сила извержения, по необходимости расположено снизу.

Бедствия, революции и вулканы не занимаются любовью со звездами.

Революционные и вулканические эротические вспышки непримиримо противостоят небу.

Так же, как необузданная любовь, они производятся, порвав с плодородием.

Небесному плодородию противостоят земные бедствия, образ земной необусловленности любви, эрекция без исхода и правил, шок и ужас.

Так и вопиет любовь в моем собственном горле: я емь Иязувий, гнусная пародия знойного и слепящего солнца.

Я желаю, чтобы мне перерезали горло, когда я насилую девушку, которой мог бы сказать: ты — ночь.

Солнце любит исключительно Ночь и направляет к земле свое светозарное насилие, отвратительный фалл, но оно оказывается неспособным достичь взгляда или ночи, хотя и устремляются постоянно ночные протяженности земли к нечистотам солнечного луча.

Солнечное кольцо Solar annulus — это нетронутый анус ее восемнадцатилетнего тела, с которым ничто столь же слепящее не может сравниться, разве что солнце, хотя анус — это ночь.

Перевод с французского Арнаут СКАРД-ЛАПИДУСА.

Графика Вячеслава УШИНОВА.

Роже Кайуа —
современный французский литературовед,
прозаик, эссеист.

МЫСЛИ О ПОЭЗИИ

Поэзия — игра вторым значением, иным голосом (эхо).

Тайна в поэзии — способность с максимальной этичностью и сдержанностью умалчивать о самом главном с той целью, чтобы стимулировать воображение. Поэзия — иная точность, отличная от науки. Мир начинается с атомов, но заканчивается листвой и снами. Человек живет в мире не только точных знаний, но — прежде всего — в мире ощущений, где правильный образ оживляет внутренние, скрытые связи и дает возможность сознанию обнаружить целостность мира. Проблема эффективности образа, по существу, является единственной проблемой поэзии. Образ — это форма поэтического риска и привилегированное изобразительное средство. Образ может сначала озадачивать, но после того как воображение «примет», «освоит» его, «согласится» с его правильностью, он радует пропорционально своей необычности, потому что устанавливает связь между столь отдаленными друг от друга предметами, что о ее существовании обыденному, профаническому сознанию было почти невозможно догадаться. Хотя смысл метафоры иногда оказывается затемненным, это объясняется той особой сферой, в которой функционирует поэзия. Она призвана точно обозначать и точно сообщать там, где точность часто оказывается лишь несбыточной надеждой. Необходима постоянная мобилизация чувств поэта, которая приносит дополнительную смелость и ясность видения. Удачный образ должен в равной степени избегать банальности и произвола, что достигается, например, когда поэт правильно выбирает предмет из мира видимого, чтобы воссоздать невидимый мир чувств.

Перевод с французского.

Р. Беннет-Камминг

Р. Беннет-Камминг — современный американский поэт, художник. Автор сборника стихов «Один. Один».

ХАЙКУ

* * *

Молчаливая серая рябь
И внезапный уход джонки.
Тончайшие ветви вибрируют...

* * *

Луч солнечного света
Рыскает в воде, пытаюсь найти
Саламандру.

* * *

Безветренный серый день, сырая трава;
Яркие крики пальм
Желтятся к небу.

* * *

Сладкая Хуандзи...
Искусительница. Ставит меня на колени
На этом одиноком пути.

* * *

Капли росы ловят солнце,
Посылают лучи мерцания в мои глаза.
Травы начинают дышать.

* * *

Родовитая изогнутая арка.
Зеленые лезвия выпрыгивают позади,
Словно капли росы, зывающие к земле.

* * *

Солице выпестрило траву.
Обычный бриз.
Игра ветра бамбуковым перезвоном.

* * *

Пока еще жемчужная дымка
Висит вокруг деревьев.
Лилов конец дня.

* * *

Деревья ритмически колеблют
Свои полосатые руки на ветру.
Отражения волн возвращаются.

* * *

Высокие зеленые кедровые деревья
Достигли нижнего свода неба
В зеркале грязной лужи.

* * *

Осколки орехов
На твердой земле — там, ниже.
Вороны поедают свой завтрак.

* * *

Узкая линия пены обозначает
Нарастающий отлив.
Прибрежные птицы летят на пир.

* * *

Бумажная упаковка
Бережно влекома ветром
И беспомощно трепещет.

* * *

Наступает жар солнца,
В огненном зареве тает небо.
Слепой путник идет домой.

* * *

Исчезли солнечные горы,
Превратившись в холодную глину.
Теплые гвоздики, черные тени и крики.

* * *

Новая серебряная луна
Выжигает черные тени в ночи.
Охотится молчаливая сова.

* * *

Массивная, еще плавающая
Слегка на горизонте
Одинокая Тахома.

* * *

Старая, линованная, деревянная скамейка
Вырастает среди сочного мшистого ландшафта.
Она стоит пустая.

* * *

Ночь вошла и
Отбросила все краски.
Мы — темные тени.

* * *

Чернота испещрена в высоте,
Взывая обнаженно и громко...
Семь ворон преследуют ястреба.

Перевод с английского, Евгения ОЛЕВСКОГО

Графика Сергея АЛИБЕКОВА.

Сильвия Плат

Сильвия Плат (1932—1963 гг.) — одна из наиболее ярких фигур в американской «исповедальной» поэзии. В 1963 году покончила с собой. Единственный сборник, вышедший при ее жизни, — «Колосс». Посмертно изданы «Ариэль», «Несобранные стихи» (1965 г.)

Сестры Персефоны

Живут две девушки: одна
Всегда в дому сидит. Другая — в дом не входит.
И между ними целый день звучит
Дуэт теней и света.

В своей унылой комнате панельной
Решает первая задачи
На арифмометре.
Сухим ударом отмечает время.

Успех сложенья сумм.
От этого бесплодного занятия
Бледна, как корень, тощая фигура,
В косых глазах крысиный блеск.

Вторая, бронзовая, как земля,
Лежит и слышит золото биенья
Пыльцы в лучистом воздухе. Разнежась,
Вблизи цветущих маков,

Она следит, как шелковая кровь
Горит неровным светом в лепестках
И вдруг взрывается под солнечным ударом.
И на зеленом этом алтаре

Она, свободно сочетаясь с солнцем,
Растет, наполненная семенами.
В траве покоясь, в горделивой муке
Рождает короля. Все горше

Графика Вячеслава УСЕИНОВА.

И все желтее, как лимон,
Другая, девка-вековуха,
Плоть непотребную под землю тащит
К любовнику-червю.

Зеркало

Я серебряное и точное. У меня нет предрассудков.
Все, что я вижу,— глотаю немедленно
Таким, как есть, не затуманенное чувствами.
Я не жестоко, а всего лишь правдиво —
Четырехугольный глаз маленького бога.
Почти все время я размышляю о противоположной стене.
Она розовая в крапинку. От долгого созерцания
Она стала частью моей души. Но она колеблется.
Лица и темнота разделяют нас снова и снова.

А сейчас я озеро. Женщина склоняется надо мной,
Исследуя мои пределы в поисках себя.
Потом она поворачивается к этим обманщикам — свечам
и луне.

Я вижу ее спину и преданно отражаю.
Она награждает меня слезами и дрожанием рук.
Она нуждается во мне. Приходит и уходит.
Это ее лицо каждое утро отодвигает темноту.
Во мне она утонула девочкой, и во мне старуха
Каждый день выплывает ей навстречу, как страшная рыба.

Смерть и К°

Двое, конечно, их двое.
Теперь это совершенно ясно —
Один, пучеглазый, как Блейк,
Никогда не поднимает взгляда,
Демонстрируя

Свой торговый знак в виде родимых пятен —
Шрам от водяного ожога,
Голая
Медная зелень кондора.
Я — кровавое мясо. Его клюв

Щелкнул и промахнулся.
Он говорит мне, как паршиво я фотографирую.
Он говорит мне, какими милыми
Бывают младенцы в больничных
Холодильниках: легкая

Оборочка на шее,
Саваны
С ионической гофрировкой,
А еще две маленькие пяточки.
Он не улыбается и не курит.

Другой — улыбается,
У него длинные мягкие волосы.
Ублюдок, мастурбирующий безделушкой,
Он хочет быть любимым.

Мне все равно.
Цветы из мороза.
Звезды из росы.
Похоронный звон,
Похоронный звон.

Погиб кто-то.

Пересекая воду

Черное озеро, черная лодка, два черных бумажных человека.
Где здесь водопой для черных деревьев?
Их тени могут покрыть Канаду.

Слабый свет вытекает из водных цветов.
Их листья не хотят, чтобы мы торопились.
Они круглые и плоские, полны темных советов.

Холодные миры падают с весел.
В нас — дух темноты, и в рыбах.
Коряга поднимает прощальную, бледную руку.

Звезды открываются среди лилий.
Ты не ослепнешь от столь бесстрастных сирен?
Это — молчание изумленных душ.

Маки в октябре

Даже солнечные облака в это утро с собой не справятся,
А тем более женщина в неотложке.
Сквозь пальто проросло, расцвело ее красное сердце —

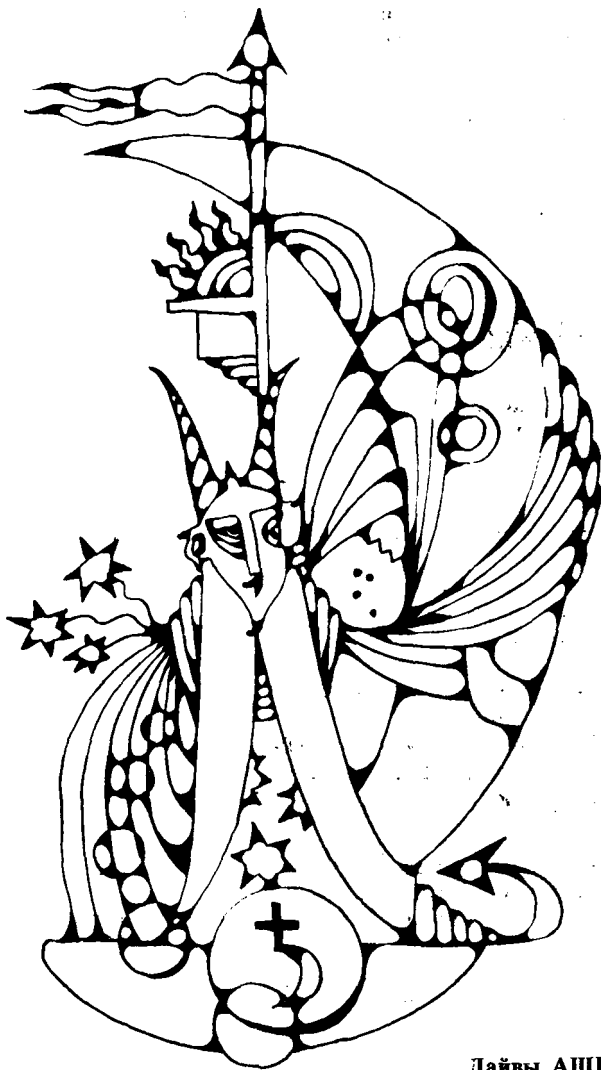
Дар, дар любви,
Абсолютно не нужный
Небу,

Которое пламенно-бледно

Угорает в своем же огне, тускнеет в глазах,
Лезет под шляпы.

О Боже мой, что я такое,
чтобы рты опоздавшие эти вдруг закричали
В дебрях мороза, на заре васильков...

Перевод с английского Галины ПАЛАГУТЫ.

Графика
Дайвы АШИХМАН.

ГНЕЗДО БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ

Новость, которую обсуждали в ауле на каждом углу, была доброй: Акмырза бросил пить, стал, как говорится, человеком.

Сама природа словно радовалась такой перемене в нем — который уже день погода стояла чудесная: потеплело, прояснилось, повеселело. Весна в этом году хоть и припозднилась, но с ее приходом снег, полгода лежавший плотным, нетронутым слоем, в считанные дни растаял, и следом из-под земли проклюнулась молодая поросль. Теплый весенний ветерок словно вдохнул жизнь в деревья, и на ветвях тотчас набухли зеленые почки.

Теперь, возвращаясь с работы, Акмырза подолгу сидел на тахте во дворе дома. Уткнувшись в ворот старой фуфайки и дымя папиросой, он молча предавался невеселым своим думам.

Порой кто-нибудь из детей подсаживался к отцу и тайком вглядывался в его лицо. Они не знали, что за тоска гложет его — угрюмого, отрешенного, но очень жалели его.

Акмырза был человеком невысокого роста, щуплого сложения, со впалыми щеками и глубоко посаженными глазами. Ходил он вечно в одной и той же выдавшей виды фуфайке.

Больно было глядеть на этого маленького человечка, впавшего в глубокое уныние. Да что тут поделаешь...

* * *

Теплые весенние дни, сменяя друг друга, шли своим чередом. Как-то раз, сидя по обыкновению во дворе, Акмырза увидел пролетающих над аулом журавлей. Поначалу он не заметил их. Даже когда послышалось знакомое курлыкание, не устремил взгляд в небо. И только радостный возглас игравшего во дворе Келесбая вывел его из оцепенения:

— Коке,¹ смотри, журавли! Журавли летят!

Акмырза вздрогнул и поднял голову — высоко в поднебесье летели журавли. Плыли по небесной глади. Даже взмахов крыльев было не различить. Гордые и недосыгаемые, своим полетом они словно хотели сказать людям, живущим суетно-мелкой, обыденной жизнью, о некоем великом смысле высокого, неземного.

Глаза Акмырзы, то ли от того, что пристально всматривался в ослепительную высь, то ли еще от чего-то, вдруг налились слезами. «Откуда летите вы, священные птицы? — подумал он взволнованно. — В какие края стремитесь? И как же давно, господи, не смотрел я на вас!»

Мысли его прервал Келесбай:

— Коке, почему плачете?

Акмырза смущенно смахнул набежавшую слезу:

— Да нет, просто... глаза устали.

— А я могу глядеть сколько влезет, — хвастливо заявил сын. — Вот, смотрите: сколько угодно могу!

— Не надо, сынок... глаза устанут.

— И ничего не устанут. Хотите, долго-долго буду глядеть?! — И, запрокинув голову, мальчик вперил глаза в небо, вслед исчезающим журавлям.

Со двора послышался голос Ташкенбая, чинившего велосипед:

— Коке, чем больше запрещать, тем больше он будет артачиться... Такой он у нас, упрямый.

— Вот как! — удивился Акмырза и тут же огорчился: «Почему же я до сих пор характера его не знаю?»

— Вчера журавли тоже пролетали над аулом, — продолжал тем временем Келесбай. — Арысбек говорит, будто бывают еще и белые журавли. Это правда, коке?

— Правда. Белые тоже бывают.

— А вы их своими глазами видели?

— Нет, белых видеть не довелось.

Журавли, журавли... всколыхнули они что-то в душе Акмырзы. Ему вспомнилось его босоное детство, то, как на лугу мягко щекотала ступни зеленая трава. Он глянул на ноги Келесбая. Э, да никак ботинки на нем прохудились...

— Ботинки-то у тебя, сынок, каши просят. Ты что ж, и в школу в них ходишь?

Келесбай растерянно перевел взгляд с отца на свои ноги и примолк. Ташкенбай тем временем, видно, починил свой велосипед и вихрем вылетел на нем со двора.

— Коке... — прошептал вдруг Келесбай, — а у Ташкенбая ботинок тоже нет. До сих пор в ботах ходит.

Акмырза не нашелся, что и ответить, только молча погладил сына по голове. Потом закурил папиросу, подумал

¹ Коке — по-казахски «отец».

с досадой: «И куда только Камар смотрит, одежда на детях совсем износилась. Надо бы им обнови справить. Зарплату-то в прошлый раз с опозданием выдали... Ничего, с ближайшей получки всех разом в магазин поведу».

Решив так, будто груз с плеч свалил, вздохнул облегченно.

Акмырза работал механиком в гараже. И заработок у него был приличный. Правда, прежде он и не помнил, сколько до дому доносил, а сколько пропивал. В день получки добирался домой пьяный в стельку и, едва переступив порог, как подрубленный, валился с ног. Камар, жена, принималась причитать и всякий раз клялась, что уйдет от него. Эх, Камар, Камар... Она-то в чем провинилась? Будто мало ей забот с пятью детьми, так еще и муж-пропойца в придачу...

* * *

В тот день Камар затеяла большую уборку. Вынесла во двор все одеяла и подушки, проветрила, просушила. В доме навела чистоту. И стало в комнатах уютнее, даже будто светлее. К ночи дети расшалились не в меру. Младшие — Задарья и Монтай — подняли такой гвалт, что в конце концов схлопотали от матери подзатыльников. Наревевшись власть, малыши уснули, однако, безмятежным сном. Келесбай, не смотря на то, что уже клевал носом, продолжал упорно сидеть перед экраном телевизора. Ташкенбай, который и дня не мог прожить, чтобы не собрать заново какую-нибудь штучковину, ковырялся в очередных железках, принесенных с улицы. Один только старший, Арысбек, в дальней комнате прилежно занимался.

Перед самым сном Акмырза решил-таки поинтересоваться, над чем же корпит старший. Увы, оказалось, вовсе не учебник перед ним, а какая-то толстая книга. Арысбек смутился и прикрыл книгу ладонью, устремив на отца умоляющий взор. Что мог сказать на это Акмырза?.. Постоял молча, помялся и вышел.

Наконец и Камар, покончив с домашними делами, устало опустилась на постель. В комнате воцарилась тишина.

— Камар... — тихо окликнул жену Акмырза. — Я... бросил пить. Слышишь? Навсегда... Теперь и капли в рот не возьму...

Камар молчала.

— Ты не веришь мне?

— Как сказать, — неопределенно произнесла жена.

— Обещаю: в рот не возьму.

Камар вздохнула:

— Нам бы только лучше стало. — И добавила уже с болью: — Брось ты ее, отраву проклятую.

— Обещаю... Иди ко мне... Ложись рядом.

— Тсс, детей разбудишь...

Как после долгой разлуки, они крепко обнялись. Камар

уткнулась в плечо мужа. Ее волосы мягко щекотали шею Акмырзы. От них исходил легкий запах айрана... Прижав к себе голову жены, Акмырза жадно вдохнул этот запах.

— Акан... — Камар пытливо всмотрелась в глаза мужа. — Ты вправду бросил?! Скажи, вправду?

— Клянусь всем на свете...

Камар вновь порывисто обняла его.

«Аканом назвала... — подумал Акмырза. — Как давно не говорила так...»

...Она называла его так первое время после женитьбы. Спустя год у них родился Арысбек. Помнится, в тот день Акмырза, обмывая с друзьями рождение сына, впервые напился вдрызг. С тех-то пор и стала забывать Камар ласковое прозвище. Муж продолжал пьянствовать, а она тем временем родила одного за другим пятерых сыновей... Бедняжка, разве не заслужила она лучшей участи? Ведь рожала-то она детей не для того, чтобы Акмырза «обмывал» их круглый год! Ну, а тот поначалу выпивал с радости — сыновья как-никак, а потом начал пить «с горя» — дочерей нет и нет. Для пьяницы, как известно, всегда повод найдется...

— Камар, признайся честно, что думала обо мне все эти годы?

Камар не спешила с ответом — помолчала, наконец вздохнула:

— А ты думаешь, у меня было время на это? Вертелась, как белка в колесе, к ночи с ног валилась от усталости. Одного только хотела — детей поднять на ноги. Чтоб не хуже других росли, подрабатывала, где придется: и полы мыла в конторе, и пряжу пряла, и джемпера вязала... Все мечтала, подрастет Арысбек, приведет невестку в дом — полегче станет...

— Ойба-яй, до этого дожить еще надо!

— Так ведь он уже парнем стал. Вот закончит нынче восьмой класс и в училище поступит.

— Да неужто он в восьмом уже? А я-то думал, он в седьмом учится...

— Ну уж, в седьмом... Вон, Маржан-апа вчера что рассказала: видела, говорит, твоего Арысбека возле дома Макана. Ходит, говорит, под их окнами, все посвистывает.

— А чего это он? Делать, что ли, нечего?

— А ты что, не сообразишь? Да ведь дочь у Макана растет, одноклассница Арысбека.

Акмырза вдруг вспомнил про боты Ташкенбая. Тронул засыпающую жену за плечо:

— Камар, а, Камар... Одежонка-то на детях вконец износилась. Давай с полочки купим всем обновки. Слышишь?.. Напиши завтра, кому что нужно, список составь...

Камар не отвечала. Уткнувшись в плечо мужа, она крепко спала. А Акмырза не мог уснуть. Лежал в темноте с открытыми глазами. Думал о том, что Арысбек уже стал парнем, что Ташкенбаю нечего надеть на ноги. Припомнил и моложавую

жену Макана — невысокую, круглолицую. Может, дочь в нее пошла — обходительностью, расторопностью. Говорят же люди: какова мать, такова и дочь.

* * *

Яблони стояли в полном цвету. От деревьев, сплошь усыпанных белым цветом, глаз не отвести. Во дворе — ни соринки. Это Келесбая заслуга — изо дня в день двор дочиста выметает, не ленится. Мать нахваливает его, а тот старается пуще прежнего. В доме царит радость, чего прежде здесь не бывало.

Вернувшись с работы, Акмырза вместе с Ташкенбаем принялся чистить загон. Отец лопатой сгребал кизяк и грузил на тележку, а сын, то и дело шмыгая носом и пыхтя, вывозил навоз со двора.

— Вот получу деньги, — желая подбодрить сына, пообещал Акмырза, — куплю тебе все, что пожелаешь.

Крутившиеся рядом Задарья и Монтай при этих словах живо переглянулись, и глазенки их засияли. Ташкенбай же промолчал и деловито покатил тележку дальше, всем видом показывая, что занят важной работой. Но опорожнив ее, вернулся, шмыгнув носом и изрек:

— Коке, Арысбек мечтает вельветовые брюки купить.

— Ну что ж, значит, купим.

— Но ведь они дорогие!

— Все равно купим. Пусть себе носит на здоровье, раз они ему нравятся.

— Коке, если денег не хватит, я пока похожу в его старых ботинках...

Акмырза едва не выронил лопату из рук, сердце его защемило. Не сводя с сына потрясенного взгляда, он с усилием выдавил:

— Денег хватит... на всех... хватит...

Задарья и Монтай будто того и ждали, враз загалдели наперебой:

— Мне машину!..

— И мне тоже!..

Отец поспешно кивнул, и те, восторженно завопив, вприпрыжку бросились к дому. Когда малышня убежала, Ташкенбай неуверенно, пряча глаза, произнес:

— Коке, давай вернем пекарю муку.

— Какую муку? — опешил сначала Акмырза и тотчас спохватился: — А-а-а! Так он что, спрашивал о ней?

— Не-а, сам он ничего не говорил. А вот сын его проходу не дает, дразнит все время.

— Дразнит?

— Он вас... вором называет.

— Вором, говоришь?! Это неправда. Мы не воровали ту муку, а займы взяли. Так и скажи ему. Как получим деньги, так в тот же день и вернем.

...Сгрэбая кизяк, Акмырза припомнил ту историю, приключившуюся зимой. Как-то в пекарню завезли машину муки. Пекарь Икрам-ака бросился искать людей на подмогу — разгрузить машину. Тогда-то и повстречался ему Акмырза, под хмельком возвращавшийся домой. Увидев его, Икрам взмолился: выручай, подсоби сгрузить мешки. А Камар в те дни, помнится, все надоедала ему: мука, мол, в доме кончилась. Вот и решил он попросить в долг один мешок. Правда, мысль эта пришла к нему попозже. Поначалу же надеялся, что за труды ему угощение поставят. Ясно, какое — бутылку. Вот и принялся с рвением мешки таскать.

— О, спасибо тебе, Акмырза, спасибо! — кудахчет Икрам-пекарь. — Живи тысячу лет!

А что Акмырзе его «тысяча лет»? С него бы и ста хватило — и за то бы бога благодарил. Но сейчас ему бы и не сто лет вовсе, а сто граммов — большего и не надо.

Сбросил очередной мешок и спрашивает:

— Ну как?!

А пекарь знай свое талдычит:

— Ай, молодец! Долгих тебе лет!

Разозлился Акмырза и выложил без обиняков:

— Горло бы промочить...

— Ой, Акмырза, — всполошился Икрам. — Магазин-то уже закрылся... А дома водки нет.

— Кто ищет, тот всегда найдет. Сходил бы в «Калменторг», прихватил бутылочку. — Был в ауле такой Калмен — водкой торговал из-под полы.

— Да бог с тобой, — занял пекарь. — Откуда у меня такие деньги?..

— Ах вот как?! — Акмырза не спеша отряхнул с себя муку и заявил: — Ну тогда давай мешок муки. — Хотел было оговориться, что в долг возьмет, да не стал — уж больно зол был на Икрама, решил: «После скажу». А тот опешил, замигал глазами:

— Э, Акмырза, так не годится.

— Не годится, говоришь? Ну тогда я покажу тебе, как годится. — Взвалил на себя мешок и потащил его в сторону дома.

— Эй, Акмырза, стой!— заверещал Икрам. Но ни догнать, ни отобрать мешок не стал. Так и стоял, сокрушенно качая головой и приговаривая:— Эх, Акмырза, Акмырза-а-а...

Камар узнала правду, когда от муки осталось всего ничего. Очень она тогда расстроилась. Эту самую историю и напомнил ему теперь Ташкенбай...

* * *

День выдался жаркий. Пыль вздымалась клубами вслед за проезжающими машинами. А тут еще Келесбай пылит в придачу — двор метет. Белоснежные лепестки яблонь осыпались все до последнего, отцвели. Дети Акмырзы с нетерпением ждали дня отцовской получки. По вечерам за столом шумно обсуждались предстоящие покупки. Келесбай даже список взялся сочинять. Вырвал листок из школьной тетради и крупным почерком вывел:

1. Арысбеку — вельветовые брюки (импортные).
2. Ташкенбаю — ботинки (39 размер).
3. Мне — тапочки.
4. Задарье — машину.
5. И Монтаю тоже машину (обоим купить одинаковые, а то подерутся).
6. Апе...

Тут он прервался и вопросительно посмотрел на мать. Та рассмеялась:

— Ладно уж, мой черед в следующий раз. А не то купим все разом, на потом ничего не останется.

На том и порешили.

И вот, наконец, настал день получки. Дети с утра были в приподнятом настроении. Келесбай и Ташкенбай поочередно садились на велосипед и выезжали на дорогу: не видать ли отца? А тот почему-то запаздывал.

Ташкенбай, не дождавшись, отправился с ребятами погонять в футбол за школой. Вот и солнце закатилось. Задарья и Монтаю понуро поплелись домой. Арысбек, сидя на тахте, читал книгу. Один Келесбай упорно стоял у калитки и ждал отца.

И вот наконец он увидел Ташкенбая — тот во всю прыть несся к дому. Радость перехватила горло Келесбая — не смог даже позвать домашних. Вот ведь как бывает: ждешь-ждешь, а как дождешься, так теряешься, аж голос пропадает. Келесбай рванулся к брату, закричал, задыхаясь:

— Коке?! Коке идет, да?!

Тот не отвечал. И тут только Келесбай заметил, что брат плачет. Ничего не понимая, Келесбай уставился на него:

— Чего ты реवेशь?.. Подрался, что ли? Что случилось, Ташкен? Где коке?..

Ташкенбай утер рукавом слезы и хрипло проговорил:

— Пьяный коке... Там он... Возле дома Макана... прислонился к забору и стоит...

Келесбай весь померк. Будто кто-то злой взял да и похитил ту радость, которую он столько дней носил в себе. Мир в его глазах рухнул и стал рассыпаться...

— Как же это? Он что, обманул нас?!— трясущимися губами прошептал мальчик.

Глаза его налились слезами. Ему вдруг захотелось убежать из этого дома, из этого аула! Навсегда.

Когда Акмырза, цепляясь за заборы и едва волоча ноги, добрался, наконец, до дома, дети его молча стояли у калитки. Они не сводили с отца вопрошающих глаз. Пошатываясь на неверных ногах, он с усилием выпрямился и тоже в упор уставился на детей. «Чего это они выстроились гуськом... точно журавли...— Мысли рвались в его затуманенной голове.— Ох, мать твою...»

И вдруг ему почудилось, что сыновья его стали превращаться в белых журавлей и вот-вот, захлопав крыльями, взметнутся ввысь. Страх обуял Акмырзу, сердце его гулко заколотилось.

— Куда же вы... куда улетаєте?..— прошептал он.— Здесь ваш дом...

Пытаясь задержать их, Акмырза ринулся было вперед, но, покачнувшись, упал лицом вниз, с раскинутыми руками.

Перевод с казахского Г. ШАНЧИТБАЕВОЙ.

АВТОМАТ

Сапар Жумабаевич поднялся сегодня с гимном. Легкий встал, ясный и нетерпеливый. Соскочил с кровати, как мальчишка, и только потом вспомнил, что нельзя вот так сразу, полежать нужно, собраться, как врачи рекомендовали. Но подождал, прислушался — нет, не ударило в голову, не потемнело в комнате: хорошо.

Еще вспомнил Сапар Жумабаевич, что нужно записать вчерашний разговор в книгу. Книга — это сшитые стопкой толстые общие тетради, заполненные мелкими безликими строчками, сверху — новая, пустая, недавно подшитая. В этих записях все: мысли, события за день, если они были, атмосферные явления. Может быть, пригодятся кому-нибудь эти записи, принесут пользу. Хотя, наверное же, понимает Сапар Жумабаевич, что — какая может быть польза от этого? — но каждый день хоть строчку пишет. Что-то общее и главное (хорошо им прочувствованное, что словами все равно не выскажешь) повышается в мире хоть на волосок от его кропотливого писания, а что точно — так ли уж нужно ломать голову? — и так все труднее становится задумываться. Повышается — и весь разговор.

Сапар Жумабаевич, очень худой и маленький старик семидесяти трех примерно лет (по паспорту, — а точного года и сам не знает), живет в двухкомнатной коммуналке с соседом Махмудом, веселым веселым «дембелем», получившим квартиру по каким-то счастливым бумажно-родственным обстоятельствам. Третий месяц живут с ним в одной квартире и — ничего, ни разу ни пьянки, ни чего-нибудь такого Махмуд не устроил. Хороший парень, улыбается все, и Сапару Жумабаевичу он интересен по-особому, с дальней какой-то мыслью, целью, не совсем, правда, ясной ему самому.

Проходя по заваленному железками коридору, подумал Сапар Жумабаевич, что вот почему встал сегодня добрым:

запишет он сейчас вчерашний день, разговор, который произошёл у него с соседом, много значащий разговор. Из них, немногих таких «генеральных» разговоров, и состоит жизнь, в них все, остальное же — лишь перерывы, материал для этих высших мгновений.

Больно задел ногой за железо; Махмуд таскает сюда с работы какие-то запчасти, механизмы и вечерами самозабвенно копается в них с инструментом, — усмехнулся и без обиды, а с победой посмотрел на них старик.

Да, снова подумал Сапар Жумабаевич, лет десять, наверное, не было такого большого разговора, а, главное, не зря — с будущим, сладко маячащим впереди; жизнь человеческая, вот что такое эти беседы и встречи. Это тоже надо записать.

В отношениях с людьми, с миром Сапар Жумабаевич был хитер — он придумывал себе эти отношения, с каждым по-разному: с участковым, который по его намекам давно уже, конечно, понял, какой он общественной необходимости человек, и держит его в первом списке для чрезвычайных надобностей (бедствие там какое-нибудь, скажем); или с соседом сверху, преподавателем техникума, который неспроста так с ним здороваётся за руку, будто хочет задать вопрос, да не решается (наверное, про книгу догадывается). Но это все же не то.

Видит Сапар Жумабаевич себя, вчерашнего, будто со стороны, сидит он, красивый, весь белый, усмехается, говорит, а его слушают и кивают. Это сладкое чувство просилось в него вновь, робко, но настойчиво. Он улыбнулся, поощряя себя, свой ясный мозг и крепкое теперь тело с четким сердечным перестуком: «Да-да-да».

Сапар Жумабаевич открыл дверь ванной и остановился, внезапно почувствовав старость.

Большая, матовая от сырости труба проходила под толком, тупое и бесполезное железо, а к ней была привязана капроновая веревка с одинокой прищепкой, взятая из коридора. Махмуд висел в рубаше и плавках спиной к нему, криво задрав голову и неподвижно вытянув голые ноги над ванной. Веревка прямо и напряженно вонзалась в шею и пряталась в успешных отрасти после армии волосах. Сапар Жумабаевич сделал шаг, поднял руки и молча упал, перевалившись через край, в ванну...

Вчера вечером он встретил Махмуда возле почтовых ящиков, от которых Сапар Жумабаевич всегда отворачивался. Махмуд надрывал край конверта и хорошим голосом окликнул его. Сапар Жумабаевич отворачивался от ящиков, потому что знал, — и жизнь подтвердила это последним, пятилетней давности письмом от бывшей жены, — что если не думать о письмах, то больше шансов, что придет. (Тогда, пять лет назад, он не думал, забыл на день о почте — и получил).

Старик подошел к Махмуду и, многозначительно здороваясь, разобрал на конверте адрес — далекий, забайкальский, волнующий. С адреса и началось все: и странная короткая их дружба, и вообще — все.

Махмуд шел, читая письмо, и кивал: да, Забайкалье, станция Кумак, да, пишут, не забывают братья-конвойники.

— А вы что же, бывали там, Сапар Жуманович?

— Да... Как сказать... Двенадцать лет...

— Да вы что! Серьезно?

Сапар Жумабаевич, не замечая, что несолидно семенит за быстрым Махмудом, тепло и важно усмехнулся:

— Эхе-хе, жаным, жизнь...

Стал не в себе, или, как говорили про него жильцы, «двинулся» старик давно, лет десять будет. Старая эта история — прожитой и закончившейся по сути тогда жизни — вспоминалась ему проблесками смутных образов, он уж и сам не знал, не помнил, что было на самом деле, а что — из кино или книг, виденного и читанного им. Переступив порог своей лагерной драмы — он вошел в последние десять лет человеком все знающим и понимающим и со всем, что ему говорят, соглашающимся. И при этом держащим какую-то свою мысль, свою догадку: это самое, что «повышается в мире хотя бы на волосок».

В смутных видениях памяти звучали те же разговоры, а он был говорильщиком и крикуном всю молодость, хотя они ли это был? — комсомольский работник с бойким арифметическим умом и страстью к слушателю, которого понимал, потому что соединял с собой. Эта соединенность со всеми, с «подавляющим большинством», несла его в потоке районной мудрости, где все повышалось не на мучительный «волосок», а на громадные проценты, и он, первый заводила, помыслить даже не мог о будущей своей догадке.

И после войны, прожитой на фронте так же ясно и соединенно, когда выделил, выщепил его из бури энтузиазма доносчик, жаба из низовки, сделавший это — самое невыносимое — без мотивов, непонятно и тупо, — для его «арифметики» были непосильны ее иррациональные и мнимые «числа» (например, аккуратно записанная в книге мысль, будто не зря он был там, в лагере). И еще освящала те годы большая цель: сначала в духе кадрового аппаратчика — развенчать доносчика на каком-то всемирном партийном съезде, потом уже в духе промозглого барака: жабу ту кончить. Свойственная нормальному человеку вещь.

Еще семь лет после лагеря. Они как болезнь, и нет о них воспоминаний — даже чужим, из книг и кино, не заполнить их странному мозгу Сапара Жумабаевича: семь лет он искал того, кого требовала простая, пропитанная идеей о справедливости, месть.

Последний «генеральный» разговор случился десять лет назад. Тогда он и понял впервые про что-то другое и главное,

что «хоть на волосок должно повышаться в мире», когда постаревший доносчик в слюнях и слезах ползал на коленях, тыча в фотографии детей и внуков, которые по всему свету живут, «как нам с тобой, Сапар, хотелось»... Тогда, наверное, и «двинулся» Сапар Жумабаевич и из «нормальных» выбыл: бросил нелепый нож, тоже заплакал, обнял его, и до утра они говорили, исповедовались, одним миром будто мазанные, братья будто.

И стал он, самоучка и еще — «двинутый», вести свою задумчивую жизнь по страницам тетрадей, не добавляя в нее подлости, а убавить — сила не та. Хотя — книга, а в ней что-то («Что — скажу», — ухмылялся хитро, когда писал).

А вчера Махмуд заварил чаю, усадил старика на видное место. В его комнате портрет вратаря Дасаева, те же железки, что и в коридоре, гантели, книги. С железок и начался длинный раздумчивый разговор.

... — Я с детства их, ну, механизмы, а особенно оружие всякое, любил до жути. Самопалы, пугачи делал... Я ведь к чему это? У меня случай был, сдвиг. короче. В армии... Я ж отпуск получал, а за что — вот, послушайте, интересно.

Поднимают утром нас «в ружье», говорят, зек сбегал. Мы, как положено, по машинам и — в тайгу. Высадились, приказ нам зачитали, мы — цепью и в лес. А ноябрь, уже снег, мороз, конечно, и видно на десять шагов. Я хоть полтора года отбаранил, но первый раз такое, жутко, но — ничего.

Идем, значит, цепью, тихо, не говорим — нельзя. Справа от меня молодой, а слева прапорщик, их по шагам слышно. Долго так шли, темно, кусты, а тут еще ложбинка, я в нее зашел и тех двоих из виду потерял. Ну, не будешь же кричать, иду один, автомат навскидку, как положено... И вот, гляжу — впереди обрывчик заросший, не подступишься, только сверху. Я к нему подобрался, заглянул вниз, а там нога торчит. Я чуть вниз не свалился. Сглупил, конечно, затвор передернул, как заору: «Стой, стрелять буду!» — да не учел, что обрывчик там, как навес, а дальше — кусты. Он по ним и двинул, будто не спал. Я вниз прыгнул — там ватник расстелен, хлеб в тряпочке, письма какие-то, «Прима», — и за ним... Знаете, как-то сразу страх прошел, ну, убегает, чего, значит, бояться? Да и автомат, он мне за полтора года как родной, можно сказать... В общем, бегу, сердце как бешеное, но уже полегче, ору: «Стой!», а не вижу, слышу только — он по кустам шпарит, налегке, и главное, никого своих...

Бегу, значит, шинель мешает, но ничего, не отстаю. Стрелять нельзя — в своих попадешь... Бегу, бегу.. и чувствую: что-то не так. Что не так — не понимаю, но как-то с автоматом связано, понимаете? Он у меня в руках, я его как пять пальцев знаю, чистил, разбирал каждый день, но не могу понять, что случилось: вроде не о том думаю, не о зеке, как его догнать, а об автомате... Затвор-то я передернул — звук у меня в ушах, и вот будто вижу, пружины натянуты, деталь-

ки стиснуты, все на пределе, на надрыве... будто звенит... Вообще-то нельзя долго держать автомат на взводе — пружины садятся, но здесь-то совсем другое!

Бегу, понимаю, что ерунда все это, бред, а вот чувствую, больно автомат, понимаете? Больно и все тут... Каждая секунда дорога, я уже матерю себя, бегу, не знаю куда, но слышу: стонет автомат от боли, ну как человек. Я башкой мотаю, сам уже вою, а вот не могу этого стоны слышать, аж выворачивает... Ну, тормознул я, быстро так магазин отстегнул, затвор передернул, патрон из патронника выбросил, щелкнул — пружины назад, — и сразу такое облегчение — не поверите. Снова все быстро собрал и рванул напрямую через кусты — наугад. Минут через десять подлетаю к болоту, гляжу, а он увяз — лед-то тонкий, метров двести до него. Меня увидел, так аж на карачках к островку лезет, а там лови его... Ну, я его и снял одиночными, за это дали отпуск.

И вот думаю, что это со мной было, когда с автоматом-то?.. Как псих, честное слово...

Сапар Жумабаевич слушал соседа, кивая и улыбаясь. Если бы Махмуд лучше знал его, то испугался бы сейчас за него, потому что, когда старик вот так кивал — не бывало ему хуже. Но сказал, улыбаясь:

— Не мучайся, жаным.

— Да нет же, чего мне мучиться? Я вот думаю, что это со мной было, ведь не пьяный был вроде?

— Так бывает. Мучаешься об одном, а кажется, что о другом. Ты в себе носишь того человека. В твои-то годы.

— Зека, что ли? Да ну. Гадов вообще давить надо. Ушел бы — таких бы дел натворил. У нас по всей казарме фотографии жмуриков развешаны — их работа. Я вообще зимой на подкурсы хочу, на юрфак. В органах работать. Развелось гадов...

...«Вот она, гордыня», — ужасающе здраво, чего не было давно, подумал Сапар Жумабаевич, замерев в черном проеме ванной — увидев перед собой висящего Махмуда. В памяти вспыхнули те сладкие и напряженные, сродни любви, мгновения, когда произносил всеубеждающе: «Да!»

«Мило сердце? — пораженный и оробевший привстал Махмуд. — Как же это — милосердием гадов давить?»

«Да», — торжественно повторял старик и глядел проникающе, зная, как и что будет сейчас говорить.

А потом, уже за полночь, Сапар Жумабаевич ходил, бессонный, по комнате, выходил в коридор, на кухню и все прислушивался. Несколько раз останавливался возле двери Махмуда, топтался, хотел войти и не решался. Старика тяжело знобило от желания снова увидеть Махмуда, сказать ему сокровенное слово, он даже книгу непонятно зачем принес, стоял с ней в проходной, ждал, что выйдет, спросит, а там —

многое можно договорить, почувствовать. Но в комнате было тихо, как старик ни прислушивался.

«Плачет», — окончательно решил Сапар Жумабаевич, тут же устыдился своих хождений и подслушиваний. Затаился в своей комнате, думая о будущем, мечтая о будущем...

Махмуду в этой квартире не нравилось все: стены желтого маслянистого колера, кухня с толстым слоем оседающей известью, а особенно ванная, сырая и черная. Пора, думал он, ложась вчера в постель, так и лето кончится, надо сделать жилье из этой берлоги. От старика, конечно, толку мало, но ничего, родители деньгами помогут, а руки есть.. Кто еще в двадцать лет свою хату имеет? Надо, чтобы не стыдно было девочек водить, которых, честно говоря, обходил и побаивался еще, немного «бабахнутый» гражданской волей.

Допоздна перебирал старые «Огоньки» с репродукциями. Решил: здесь на всю стену «Джоконду» рисуем. Ничего, в армии его научили проектором переносить на стенку картинки. А лучше вот эту — «Явление Христа народу», — правда, труднее будет рисовать. По центру комнаты — перегородку с полками и цветами. На кухне — натюрморт, вот этот... А в ванной — главная удачная его находка: ну, конечно, щели заделать, кафель само собой, а над унитазом — сюрприз для гостей — гипсовый барельеф Атланта, держащего на плечах смывной бачок. Махмуд заерзал в радостном возбуждении, ему прямо сейчас захотелось вскочить и сделать в ванной замеры.

Поднялся он по армейской привычке замкомвзвода — за полчаса до гимна. Пошел мыться и — так и застрял там, взбудораженный целью, ковырял стены, приглядывался. Залез под потолок, а там щель в два пальца и тараканье царство. Махмуд нашел под ванной цемент, развел его в большой банке, примерился: высоко. Подумал, снял бельевую веревку из коридора, обвязал себя за грудь, подтянулся и крепко привязался к толстой трубе под потолком. Поставил банку на деревянную полку и принялся замазывать щель, время от времени опуская затекающие руки и давая им отдохнуть.

Когда Махмуд услышал шум и обернулся, Сапар Жумабаевич лежал на дне ванны, уткнувшись лицом в цементную лужицу, ноги его в трухлявых тапках упирались в край; он весь уместился в ней.

И пока приехала «Скорая», пока везли в больницу, старик бредил. Только раз, когда Махмуд делал ему массаж сердца, Сапар Жумабаевич открыл глаза, кажется, узнал его — в глазах появилось что-то осмысленное, — хотя продолжал бормотать все те же непонятные слова: за что-то просил простить, упрекал за что-то.

Не зря, наверное, мудрая бабка Клава со скамейки у подъезда, которую соседи уважали за громкий крикливый голос, говорила про него: «Не жилец». Ее суровый приговор

все не исполнялся, и вот — как снег на голову (вчера ведь бегал!), и это еще больше укрепило ее авторитет среди старушек микрорайона.

ЛЕТНИЕ НАВАЖДЕНИЯ

РАССКАЗ ЛИТСОТРУДНИКА

То лето было, пожалуй, самым холодным и дождливым на моей памяти. Оттого ли оно так запомнилось мне, или потому, что это было последнее лето с Н., — не знаю. Н. ныне известна в литературных кругах своими стихами, поэтому имени ее я не называю, а придумывать не хочется. Потому что во всем том, о чем я хочу рассказать, нет ни капли вымысла.

Мне было двадцать семь, теперь — тридцать семь. Тогда я писал кандидатскую, теперь тихо тружусь литсотрудником в небольшой газете. Разбираю стихи и рассказы читателей, работников сельского строительства, даю их литературным опытам свою оценку. В большинстве своем это произведения о любви. В подавляющем большинстве, хотя средний возраст наших читателей, как сообщала газета, больше сорока. Не правда ли, любопытно? Да и мой рассказ, впрочем, тоже о любви.

Как всегда летом, мы болтались с Н. по северу без особого плана и маршрута. Где-то здесь, в северных степях республики, некогда жил странный народ, следы о нем и было то, на что мы несколько лет подряд тратили свои отпуска. Народ этот вымер каких-нибудь двести лет назад, и ничего кроме легенд и песен от него не осталось. Их-то мы в первую очередь и собирали, они должны были лечь в основу моей кандидатской.

Во всех легендах и песнях народ назывался «айналайн», что значит — «милый», а в смысловом переводе известного поэта — «кружусь вокруг тебя, возьму твою боль». Маленький, загадочный народ, замкнутый в себе, с тонкой тысячелетней культурой, необычайно стойкий и приспособленный к своей соленой пустыне, он вымер, если верить легендам, из-за... любви. Некогда могучий и сильный, он заполнял долину трех рек и одного горного хребта, жил счастливо и справедливо, никого не пуская в свои пределы, ни на кого не покушаясь. Ничто ему не грозило — в этом-то и была загадка гибели народа. Все песни кончались тем, что кто-то из возлюбленных погибал, а другой, не перенеся утраты, вскоре умирал тоже. Получалось, что, потеряв близкого, — в болезни или в бою с пришельцами, — его жена, мать, дети — все, кому он был дорог, — не находили в себе сил жить, уходили поодиночке

в степь и тихо умирали там от горя. Ясно, что ни одна популяция не выдержит такого самогеноцида. Эта версия настолько часто повторялась в мифах о народе «айналайн», так убеждены были в ней местные жители, что это сильно мешало работе. Впрочем, нам определенно везло. Четыре полные магнитофонные кассеты лежали на дне моего рюкзака уже к середине отпуска. Однако до разгадки истинной причины гибели народа «айналайн» было еще далеко.

В тот день с утра, покинув теплую юрту последнего в долине чабана, мы пошли на север, в безлюдное ущелье Ахтана. Необычайно многоводный и бурный этой весной Ахтан снес все мосты и плотины, заполнил озера в долине грязью и камнями. Мы помнили по прошлым годам эти озера — царства лебедей, непуганых и защищенных чабанскими кордонами; в этом году они не гнездились здесь. Чабан, провожая нас до реки, хмуро жаловался на природу, несмотря на обилие трав и тучность скота. Тот детский смысл, который старик вносил в свое самоназвание, — казах — «гусь белый», — пересилил бы любые аргументы против такой «этимологии»; я не стал его переубеждать. Тяжелый год, говорил он нам, плохой год.

Мы не в первый раз были в здешних местах, и это сыграло с нами злую шутку. Я был уверен, что знаю здесь каждый камень, все броды, и когда к вечеру мы подошли к тому месту, где тропинка переходила на другой берег, я смело решил идти вброд, а не спускаться к канатной переправе.

Я довольно удачно перебросил через реку бельевую веревку с камнем на конце. Камень заклинило в развилке ветвей растущей на правом берегу ели, и я налегке перешел реку, ширина которой здесь была шагов двадцать. Закрепив надежно веревку, я вернулся и, взвалив на себя рюкзаки, повел за собой мою спутницу. Течение бешеное, руки у меня заняты поклажей — мы натянули веревку до звона. И когда она оборвалась, единственное, что я успел сделать, — это выпустить в воду вслед за Н. свой рюкзак.

Нам дико повезло, потому что берег в этом месте на большом протяжении был ровным и незаросшим, и я сумел догнать Н. в пятидесяти метрах от водопада. Мы выбрались из ледяной воды, долго лежали на холодной земле, а потом начали хохотать до спазм в горле. И это была не истерика, а настоящий человеческий смех. Мы катались по земле, вспоминая, как и что орали от страха. Так, наверное, и должно быть, если сейчас ты спокоен и свободен и если рядом близкий человек, только с тех пор я уже никогда так не смеялся. Помню, как быстро мы согрелись этим смехом, а погибшие магнитофонные пленки, кассетный «Панасоник», взятый напрокат, вещи — все это зачеркнулось легко и философски грамотно.

С этого приключения все и началось, а вернее — кончилось. Кончилась не только дорога, но многое остальное. В это многое, инстинктивно упрощая объяснение своей последую-

щей жизни — чтобы легче жилось, — я сейчас валю все: и близость с Н., и работу над темой, брошенную через полгода, да и все свое прошлое. Как барьер внутри себя, выросший за одну холодную летнюю ночь.

Мы спустились в долину и расположились на берегу небольшого озера, решив не идти в темноте к железной дороге. Хорошо, что у меня всегда в кармане есть спички в пластиковом мешке и иголки с нитками, — я смог развести костер и наловить самодельными снастями рыбу. Н. молчала всю дорогу вниз, не отвечала на вопросы, и я знал почему. Там, в ущелье, между нами произошел странный разговор. Когда мы отсмеялись и я устал целовать спасенную, она спросила меня отогревшимся голосом:

— Зачем ты меня спасал?

— Что значит — зачем?

— Нет, ты скажи — зачем? Я хочу знать.

— Ну, как бы это сказать... Дай, думаю, вытащу болезненную. Уж больно жалобно ты кричала, попробуй не вытаци.

Она перешла на крик:

— Ты мне можешь сказать — зачем?

— Что ты кричишь?

— А если бы меня... не стало?

— Перестань, моя хорошая, победителей не судят.

— Нет, если бы меня не было, совсем не было. Что тогда?

Я честно признался:

— Не знаю. Не знаю, что бы я сделал. Наверное бы, повесился на этой самой проклятой веревке. Только бы опять не оборвалась.

Она заколотилась в моих руках:

— Врешь! Меня бы не было, а ты врешь! Так не бывает!

Я отнес ее, теплую от слез, на солнечный склон, дал ей спирта, переодел, а она повторяла, сжавшись в комок и закрыв глаза: «Так не бывает. Меня бы не было, меня бы вообще не было».

Тихие, хмельные от спирта, мы с трудом разбили бивак, высушились у костра. Я прижал ее, маленькую, к себе, сидя у огня, и стал говорить, что все хорошо, нам тепло, только жаль пленок, но главное — мы вместе и всегда будем вместе, правда, хорошая? Она не отвечала на ласки и смотрела в огонь. Потом сказала:

— Когда я плыла, считала метры до водопада и все думала: ну и что? А потом: и это все? — Она замолчала. Потом, согласно своей таинственной логике, продолжила: — А ты хочешь доказать, что «айны» вымерли из-за джута или что их совсем не было... Доказывай, защищайся. А я не хочу работать с тобой. И больше не поеду.

Я думал, что ответить, и не находил. Лучше всего было молчать, потому что спирт, досада и злость делали свое дело.

Подошли двое. Наверное, из поселка, мужчина и женщи-

на. Плевать. Хотя они кстати. Не спать же ложиться на голую землю.

Одеты в какое-то тряпье. Видно, что устали зверски. Дрова собирать здесь — час работы, а у нас костер готовый. Ладно.

Женщина неожиданно вежливо, интеллигентным тоном попросила разрешения сесть у костра. Пожалуйста, дело христианское.

Странная пара. Мужчина молчит. Женщина радостно хлопчет, принесла воды, поставила на огонь, спросила у меня сигарету для мужчины, наверное, мужа. Да и мешок тащила она, тот шел налегке — сидит, тупо уставившись в огонь. Женщина развязала мешок, достала чайник, картошку, хлеб.

«Бичи» — определил я сразу, и на душе стало еще противней. Этот — ясное дело, а она... ну, понятно, хорошее прошлое, потом — судьба-злодейка, красивая история, какой-нибудь «коварный соблазнитель», а короче говоря, просто водка. Интересно, расскажет она про «несчастную любовь» или нет? Они любят поплакаться, особенно первому встречному...

Расположились, разговорились понемногу. Пришли они из поселка, откуда их прогнал участковый. «Почему-то тянет в эти места. Предки мои отсюда, кажется, были». Ничего, бывает. Женщина с хорошим юмором рассказала нам об этом происшествии в поселке. Честное слово, я расхохотался, когда она в лицах изобразила, как ее допрашивал местный Пинкертон. Мягко, по-женски хитро она разговорила Н., что практически сделать невозможно. Со знанием дела оценила мой улов (догадалась об этой моей страстишке) — я, как мальчишка, расцвел. Что за чертовщина?

Неприятно удивило лишь то, как она вертелась около этого смурного, явно с вечного похмелья, типа: «Тима; тебе хватит хлеба, или еще нарезать?.. Тима, да сними же ботинки, устал ведь». И (боже праведный!) — снимает с него ботинки, делает это изящно, естественно, укладывает спать с нежностью, как умеет только женщина. Этот Тима за все время издал только несколько нечленораздельных звуков — что-то по поводу отсутствия выпивки — и все.

Обоим лет под сорок. Мужчина все больше вызывал впечатление полудиота, а женщина все больше удивляла. Я успел ее уже разглядеть. Лицо... под глазом кровоподтек, замазанный кремом, — явно Тима «поработал», а так — приятное, живое, улыбочное лицо, а главное — то, как она говорила: почему-то хотелось слушать ее, не перебивая, казалось, мы старые добрые знакомые.

Когда она сказала: «Вы напрасно пожертвовали этим номером «Невы» (я разжигал им костер), там редкая публикация Языкова и очень хороший комментарий, такие удачи бывают редко», — я понял, что наш разговор с этой женщиной только начинается.

Я вдруг поймал себя на том, что привираю: говорю, что читал то, что не читал, знаю то, чего не знал. Какой-то театр:

я — без пяти минут кандидат — пытался выглядеть пристойно в глазах женщины без определенных занятий (а этого она и не скрывала), а главное, не мог понять, как и в какой момент я перешел от снисходительности к искреннему восхищению недоучки.

— Простите, эти книги... как они к вам попадают?

— Очень просто, когда много свободного времени. Провинциальные магазинчики — настоящие золотые россыпи: книги покупаются, продаются, покупаются другие. Но кое-что я ношу с собой постоянно, пожалуйста, вас они заинтересуют.

Казалось, ее несколько не тяготят ее положение и жизнь. Несколько раз, опережая мой вопрос, она говорила: «Все так удачно складывается...», «... мне хорошо». И я видел — она несколько не лукавила.

Мы говорили, говорили, и, помню, я ни разу не подумал о нелепости, ненужности этого разговора о Чокане, «Слове...», Гумилеве, Медоеве... Некоторые ее мысли хотелось запомнить, записать, они по-новому раскрывали целые разделы моей «емы».

— Это ваш муж?

— Да.

Мужчина уже давно, насытившись и отыкавшись, спал на расстеленной солдатской шинели. Н. молча ворошила палочкой угли, поджав ноги и опустив голову на колени.

— Простите.

— За что же простить? Вас, наверное, удивляет наш... союз. Я почувствовала это с самого начала.

— Отчего же? Я вовсе не хотел...

— Я, наверное, расскажу вам немного о себе. Мне кажется, это будет вам небезынтересно и, поверьте, не оправдания или сочувствия ради.

Да, в прошлом у меня были дом, муж, ребенок... он уже почти взрослый, мой мальчик (я стал пугаться, что сейчас затоскую и разочаруюсь), да, я ушла от семьи, сына, бросила работу, докторскую, потому что полюбила этого человека. Он тоже... бродит, у него нет никого, кроме меня, и если бы не я, он давно бы погиб, — с гордостью произнесла она и вдруг воскликнула: — Удивительная ночь! Впервые за годы — удивительные люди, это искренне, поверьте...

Я мог представить эту женщину в любой, даже омерзительной ситуации, но неискренней, лгущей — этот голос — нет... Дело в том, что нет ничего самоубийственной откровенности. Искренность, если она искренность, — она без жалости, она убивает, вымораживает душу, грабит... Она сдирает с тебя одежды, кожу — все, чем ты защищен от ужаса непонимания и наплевизма, и прежде всего от себя защищен, от жутких вечных своих вопросов. Смотрите, голый, ха-ха-ха, вот я какой, вот ты какой!.. Страшна откровенность: от крови она — не от жизни, она ставит в человеке все на

место, как есть он плоть от плоти, и беспросветны тогда выводы, не живется тогда... Лгать, лгать, а себе — в первую очередь!..

— Вы знаете, что такое взрыв, тихий внутренний взрыв? Да-да, у Анчарова об этом есть, но я — немного о другом. У меня он был один раз, ровно три года назад, в тридцать пять лет, когда я уже забыла не только о взрывах, но даже о всплесках в себе... Мне кажется, мы невольники своего человеческого креста, свободу понимаем так: делай что хочешь, — а не понимаем, что *захотеть* что-то хотеть мы не в силах. Наши хотения — вне нас, мы — вечные невольники тысячелетней истории человека, его природы, сути; свобода — абсурд, и я не ропщу. И вышла я замуж, и была счастлива, потому что этого хотела не я, а мудрые обстоятельства, Ее Всемогущество Необходимость, как ни больно это сознавать. Иначе — анархия, энтропия, смерть.

А взрыв, мой взрыв — это прореха в железном законе, наваждение, откровение, «непорядок», бывает он раз в жизни — на большее сил не хватает — после долгой болезни или скуки, в этот момент человек и способен полюбить неслыханной любовью. Ты хочешь захотеть кого-то до сумасшествия, ты втайне мечтаешь об этом всю жизнь — о любви книжной, абсолютной (ты уже сдался: тот самый закон самосохранения мешает, человека этого нет — ведь ты трезв, зряч, ты не можешь *захотеть* хотеть), но в это мгновение я увидела его и сказала: я умру, если умрет он, я отдам ему себя всю, я — люблю его. И это не чудо, не сказка. Жизнь груба, но я счастлива, поверьте, мне незачем лгать вам.

Наверное, я избранница, и это не самообман, не самовнушение, ведь я не сразу порвала с прошлой жизнью, мучилась, обращалась к друзьям, даже к психиатру, наконец, к мужу, и оказалось, что это нормально, просто — я люблю человека, болею им, мне хорошо с ним. Может быть, я унижусь сейчас и нельзя говорить этого, но прошу вас, не судите его, отнеситесь к нему по-человечески, как к родному человеку, для меня это важно, ведь он никому не сделал зла и ни в чем не виноват, это все война, я знаю, какое у него было детство.

...Возможно, если бы я работала по-настоящему, «вкалывала», все было бы иначе, но мне все доставалось слишком легко, печально легко: безоблачная с детства жизнь, любые книги; статью я могла написать за вечер, прочитать лекцию без подготовки, а это расхолаживает; врагов, катастроф у меня никогда не было... С жиру, как говорится... Появляется чувство, что живешь не серьезно, начерно: полумыслишь, полужертвуешь, полурадуешься. Становится тягостно жить...

...Милые люди, вот уже и рассвет скоро. Сегодня двадцать второе? Грустно: день теперь начнет убывать.

Я вышел к озеру. Странная пара уходила к проходящему поезду, на восток, в разгорающееся зарево. Прощание было

торопливым, мы будто стыдились теперь, на свету, глядеть друг другу в глаза.

Рыба еще не проснулась, неподвижная черная вода была пряма и напряжена — казалось, полосни по ней бритвой — и она взрывом разметнется в стороны, обнажая дно. Сырой воздух ощущался чуть остывшим молоком, тяжело наполнял легкие, комом подступал к горлу.

Я обрезал кукан. Рыбы, оставив на шпагате ошметки жабр, медленно и судорожно ушли.

«Ничего, это от бессонницы, пройдет, отосплюсь в поезде».

Графика Вячеслава УСЕИНОВА.

ВОЛКИ

Почему казахи не любят собак?

Понимаю, что сказал резко. Нельзя так: не любят — да и все тут. Судить огульно не о человеке даже отдельно, а о народе? Конечно — нельзя. Неверно. Тем более решать: любит — не любит... Но все же — давайте вслушаемся в казахскую речь, в привычный набор слов, настолько привычный, что его никто и не замечает, не вдумывается. Самое ругательное слово у казаха — собака. Собачий сын, пусть я буду собакой последней, собака собаку посылает (это когда кто-то перепоручает ему порученное дело), я тебе не собака, собачья кровь... — в любых вариантах неизменно одно: «собака» в самом уничижительном смысле и значении.

Но за что? Что сделали собаки такого, что презрительное отношение к ним отпечаталось в самом долговечном памятнике и самом беспристрастном свидетеле — языке народа?

А ровным счетом ничего. Даже наоборот. Жизнью своей степняк обязан двум верным друзьям — собаке и лошади.

О коне и говорить не надо: любовь к нему казахов общеизвестна. Не случайно же для казаха любая скотина — «мал», то есть собственно скотина, и лишь для коня сделал язык народный исключение. Конь — «жануар», и в слове этом отчетливо прослушивается «жан» — душа. Как в русских селах бабки говорят, жалея скотину: душа живая...

Без коня нет жизни в степи. Но ведь и без собаки не выжить казаху на буранных просторах. Кто защитит овец от волков вьюжной ночью? Кто управляется с отарой? Да еще в непогоду, когда ни зги не видно и шагу ступить нельзя — заплутаешь и сгинешь. Собаки, именно они собирают в кучу отару, ведут вплотьмах, спасают и человека и его скот. Громадные чабанские волкодавы — главное богатство любого аула. Это свободные собаки, они бродят, где хотят, находят корм

и приют у любого очага, в любом человеке видят друга и хозяина. Они никогда не были и не могут быть сторожевыми псами, их просто нельзя натравить на человека, они этого не умеют. Их дело — стеречь и вести отары, загонять волков. Я видел их, еще застал. У этих собак невиданной породы такая пасть, что в нее как раз и входит голова волка: они его, волка, спереди берут. И любой чабан скорее руку себе отрубит, чем продаст своего волкодава. Любой степняк, от аксакала до младенца, знает, что волкодав — это больше, чем помощник и друг, это наравне с конем: душа живая... И верная.

И в то же время — с таким пренебрежением о ней же, о собаке? Почему так? Что за странность? Откуда такая несправедливость и неблагодарность, в конце концов?

Разгадка кроется в такой туманной дали веков, что человек современный, мыслящий цифрами и фактами, а не родовой памятью, не преданиями, и представить этого не может.

Считается, что мы — волки. То есть прародителями всех тюркских народов, и казахов в том числе, были волки. Мать-волчица родила и вспоила нас, и вскормил волк-отец.

У всех тюркских народов есть выражение — каскырлык. Каскыр — волк, а каскырлык, дословно, — волковость. То есть нечто не переводимое одним словом. А если понимать шире — это отвага, дерзость и упорство в достижении цели — вот что такое каскырлык.

Ну, а раз волки, то, естественно, и отношение к собакам соответствующее. Так и сложилась престранная ситуация: признательность и любовь к своим вернейшим друзьям в повседневной жизни, в быту, и — как эхо доисторических времен — презрение и пренебрежение в живом народном языке.

Наверно, нынешние молодые об этом не знают...

Рафаэль Левчин

Рафаэль Левчин — поэт, прозаик,
эссеист. В прошлом — киевлянин,
ныне — живет в Чикаго.

Главный редактор русско-англоязычного
журнала «Отражение».

Подражание Брехту

И постольку,
поскольку мало кто знал его в лицо,
победители ворочали мозаику трупов,
победители выпытывали у пленных,
пленных было шесть тысяч,
и почти все
отвечали одно:
«Я Спартак!»
Так что,
в конце-то концов,
чтобы не вышло ошибки,
несмотря на огромный материальный убыток,
их всех распяли вдоль Апшиевой дороги.
Шесть тысяч крестов,
как приснившийся аэродром,
торчали в небо...
Так,
под знаком креста,
начиналась
новая
эра.

Из цикла «Ритуальные чучела»

Сны

Умирает день-Спаситель.
Ангел в куртке ярко-синей
мимо мчит на мотоцикле —
вечер.

Зачем, зачем ты покинул меня, Вечный?!
Умирает лиловый гигант,
утыканный смертоносными звездами,
разевает призрачный рот
и выплевывает Луну,
как серебряный маленький рай.
Ночные грозы,
анонимные письма,
перестрелка соловьев,
подводные лодки,
натыкающиеся на собственные мины,
легкомысленные признания микробов,
брачный танец галактик,
прячущиеся в подворотнях какие-то последние боги —
все это чреватое утром,
которое выйдет
с веселой отрубленной головой под мышкой.
На каждом углу —
гильотины киосков...

Действо о Данииле (фрагмент)

Любимая, обречен этот город
с его обитателями и псами,
с его гробницами и домами,
любимая, обречен этот город!
Бог спросил меня:
нужно ли уничтожить
город этот со всем, кто населяет
улицы, щели, деревья, норы,
конурки, башни, дворцы, бассейны,
траву, стекло полуночной лампы...
Что мог я Богу тогда ответить?
Я человек лишь, и перед взором
плыл город древний и ненавистный
с его стеной, на которой могут
разъехаться всадники без помехи,
с его детьми и его камнями,
плыл желтый город садов висячих
сквозь мед и золото нестерпимо...
Кружилась бабочка, кто-то плакал,
слуга бежал выносить помой,
меня толкнул и не извинился...
Что мог я Богу тогда ответить?
И честно сказал я ему: не знаю!
И кто задается таким вопросом
перед тем, как залить водой муравейник,
чтоб банку варенья сберечь в буфете?!

ОКРАИНА: БЕСЕДЫ

ЭССЕ

Создавать в малой укромности милого дома. За дверью: захоlustье, накрытое явью, как западней, и ничего не поделаешь — срединный мир переполнен тихим безличьем до набрякшего спазма и полуденной саркомы. Тесный рубеж, топографический рубец, лелеющий громоздкую ширь или жестко упакованный *urbs*. Повторяется изо дня в день: что там? кто расскажет? Стихотворение лежит на этом промежуточном лезвии, отражающем небесный свет и большой пустырь, где руины дальних обстоятельств встречают окрест буйный и полнокровный конец. Мы идем вдоль канала, мой друг вспоминает фильм — Аккерман: женщина моет посуду, выходит на улицу, поворот головы, осеннее предместье, холод. Пейзаж сильнее интриги, и наблюдение за колыханием трав продиктовано отнюдь не тяжелой необходимостью в лирическом отступлении. Вот безотчетный дух, который настаивает, чтобы ты вырвал его из алчной неизвестности, и бесполезны теоретические усилия; тут правомерна лишь твоя — буквально — физическая причастность к «стремительной силе», и она пропадет, если не дать ей имя.

Не городская молвь, не густая природа, но этот пограничный порыв, всякий раз отклоняющийся от них, сводит образ в одну вестибулярную гроздь, в напряженное предчувствие, лишенное торопливости. (Когда стихотворение спешит оформиться, оно умирает, теряя возможность в дальнейшем воскреснуть: концентрация косной структуры, завершающейся почему-то рифмой). Принять или не принять — дилемма будто растягивает меня с обеих сторон и расчленяет надвое.

Но выбрать: не колеблемый ветром куст, не пустоту, что смахивает на полую однозначность и уныние, а тугой трепет ветвей, проносящийся поверх материи. Стихотворение, как

ночь, зримо лишь темнотой. Оно восхищает нас в той мере, в какой удаляется. Недоступное в нем предельно корректно и требует, чтобы ты послал внутри себя гонца, интуицию. Текст, минуя ряд беглых взглядов и накатанность, становится глубиной, тормозящей движение в затасканный ландшафт. Поэтический код делится до основания, но сохраняется крохотный лаз для мягкой растерянности. Дробность, осколки, затертые в креплении глухого микрокосма и необъятности. Увы: ни одной строки, оставляющей надрез в скачущих глазах. Мы продолжаем идти, озираясь. Тень воздуха плывет по стене: речь изрекает неизреченное. Мы смотрим на безлюдную улицу, залитую солнцем, и читаем в ней успение дня. Старый квартал, транс и традиция городских окраин. Неведомое опускается до никчемной поскосторонности убогих примет, и новый маршрут проложен только в узкой полосе — не в сутолоке слогов, не в патерналистском тверждении дремотных форм. Невесть откуда берется покой и блеск. Благо: где несказанно трудно набирать качество, где приходится отстаивать каждый отвоеванный толчок. Рука протянута к стакану, и ты чувствуешь, что здесь побывал свет. Какая редкость! Зачастую язык засылает себя в тупик. Однократный просмотр окраинной колеи — и того довольно: в нас проникла скудная доля, но в самом деле поглощенной мелочи оказалось слишком много, и она перелилась через край.

Освежающий промельк в местном чистилище вдруг выделяет, как знойный сок, солнечную длительность, рядом с которой будничные прах и суета сокращаются в заурядный и смякнутый комок. Обо всем забывают, спасаясь в забвении. Традиция в том, чтоб напомнить — так в речном потоке одна волна передает другой древнюю текучесть. И не дай Бог скрыть топорную суть в холодном стиле, маркирующем действительность, или в мрачном романтическом лицемерии. Здесь что-то иное. Стихотворение, обгоняя вещь, старается уличить ее в «тамошности», словно иначе нельзя угодить в благодатный мир. В нем подобная цель пружинится в сладостной изготовке, разрешаясь в финале смутным созерцанием. Вода и пыль загородных линий. Ты признаешься: убежать, исчезнуть в Средиземноморье. Фильм Орсини, пейзаж, сводящий с ума. Между тем вокруг носятся миазмы человеческой инерции и серой застылости, едва ли нуждающиеся в поэтическом комментарии. Но стоит ступить на еле заметную грань, где бесполезное подпирает нас твердой почвой, как начинается брезжить милое сердцу пространство.

Писать медленный текст, накаленный всюду монотонностью и резким освещением. В мире неумолимого совершенства и просперити легче упасть, и по этой причине интенсивней строится внутренняя работа, нарастающая в голую объективность. Художник в таких случаях использует каждую мерцающую лауну и яркую щель, чтобы сберечь общий лад. (Находится порою тот, кто осеняет уже освоенный порядок свое-

волием каких-то новых именовании, и письмо его оседает в иную картографию. Позднее бешеные гонки и бунт хиреют в блекнувшей тривиальности, пересекая долину — от раннего агапе до сухой индустрии слов). Однако в промежуточной обстановке предмет и персонаж балансируют в становлении, в отсрочке, в гибкой незрелости, выскользнувшей вертко из патологии норм в окрестный пепел.

Путник, озирающийся. Наступает вечер, и времена меняются, как поет Боб Дилан. Дорога тянется в определенный сумрак. «Бог мест». Где он? Мы возвращаемся в летнюю комнату, где теплый ветер колышет белые шторы. Земная тема отсеется неизбежно от стихотворения, и сквозняк выдует из него лирическую тему, но тем не менее ток упругих недомолвок ударит в грудь. Сегодня. Как и прежде.

ФЕРГАНА КАК СОСТОЯНИЕ

ЭССЕ

Солнце; и мы получаем возможность застать реальность врасплох. Оторопь стен, безлюдие впадистых улиц, углы синих жилищ. Воздух запаса божьим безмолвием, пока твой жест стелется подо мной, как речная волна, — и через мгновение провалится в эльфичную рябь, за чертой городской пустыни. Безмускульные подростки лениво сидят на травах около общарпанной ограды, охраняя провинциальный эдем; их грубые губы уже обречены замыслить судьбу, и тишина смешана с красно-коричневым запахом анаши; в этом странном растворе, глубоко внизу, едва ощутимо колеблется мутный и сырой гул упругой воды, подтверждая: все пространство нуждается в постоянном пересмотре. Ладонь и земля. Ветошь вещей печальных окраин, где навсегда накоплена достоверность. Маленький город: тротуар обрывается, мяч летит в бетонной канаве, пчела кружится над изножьем кровати, падает мальчик, и горлица выпархивает из чердачной ямы, рискуя нагряться в стройную галлюцинацию. Распухшие камни раскиданы у ног, словно дикий порыв оцепенел в них, и, куда ни кинешь взор, терпко держится мир в объятиях неподвижной суеты. Мимо глаз, прижатый сдвоенной ветвью, ширится солнечный луч, в котором уже спрессован пейзаж, и в углу комнаты, где мы слушаем музыку (Procol Harum), белая кошка делает «аминь», будто шийт, молящийся одной рукой. Но чем примитивнее, тем поэтичнее; мошки засоряют зрение, превращая жесткую серьезность в райскую игру света и тени, в дерзкую полетность, и тяжелая банальность становится чуть ли не утонченной, золотой вестью. Правда, ненадолго. Вскорости картина зарастает напряженной оседлостью невзрачных примет: меркнувший пробел. Ты

обошел весь город, чтобы увидеть краешек серого кирпича, залитый летним пламенем на пустыре. Все так: плетение одиночеств, дорожный щит позади, умирающий день. Кого ты любишь — не виновен. Плоть, плоть; события соскальзывают, не таясь, в постную монотонность. Кануть, вторгнуться в нее; твои руки, сжался, ты смотришь в законный простор, ты видишь красивых и сильных собак под мостками; канал и неверный шум кожистой воды. Надувшийся бок милой дороги, покрытый игольчатой рыжей растительностью и модерновой пылью. Холодный закопченный колор сквозит в занозистом зное и отвесно метит сгинуть в реке, улизнуть в гибкую сеть бегущих кристаллов. И движения здесь не сползают на тесный сюжет, на душную емкость медленных приключений. Щебнистый покров настигает травяную кайму, но кусок мондриановой тональности пропадает. Солома бедно шелестит и провисает вдоль промоин. Твердая гладь: блеклые краски теряют кремнистый натюрморт, и мальчик перемещается по контуру песчаной поляны, где абрис приземистых домов старательно выцарапан расстоянием и укреплен в гнездышке зрения. В глухом стекле отражается упрямый скол воскресной веранды. И мир не спускает глаз в палящей дреме с обильной и тошной раздробленности. Мелочь окрестных улиц норовит задержаться в том образе, в каком ты обычно видишь ее. Свинцовая зримость плавится в каждом предмете. Ты говоришь: вот-вот прозвучат страсти по Аккатоне — окраина, лето и обреченность. Длинные гвозди сцепились — один металлический узел, натянутый до обморочной бледности, в которой беглые впечатления скрадены смолистой оцепенелостью. Потом: в ярком свечении — пустошь, автобус и берег — проплывает незнакомых людей обожженная солнцем, тугая музыка лиц. Бред заустений: усыпляющий, безымянный вой за полосой плоского захолустья, и соломинка, застрявшая в отверстии прямоугольного стола, подрагивает иступленно, откликаясь на «зов». Он умолкает, возвращается в капсулу другого ландшафта. Простые богатства: рука, молоко. Томная смазанность летней свободы; точка любая тщится в эту минуту напасть на бескрайность, забить ее в зыбкий чертеж. Пригород, мазар, на железном полумесяце стонет пестрая птица. Темнеющая тоска змеится в радужнице глаз, и наркотический скорбный шорох скребется в предчувствии ветра в мужских рыщущих пальцах. Вот край: заброшенный слизистый дом, деревянные хилые окна, две крупные мухи спарились в чахлом прогнившем отрезке и позже накинута на цветущие поодаль в опаленном безмолвии мусорные химеры. В тлении распахнут предмет, уповая теперь оказаться пружиной чуткого хаоса. Широта просится проникнуть в прокол знойной реальности. Но опять: полуденная местность, накаченная тишиной, и рядом бежит языческой тенью собака. Ты говоришь: повсюду стремление заманить что-то безличное, и оконный зев быстро всасывает

цепкую занавеску: дуновение, первобытный словарь. О чем же? Земля нагнетает земное, отсылая его то и дело в парящую даль. Разметанный по степной пропасти сор прилипает к телеграфным столбам, и ты переводишь взгляд на бревенчатый стол, откуда вытягивается прямо к пересечению равнинных пятен шоссе́нная линия. Шагни сейчас — нарвешься на уцелевшую до миллиметра обыденность. Свет, западня. Тишина с потолка стекает на пол. Завтра — другое.

Графика
Игоря КАСЫМОВА

Дневник одного дня пути

дорога в пыли и кустарнике (иван-чай, голубой барбарис),
мощенная холодным дождем.

Вечный путь-тюрьма странника. Впереди
оголенное солнце готово легко перейти из паденья в подъем
без малейшего признака смерти.

Свет, осторожный палач, разрывает над ними смеженные веки;
их мысли, скрестив напряженье двух горизонтов,
оседают на травах (глубокий

тревожный дух безмолвия — отверженный. Тогда
среди полых и редких зарослей

можно встретить забытый колодец — вода далеко,
но грубые камни чередой уходят во тьму, отвесные,
крепко смыкают древний глоток пустоты,

остановленный где-то на вдохе. Никого),
забывая цести свой покой для умерших — двое мужчин, и
ребенок сбивает ладонью отцветшие венчики трав. Смягченный

детской неловкостью, окостенелый чертеж-перспектива,
и размытый объем удаленных предметов вращается,
отразившись в гладком зрачке, против движения к солнцу —
острие скольких времен прошло по нему так,

что путник не ведомый этим равнинам, но ими ведомый,
к внезапным толчкам звериного крика
возвратит человеческий голос, и пыль,
отлетевшая с верхних растений под натиском звука,
запершит в его увлажнившимся горле.

Остаток ночи

он проведет в бессилии; правое предплечье,
исколотившись о легкую жимолость,
затекает, немеет теплом его тела, и гнет полнолуния
сомкнет его взор с побережьем.

Северная провинция, куда через Японское море добираются холодные ветры Сибири

Мир, запертый между «ними» —
светом, водной поверхностью и безлюдьем долины, —
приводит меня в отчаяние.

Легкие кисти опустошенных стеблей
просвечивают насквозь; в это же время
широкие блики слепят глаза,
ложатся поперек горизонта.

Есть власть в сердце, и есть боль,
не подвластная сердцу.

Слышен скрип разбитой уключины;
обломок весла, послушного мелкой волне,
не дает ей покоя, и, как дыхание лет, птица,
сбитая с толку, отвечает ей также время от времени.
Глубина и простор пробирают, как ветер.

Рифат Гумеров

ЛЕНЧ ВО ВРЕМЯ ПУТЧА

ПИСЬМО I

Р, здравствуй!

Хочется написать о многом и трудно с чего-то начать, потому что впечатлений — огромное количество, начиная с того момента, как мы сели в самолет. Летели мы не двенадцать, а четырнадцать часов, включая двухчасовую дозаправку в Копенгагене. Три раза кормили — два обеда и один завтрак. Показали два фильма без перевода с английского, кучу рекламных роликов и на протяжении всего полета можно было слушать музыкальные каналы, которых не меньше двенадцати. У каждого наушники — бесплатные, как оказалось. Курить можно только в хвосте самолета. Один стюард попросил у Яши «уан рашн сигарэт»... Яша дал ему «Яву», а стюард почему-то подумал, что Яша курит марихуану. Долго кашлял, вытирал слезы, а потом принес нам банку пива и блок жвачек...

В Нью-Йорке мы сидели около двух с половиной часов, а потом еще шесть часов летели до Лос-Анжелеса. В Нью-Йорке сопровождающий нас агент потерял мой билет на самолет за двадцать минут до посадки, а сам ушел. Спасло и выручило меня только мало-мальское знание английского, но переругалась я здорово. В конце концов через компьютер мне сделали дубликат билета и все закончилось благополучно...

Приехали мы домой 11 ноября в 20.30 по лос-анжелесскому времени (разница с Ташкентом — четырнадцать часов). Саша — Яшин брат — снял нам bedroom (по-русски — трехкомнатную квартиру) в West Holliwood — Западный Голливуд — за 800 долларов в месяц. Это примерно такая

квартира, как две или две с половиной квартиры где-нибудь на Юнус-Абаде. На втором этаже двухэтажного дома, с ванной и отдельной душевой и двумя туалетами, т.е. ванна с душем, тазом и раковиной в одной комнате и только душ без ванны с унитазом и раковиной — в другой. Кухня, конечно, расположена в другой стороне квартиры. Под домом паркинг для машин, сбоку дома автостирка и автосушилка — за один доллар стирает и просушит. Короче, жить можно...

Вообще, R, обычно те, кто приезжает в Америку, начинают смаковать здешние прелести и т.д. и т.п., но я не буду этого делать, т.к. это бессмысленное занятие — не хватит ни бумаги, ни сил, ни жизни. Могу только сказать, что для человека из Союза Америка — это страна чудес, притом не только из-за ассортимента товаров, но и по многим другим причинам. Короче, R, приедешь — сам все увидишь...

В плане погоды здесь тоже отлично! Что-то вроде середины нашей весны — все ходят в рубашках и не мерзнут; но если надеть легкий свитер, то тоже не зажарисься — прекрасно себя чувствуешь. Светит солнце, тепло, легкий ветерок — то что надо для хорошего настроения.

Вчера ходили оформлять документы о том, что мы приехали (эта организация — что-то среднее между ЖЭКом, собесом, исполкомом, паспортным столом и т.д.), а в понедельник пойдем в «джуйку» — это контора, которая будет платить нам деньги, а пока их у нас нет. В «джуйке» будем выяснять наши дальнейшие действия, и когда станет что-то ясно, то я буду выяснять, как оформить тебе гостевую и т.д. Здесь есть много газет на русском языке и в них объявления, кто (?) занимается такими делами...

Скоро у нас будет машина, так как без машины тут делать нечего! Когда приедешь, у тебя тоже через пару месяцев будет машина... Сейчас нас иногда возят по магазинам, по городу, чтобы мы имели представление о ценах и остальных вещах. Если переводить с долларов на рубли, получают страшные деньги, но так смотреть на вещи и продукты нельзя, иначе помрешь с голоду; что дорого и что дешево — надо знать, этому надо учиться, т.к. можно купить одну и ту же вещь за пятьдесят центов в одном месте и за пятьдесят долларов — в другом; все надо знать. Но самое главное — язык. Ты можешь ничего не привозить с собой; никаких вещей, но должен сделать все, чтобы как можно больше и лучше выучить английский. Когда приедешь — поймешь, насколько это важно. Мои ходят целый день и говорят: какие они идиоты, что не уехали раньше. А когда просят меня что-нибудь перевести по телевизору — я начинаю говорить, что там говорят об ипподроме, Тезиковке и Паркентском¹, а также о гараже, подвале, книгах. Им ничего не остается, как уйти

¹ Ташкентские базары.

в другую комнату, а меня берет злость, что я не плюнула тогда на все и не учила язык». Даст бог, и у нас будет все, что хочешь ты, что хочу я, и даже больше! Если знаешь язык, то возможности здесь неограниченные, было бы желание!

Сейчас мы все впятером живем в одной квартире, но это временно, т.к. это нарушение, и мы должны будем в ближайшее время разделиться... Все упирается в отсутствие денег и как их сделать быстрее и больше.

В том месте, где мы живем, — очень много русских, т.е. из Союза, а рядом на улице почти все магазины принадлежат эмигрантам, причем некоторые из них — из Ташкента. Есть кинотеатры на русском, книги, газеты, театры... Ведущие русские труппы приезжают на гастроли. Сейчас здесь балет Моисеева и другие знаменитости, но реклама длинная, и я не буду ее переписывать...

Ну да ладно, R, тебе, наверное, надоело обо мне читать, сколько можно. То, что ты слышал об Америке — это мизер по сравнению с тем, что ты здесь увидишь! Да и к тому же я тебя люблю — как никто друга я!!! Ты это знаешь!

- Если честно, то я скучаю по Ташкенту. И по самсе, и по чимче, и по всему остальному! Страшно скучаю по тебе — тебя мне не хватает, и никто и ничто, кроме тебя — этой нехватки не восполнит...

R, милый, пиши мне чаще, больше и обо всем! Ну ладно, заканчиваю... Пока. Всем привет! Целую, обнимаю и люблю!

Твоя Анжела...

14.11.91 г.

R. S. Поздно не гуляй! И не ходи голодный! Обещаешь?!

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

...что R сидел на осеннем пригорке. У арыка. Черными пронзительными глазами взирая на последнюю пляску злых осенних комаров, беззвучно барражирующих — на бредущем, как вертолеты. R хлопал их свернутой газетой «СПИД-Инфо», и на газету брызгали капли его же крови из комаров-вампи-ров-камикадзе — разбитых вдребезги, как Квантунская армия, разбитых вдребезги до их комариных мозгов...

— спидоносцы сраные... И не надо кричать на меня. Что можно решить на крике — разве что поссориться и вцепиться друг другу в глотки? Я разве виноват, что все герои у этого автора расползаются во все стороны, как тараканы...

...что R много писал. А все, что писал R, — он писал об одном и том же. Только другими (большими) буквами:

КАК СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ?

...однажды Жан-Жак Руссо сказал, что для счастья нуж-

ны: хороший банковский счет, хороший повар и хороший желудок.

К банку у R свой счет... Что лучше — лицо R на сто-долларовой банкноте или стодолларовая банкнота на лице R?

Его улыбка — на миллион долларов. А молчание — золото... Это R из СССР или Г из СНГ? Но R молчит, улыбаясь, — поблескивая своим золотым зубом...

ПОТОМУ ЧТО...

...нет ничего ужасней — если фильм ужасов рассказывает заика. Да еще с похмелья...

А что такое фильм ужасов по-голливудски? Они там, бедные, кушают каждый день клубничку со сливками, и им требуется почесать себе нервы. А если бы R снимал фильм — он снимал бы только женщин. Только красивых. Только без слов. И не надо никаких сюжетов-мюжетов. Только женщины, музыка и немного драпировки...

НОЧЬ КОНСЕНСУСА

Они договорились жить в дальнейшем супружеской жизнью. И эта ночь, когда они договорились, — была названа ночью консенсуса...

А до того она попросила его помочь донести ей авоську до девятого этажа — сломался лифт. Почему не помочь молодой красивой женщине? И он помог. Она пригласила его выпить чашечку кофе. Они выпили кофе, потом кофе с коньяком, а потом коньяк с кофе. Почему не выпить ему с молодой красивой женщиной — да еще когда угощают? Потом она рассказала ему, как ей одиноко — и он остался у нее ночевать. Почему не разделить ему одиночество молодой красивой женщины? Потом он стал заходить к ней. Потом она сказала ему:

— я беременна...

...и они договорились жить в дальнейшем супружеской жизнью. И он даже думать перестал о том, чтобы найти себя, — он должен был найти хотя бы завтрак... для своих детей...

А ночь, когда они договорились, — была названа ночью консенсуса...

ВЫВОД:

...не помогайте молодым красивым женщинам тащить авоськи до девятого этажа — даже если сломался лифт...

ПОТОМУ ЧТО...

...как любит говорить R:

— мой старик отец, прежде чем покинуть этот говеный мир, учил меня:

— никогда не бегай за автобусами и женщинами — все равно не догонишь...

ПОТОМУ ЧТО...

...R понял, что он и есть R, ощутил это, почувствовал (... в ... чувствуют, орал ему старшина в доблестных рядах новобранцев, изучающих курс молодого бойца), догадался, догнал, врубился, оказывается...

ОКАЗЫВАЕТСЯ...

Умер Сальвадор Дали. Наступила эпоха Вырождения...

ИТАК...

...R сидел на осеннем пригорке у говорливой воды. Черными пронзительными очами взирая на опадающие желтые листья. Черный взгляд на желтых листьях — цвета тигровой осы — беспокойной мысли... R искал логику в своих минувших днях и не мог найти...

Кому мог раскрыть свою боль долготерпеливый R? Кому мог раскрыть свои объятия? Свои секреты и тайные грехи, нажитые им по жизни?..

Журчащий арык, словно тысячелетний мудрый странник, что-то тихо бормотал о своем. R сидел на корточках, покачиваясь, охватив руками свою коротко стриженную голову и закрыв свои рысы глаза...

Что такое жизнь R? Бродя по жизни, словно серебристый паучок на серебристой паутинке, он искал свою серебристую паучиху с черным крестом на спине — как и все пауки, не ведая о своем конце... Не может быть, что его судьба ограничится лишь созданием никому не нужных стихов и раскрытием своих тайн кому-либо...

Не умея объяснить словами — он понимал древнюю мелодию журчащего арыка, уносящего в небытие упавшие листья...

Эта же дорога предстоит R... Чем арык Салар отличается от Леты или Стикса? Богоподобный Дант уже описал все круги этой дороги. Идя по миру, нарезая круги — R тоже мог описать весь свой путь в стихах — но разве очистится мир благодаря стихам? Даже написанным болью?..

Потому что жизнь — «БЫТИЕ»... А следующая книга —

«ИСХОД»

...Все смешалось в доме Обломских...

Пол Анжелы оказался потолком R. По его телу, которое она так любила, телу тридцатилетнего, не совсем трезвого человека — бегали наперегонки мурашки...

R валялся на диване, ковырялся в мозгах, одурманенных тоской и алкоголем, и мечтал поехать в Америку: как R(адищев)...

...я куплю себе лошадку и поеду в Америку:

...цок-цок, цок-цок... цок-цок... цок-цок... цццоооккк... цок-цок, цок-цок, цок-цок... — и так весь роман:

...цок-цок, цок-цок... цок-цок... и вот я приехал в Америку... Я — американский пионер R(адищев)...

А разве пионеры пьют водку? R — пьяный — мечтал влиться в любой коллектив, в любую компанию... Одинокому человеку не надо ничего забывать, хотя бы для того, чтобы помнить...

— не оставляй мне заSOS!!! — на груди пламенеющий, багровый, словно августовский закат в далекой Калифорнии... — просила она...

заSOS! — он не оставлял. Прикосновения к ней — слово прикосновения к воде. Такие же следы на зеркальной поверхности.. Поэтому Яша не знал...

А теперь они уехали... И Яша уехал в своем неведении. И счастлив. Анжела с ним. И он может видеть ее каждый день...

— а я остаюсь с тобою, родная моя сторона... А самое смешное в родной стороне — это общественные туалеты. А самое печальное — что жизнь R напоминает собой самое смешное...

...сидишь на толчке. А к тебе в кабинку заходят на косячок по очереди: сначала нос, потом Фрунзик, потом Мкртчян... Потом все вместе начинаем смеяться...

— Фрунзик, ты похож на Фрунзе в молодые годы...

— а ты похож на Бишкек...

Смеемся дальше...

R не мог сосредоточиться, быть серьезнее — у него постоянно на губы действовала какая-то сила — и губы сами по себе растягивались в широкой — до ушей — резиновой улыбке...

— а вот и Яша бежит (Яша — Анжелич муж), на шестой троллейбус опаздывает. Я думал, он уже давно со своей жинкой по Брайтон-Бич гуляет, а он на шестой троллейбус бежит, да еще опаздывает...

Яша был скупой и богатый, имел красавицу жену и жил по принципу: лучше быть богатым, но здоровым, лучше водку пить, чем воевать. Поэтому они уехали не в Израиль, а в Америку, хотя Яша, между прочим, еврей...

ПИСЬМО II

Здравствуй, R!

Только что отправила тебе письмо, но на нем не было марки «AIR», для того, чтобы оно шло как «АВИА», а так оно может идти очень долго морем: поэтому я решила написать сразу еще одно письмо. Я не буду повторять то, что писала в том письме, т.к. ты его все равно получишь. Сегодня четвертый день, как я в Лос-Анжелесе, но особенно много я еще не видела и новых знакомых еще никого нет. Как мне и обещали — я несколько разочарована, но почему — сама не знаю. Наверное, в зависимости от впечатлений будет меняться и мое мнение об Америке. Не торопись разочаровываться и ты, R! Так как у каждого должно быть свое мнение... Как везде пишут и говорят, Америка — это страна чудес. Здесь есть абсолютно все и даже немного больше. В Лос-Анжелесе только девятнадцать миллионов машин, а людей в два-три раза больше, и тем не менее полно объявлений о том, что сдаются квартиры. I-ve (т.е. 2-комнатную) можно снять примерно за \$ 600 в месяц в среднем.

Но напишу сначала о самом главном. Великие чудеса великой Америки видны всем, но пользоваться ими и увидеть и взять еще больше, чем то, что видно всем, — может не каждый...

А развлечений масса, и все они дороги. Кинотеатр среднего разряда — один сеанс стоит около \$ 8 (если \$ впереди — это доллары, если ¢ или ¢ сзади — это центы). Только с деньгами можно жить в Америке. Здесь все упирается в деньги и держится только на деньгах, и проблема только в них, все остальное без проблем!

Но что очень интересно, это то, что эмигранты из России гораздо предприимчивей, чем американцы. Поэтому здесь никто не пропадает вконец. Американцы совершенно не привыкли думать сами. Им постоянно все объясняют, разжевывают и чуть ли не в рот кладут. Когда мы сели в самолет, так сразу стали показывать фильм(!), как застегивать ремни. На всех продуктовых упаковках куча надписей, что куда повернуть и что из этого получится. Короче, если американец попадет в ситуацию, где нет инструкции, он, наверное, пропадет. Бедолага! Но ведь все предусмотреть невозможно, а это и есть деньги и немалые. Здесь даже хлеб продают нарезанным...

Все-таки трудно привыкнуть к новому месту: а тут другая страна, другие порядки, язык, все другое... И никого рядом из друзей! Не с кем просто поговорить — это трудно!

Да! Когда будешь писать мне письмо — цифру 7 пиши без палочки, т.е. 7, а не 7, потому что иначе я могу не получить письмо, могут подумать, что семерка зачеркнута...

Ну все, R, заканчиваю. Спешу бросить в ящик, может быть, быстрее дойдет...

Целую тебя! Обнимаю и люблю!..

Твоя Анжела.

ЗАВТРАК ТУРИСТА

Анжела и R лазали по горам вместе. И долезали до отвесных скал. И долезали они до пещерки. И смотрели вдвоем, как люди муравьями копошатся внизу, вокруг разноцветных палаточек...

— солнышко мое... — сказала она R. И написали они там свои имена. Под псевдонимом. «Здесь были Анжела + R...» А слезть не смогли. И ходили с тех пор друг-ва другом. В одной связке. В одной сказке...

R прыгнул первым в снег. Ноги провалились. А туловище еще летело...

— О-о-о-о-о... — сказал искренно R. Но перелома не получилось. Хотя R почувствовал, что горы — это опасная штука...

А по утрам на завтрак R курит сигарету. Иногда американскую. Зато он любит свободу и независим, как конституция Соединенных Штатов — «у него конституция такая», — говорят о нем, когда он много курит и не толстеет...

А в Америке все свободные телки валютные. Теперь и Анжела свободна. И нет треугольника. Сигарет нет, и ничего не будет, и никогда. И все свободны. И только R знает цену этой свободе...

Каждый человек хочет сломать перегородки своего свободного одиночества, своей комнаты-камеры-одиночки. Ломают стену — а там: точно такая же камера. И в ней живет сосед. В четырех стенах ищет пятый угол. И тоже хочет сломать стены своей камеры-одиночки, ломает — а там: точно такая же камера. За ней третья, четвертая и так далее...

И в каждой из них — одинокий, словно R, человек тоже страдает и мучается от одиночества и неудовлетворенности жизнью. Он не хочет с этим примириться, но сделать что-либо не хочет, да и не может. От этого своего бессилия страдает еще больше. Может только ненавидеть, чем он и занимается. Лежит на диване и ненавидит. Потом где-нибудь напивается. В конце концов утром просыпается в своей одинокой железобетонной коробке. Опять — один, опять — в бардаке...

А летними вечерами — окна домов — раскрыты, словно книги — зажигают свои одиночества. Каждый по-своему...

А по утрам R курил сигарету. На завтрак...

ПИСЬМО III

Здравствуй, мой милый и любимый R!

Как я соскучилась по тебе. Как мне хочется все бросить и вернуться. Назад. К тебе...

Но ничего, каждому апельсину — свой чемодан, — думаю, все будет в порядке. Сегодня сдала документы на «ID» (ай-ди) — это удостоверение личности, т. к. паспорт, который мне дали в ОБИРе, здесь недействителен. «ID» — документ с фотографией и даже отпечатком (большого!) пальца... Там же и тоже сегодня я сдала документы на получение прав, но сегодня сдавать не пошла, т. к. тут есть кое в чем несоответствие с нашими правилами, да и сдавать придется на «Тойоте» или «Хонде», а я на них никогда не ездила и надо хотя бы узнать, где какая кнопка находится. Права называются Driver License — драйвер лиценс или просто лиценс...

В «джуйке» у нас есть своя ведущая, которая занимается делами нашей семьи в различных вопросах. Я часто смотрю на фотографию: где мы с тобой на кухне, так что ты всегда со мной! Скорей бы это было не только на фотографии, в мыслях и в сердце, но и в действительности...

... дядя Гриша миллионер. Его знают многие — и говорят, что звонить ему нет смысла: говорят, он все равно не будет разговаривать ни с кем, у кого меньше 5-6 миллионов долларов. Так говорят...

Ну что ж, R, заканчиваю свое письмо. Знай, что у меня все пока в порядке, кроме того, что я здесь, а ты — там. Очень скучаю. Очень люблю. Очень целую. Хоть ты далеко, но должен это почувствовать! Пиши обо всем. Пиши больше и чаще.
Твоя Анжела.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

...что оплывал — словно толстая восковая свеча — медленный ленивый август. Божественный, царственный август. На раскидистой орешине чирикали о чем-то своем вездесущие воробьи. Ветки старой орешины заглядывали прямо в окно. В комнате было прохладно, но несмотря на это — R то и дело ходил в душ. После холодного душа он, не вытираясь, ходил по комнате нагишом или в простыне, намоченной в воде. Капельки прозрачной воды стекали по мускулистому смуглому телу, словно росинки...

— что будешь пить? — спросил он у Анжелы, — водку, водку или водку?

— фу-у-у... — ответила она капризно, — я пить хочу. В такую жару разве можно пить такую гадость? В тени сорок пять градусов, в тебе — сорок пять и в водке — сорок. А сейчас все сложил, и что получится?

— люблю пьяных женщин, — R лениво потянулся за сигаретой, — они такие беззащитные и бестолковые. Трахай — не хочу...

— поэтому ты меня спаиваешь?..

— а ты догадливая...

— а-а-а-а...

— о-о-о-о...

- у-у-у-у...
- ы-ы-ы-ы...
- хорошо
-мне.....тоже.....
-скажи мне что-нибудь.....
-да-да-да-да.....

НОЧЬ СНА

Ночью ему приснился страшный сон — ему изменила жена. Об этом знали все — он (как всегда бывает в таких случаях) узнал об этом в самую последнюю очередь. Он спросил ее:

- это было?
- что было? — переспросила она.
- это было?!

Она тихо ответила:

- да...

Он схватил узбекский нож и стал наносить удары по телу, которое так безумно любил...

До этого она смеялась:

- почему ты такой маленький?
- мал золотник, да дорог, — так же смеясь, отвечал он...

Человек, с которым она ему изменяла вот уже несколько лет, — был высоким и стройным. И теперь она была беременна от него. Она носила в себе семя этого человека. И он бил ее узбекским ножом, словно хотел с корнем вырезать, уничтожить в ее теле завязь измены. С каждым ударом он чувствовал себя падающим в жуткую пустоту. Он держался за нож, словно это была спасительная ветка, которую в самый последний момент успел схватить...

Что может чувствовать человек, судорожно держась за отломанную сухую ветку и падая в бездну?..

Ящерица жизни выскользнула — оставив в его руке обрывок своего хвоста...

- а-а-а-а!!! — закричал он...

— что ты, мой маленький? — перепугавшись, стала будить его жена.

— Не называй меня маленьким! — заорал он, просыпаясь, еще не отдавая себе отчета: где сон, а где явь...

Все малейшие детали, тончайшие нюансы и штрихи его поведения словно сложились в одну цельную и четкую картину-сон-мозаику...

Многие ученые делают свои открытия во сне. Свое открытие он тоже сделал во сне...

— это было? Ты мне изменила? — спросил он. И по тому, как у нее дрогнули брови и опустились глаза, — все понял. Он схватил узбекский нож с арабской вязью — из желтого металлического чехла с разноцветными камешками — и стал наносить удары по телу, которое так безумно любил...

... утром, в половине пятого — он умер в реанимации — не приходя в сознание — на глазах рыдающей жены...

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

...что все будут счастливы. Каждый мазохист найдет своего садиста, каждый некрофил — свой труп, а R — свою судьбу... И все будут счастливы...

Судьба R — это Анжела, а на Анжеле, бронзовой от калифорнийского загара — полторы белоснежных тряпочки, а на ее счету — полтора миллиона долларов USA (если бы!)... А живет Анжела в Лос-Анжелесе...

Потому что, промазав, торпеда уходит в открытый океан. А белоснежный, как Анжелины трусики, океанский лайнер, по которому промазала торпеда, тоже уходит в открытый океан. И уходят они в разные стороны...

...сегодня январь.

С этого дня R идет по жизни тридцати-с-лишним-летним (уже) молодым (пока) человеком. Если пересчитать на валюту — один год за тысячу долларов USA — то будет тридцать с лишним тысяч долларов USA. А если прожить еще тысячу лет? Хорошая сумма, хорошие деньги. А жизни цены нет...

...под курткой за тридцать штук — мягкой коричневой кожи — у R шемило сердце. Какая разница сердцу, куда оно упаковано и в какую кожу? Хотя R иногда часто смеется, но чаще хочет уехать в Штаты. Жить жизнью гражданина, упакованного в кожаные корочки американского паспорта: I'am a foreigner. I'd like to book tickets for the Los Angeles... I have travellers' cheques and dollars...¹

— уеду, уеду, у-е-д-у...

И R замкнулся, он теперь всегда замыкался, когда вспоминал Анжелу... Он же не виноват, что его так замыкало, он, может быть, был бы и рад быть не замкнутым, но его все-таки замыкало...

Пора было идти, да, пора... пора, когда настанет та пора... Но было пора. И несмотря на это — как-то не хотелось идти, хотя бы сейчас, пока, потому что, если уйдет этот день — он уйдет и больше его не будет. А то, что было в этот день, — уже не повторится — потому что каждый день занимает свое место и не может заменить его другой...

Да-а-а...

Девушка, которую R называет Анжелой — курила сигарету «КЕНТ...— ОН» она прикрывала указательным пальцем. Она вообще любила слово «ОН» и сигареты «ДАНХИЛ», но однажды она курнула французские «ЖОЗЕ» — и «ЖОЗЕ» ей понравился, но больше не попадался...

¹ Я иностранец. Я хочу заказать билеты в Лос-Анжелес... У меня дорожные чеки и доллары... (англ.).

— R, давай с тобой курить «Гавану». Это же противозачаточное средство. Две затяжки — гарантия на десять лет...

— ???

— продирает... до колготок...

— поэтому они у тебя все с дырками?

— хотя бы одни подарил...

— для этого, Анжела, мне потребуется брать банк...

— возьми банк...

— нет, тогда лучше Яшу. Наденем твои черные колготки — ты правый чулок на голову, а я — левый. Придем плечо к плечу к Яше — как два Фантомаса, наставим на него пистолеты и во все остальные колготки соберем бабки...

— не пойдет. Яша узнает...

— ???

— по дыркам...

Да-а-а...

Сигарет нет, и ничего не будет, и никогда. У R домашний «кондишн-корпорейшн» — сквозняк. А жизнь его удлиняется — и в стихотворение не влазит. Требуется роман. С красивой девушкой. Семитского типа. С нерусским именем Анжела. Похожей на чертенка. И, вообще, не девушкой — а молодой женщиной, имеющей мужа Яшу... Яша — не роскошь, а средство передвижения.

...женщина прекрасна. Мужчина прекрасен. Союз их прекрасен. Друзья мои, прекрасен наш союз... Мир, дружба, жвачка. Советский Союз...

Союз не рушили — рис, бублик свободно... Остальное — по талонам. Теперь и рис по талонам. Остался один бублик. И алкогольные радости...

И R нажрался — как свинья.

ПИСЬМО IV

...у меня пухнут мозги, что бы написать тебе нового. Очень часто перебираю фотографии, которые привезла с собой, — иногда слезы текут сами собой — здесь ведь все по-другому! Все не то, что было там, и иногда кажется, что там было лучше. Но, наверное, это только кажется, ведь переломить себя трудно и изменить привычки тоже трудно. Самое обидное, что наша с тобой теория: «День работать... два работать...» — оказалась здесь неправильной, и сто долларов в день здесь заработать очень сложно. Вернее, люди получают и больше, но отдают столько, что остается совсем, совсем не густо. Никто не пишет про Америку всего — только хорошее, хотя и плохого здесь хоть отбавляй. Здесь все очень и очень красиво, дефицита никакого (только в деньгах), машины — вещь! Сервис — высший уровень! Услуги — какие хочешь! Купить можно все, что хочешь! Все! Только плати деньги.

Кстати, фрукты и овощи здесь по вкусу и качеству на-мно-о-ого хуже ташкентских! Можно, правда, заказать, и привезут прямо с Алайского¹ (без шуток!), но это будет стоить!!

Над Лос-Анжелесом постоянно сильнейший смог из-за машин, и у многих появляется хронический кашель, так что приходится все время пшикать специальной фигней в горло! Круглый год лето, но... рядом океан и очень часто сильный ветер, поэтому тебе потребуются теплые свитера...

Люди здесь очень странные — приветливые и в то же время необщительные! Здесь нет общих дворов, как было у моей мамы, и даже как у нас — тоже нет. Американская экономика здорово падает, т. к. основной рынок держит Япония (по машинам, в частности, и гостиницам), а также Корея и Китай (по обуви и одежде). По огромному количеству причин появляется огромное количество безработных, но еще больше бездельников. Это здорово чувствуется по тому, как уменьшаются зарплаты и растут цены. Пройдет еще несколько лет, и Япония догонит и перегонит Америку по всем показателям. Интересно, кого они будут грабить после Америки? Но ведь здесь капитализм, за власть почти никто не борется, уже сейчас думают, что сделать, чтобы поправить положение, — можно не сомневаться, выход найдут. В крайнем случае, этот выход купят — у тех же японцев... Ну да ладно, что хорошо здесь и что плохо, все равно не опишешь — приедешь, сам будешь разбираться. Что хуже всего, так это то, что здесь говорят не по-русски! И приходится учить английский...

Зависть берет, когда видишь домики миллионеров в Беверли-Хиллз, лимузины возле одного из крупнейших банков; когда проезжаешь по улице, где расположены дорогие магазины самых знаменитых фирм мира! Сильнейшее искушение зайти туда! И не просто зайти, как любопытный бедняк, а как человек, способный себе позволить...

Да, забыла написать о самом плохом здесь — это огромное количество больных СПИДом! Говорят, где-то каждая третья женщина заражена! СПИД, как утверждают, передается не только половым путем, но и через слюну и поцелуй, и даже просто через немытые руки! Короче, заразы полно!.. Это будет мне, R, для успокоения, что здесь ты мне не будешь изменять! Вот такие пироги!

R, мой милый, я тебя люблю! Я в каждом письме пишу тебе об этом, но даже все они вместе не способны выразить тебе, насколько ты мне дорогой человек! Наберись терпения! Дай бог терпения мне, и мы будем как можно скорее вместе. Жаль, что у меня нет еще здесь фотографий, но ничего —

¹ Знаменитый ташкентский базар.

посмотри на старые, я еще такая же. И по-прежнему и даже сильнее люблю, целую и скучаю!

Только твоя Анжела. 10.12.91 г.

НОЧЬ ДНЯ РОЖДЕНИЯ

R был у Анжелы на дне рождения. Все были уже упитые. И вдруг пришел Михасик Бударин. А R его увидел с балкона и радостно возопил:

— Ура! Бухасик Мударин пришел!

И настолько за ним, бедолагой, это увязалось, что даже родная мама стала называть его Бухасиком...

Кто спал, а кто не спал. R смотрел на спящего соседа. R был не совсем трезв, зато спящий сосед был очень пьян — напился до чертиков, потому что по его спящему телу бегали маленькие чертики — R смотрел и дивился — как можно упиться до такого состояния...

... а сосед был толстый и рыжий. Брат Яши. Из его ушей росли курчавые золотистые волосы, и из носа. На груди у него была золотая крупная плетеная цепь. Златая цепь на дубе том... На груди утеса-великана ночевала цепка золотая. Грудь покрыта курчавыми рыжими, белыми, золотистыми волосами — в волосах покоилась рыжая цепь... Соседа звали Фимкой. R смотрел на спящего соседа. Чем заполнил свои зрачки, горящие изнутри огнем, долготерпеливый R? Да-а-а...

А Фимка со своей женой развелся, а Яша сказал своей жене Анжеле, что она только наполовину еврейка, а Анжела ответила:

— да. Это моя лучшая половина...

И Яша с ней не развелся...

А R был близко знаком с Анжелой, а с женой Фимы знаком не был. А сейчас Фима был разведен, и R не был знаком с ним до сих пор — познакомились на дне рождения. Фима оказался соседом по столу. Все выпили, и они познакомились, и разговорились за жизнь. Короче, анекдот не получается, а получается роман...

— я полагаю так, что вы, R, пописываете стихи?

— да, пописываю. А что такое?

— нет, я просто имел в виду, что если б вы полгода назад поближе познакомились с моей женой. Нет, мы сейчас развелись. Но если б полгода назад вы поближе познакомились с моей женой — вы бы, наверное, смогли бы дать ей какой-нибудь толчок. Она тоже пописывала стихи. А вы смогли бы дать ей какой-нибудь толчок — и она смогла бы пойти в гору...

— Фима, она у тебя не туристка?

— нет, я просто имел в виду, что если бы вы полгода назад поближе познакомились с моей женой — вы бы могли дать ей толчок, и она могла бы пойти в гору...

— а, значит, она у тебя альпинистка!

— не-е-ет! Я просто имел в виду, что если бы вы полгода назад...

Но тут R поднял тост:

— давайте выпьем за этот дом, в стены которого вмонтированы микрофоны...

Все чокнулись, выпили и закусили. Анжела запела:

— о розмарин, о Мери...

— пей, пей, — сказал ей R, — значит, сначала пей, а потом пой... Птичка-Анжелочка...

— я не птичка, я проблядь...

— ???

— R, ты же сам говорил, помнишь?

— ты не проблядь, ты — стерлядь...

— по совместительству...

...ление:

Красная рыба, священный Байкал...

Чокаются. Пьют. Говорят. Только потом Анжела уедет. Пить шампанское и кушать икру. А икра должна быть красная. Нет, черная. Но в первую очередь она должна быть баклажанная...

Морда тоже должна быть красной. Что лучше — красная морда и баклажанная икра или красная икра и баклажанная морда?

А путанки негров зовут «баклажанами». А они только и видят, что баклажаны, что бананы, что ананас...

...ление:

Ах, как приятно нагружаться под крышей дома своего...

— Анжела, не кощунствуй. Я тоже художник, — сказал R, — но есть же предел всему... Художническим исканиям. Я вот вижу изгиб твоего плеча — и я его понимаю так, да, как ты сама его не понимаешь, Анжелочка... И никогда не поймешь...

— ты художник. Тебе со стороны виднее. R — себя ты тоже не видишь. У тебя на усах капуста висит...

— если бы хоть одна женщина была настолько гениальна, чтобы она была похожа на свое тело. Хотя бы просто соответствовала своему телу. Ан нет... Смотришь — такие губы, что просто думаешь — это чудо. А она сама не знает, что это чудо...

Все опять чокнулись, выпили, закусили, запели:

Скажите мне, скажите мне —
почем водка на Сагане...

Заговорили:

— пятый, пятый, — я четвертый, здесь шестой научным онанизмом занимается...

— четвертый, не позируй перед микрофоном...

— Сагбан-тандыр! Соседзе звонидзе...

— а, это Бухасик Мударин пришел. И Мударину с собой принес...

Пьяный Феликс Хармацевт прочитал свои стихи прямо в тарелку с каким-то салатом:

Замкнутый кривой
Треснутый маршрут
Всякой головой
Постигаешь тут.
Вылетит стекло,
Лысина сверкнет.
Время залегло —
Прямо в огород...

— ах, ты моя маленькая птичка...

— а ты моя больша-а-а-я...

— Нин, а Нин, я все понимаю, что я такой, только не оскорбляй меня, ради бога... Совместная жизнь тяжелая, но оскорблять меня зачем? А она мне:

— я тебя, Мударин, не оскорбляю, я тебя не оскорбляю — я на самом деле так считаю...

— при коммунизме будем играть открытым прикупом...

— ты это оставь для своих котомков...

— Кому(нисту!) на Руси жить хорошо?

— КАМЮнист... ический коньяк...

Все опять чокнулись, выпили, закусили, запели:

А меня в моей нирване, о-о-ох, не понимают,
на Сагбане, на Сагбане — водку продавают...

...R подарил Анжеле на день рождения двухтомник Набокова со своим автографом: «На деревянную свадьбу...»

Первый том он надписал Яше, а второй — Анжеле. Анжела сказала:

— а когда мы разведемся, что? Он заберет оба тома?

А R ответил:

— а вы уже развелись, развелось вас — трое уже... Развод по-итальянски. Итальянцы детей по двенадцать штук имеют. Они — католики, а у католиков аборт запрещен — папа не разрешает — и они детей уже на штуки считают...

— а татары? — спросила его Анжела.

— а что ты против татар имеешь? — обозлился R, — это хорошая нация.

— ты прав. А кто прав — того не повесят...

— а повысят...

— вон, смотри! Пьяный Бухасик — не снимая очков — упал и встал...

— не связывай очки с очками...

— ты своровал — есть концы с концами...

— не связывай концы с очками? Или очки с концами?

Все опять чокнулись, выпили, закусили...

ПИСЬМО V

R, здравствуй!

...изменений в жизни моей пока нет, но надеюсь, что скоро будут в лучшую сторону; а сторона здесь только одна — материальная. Моральная сторона зависит только от твоего присутствия. Через месяц мы можем встать на Велфер, и я буду иметь право взять ЛОН на машину (т. е. в долг с последующей выплатой) у специальной организации...

Учи язык, не обязательно сложную грамматику — хотя бы словарный запас. Это как в шахматах, если есть фигуры, то научиться их правильно расставлять и ходить ими — можно, а без них не научишься ни расставлять, ни играть...

Сижу и пишу тебе все, что на ум влезет, так что письмо, может быть, немного странное и не связанное смыслом — то да се, от одного к другому. Как за чашкой чая... Минуточку! Мне звонят... Нет, не мне, ошиблись номером...

А вчера тринадцатый канал телевидения решил приколоться — показал художественный фильм, который начался в час дня и кончился в 10-30 вечера! Причем, все это была одна серия, и фильм с каждым часом становился интереснее и интереснее. Представляешь — девять с половиной часов непрерывающаяся одна серия с короткими перерывами на рекламу (2—3 минуты) через каждые 15—20 минут. Фильм о том, как инопланетяне вторглись на Землю, чтобы забрать всю воду, но, конечно, не получилось...

...я сплю на матрасе на полу — так гораздо удобнее, да и матрасы здесь здоровые — пол-Америки так спит!...

Твоя А. 2.02.92 г.

ПОТОМУ ЧТО...

...потом по «Маяку» передали сигналы точного времени. В Баграме свистел соловей-афганец. С Ближнего Востока вырвался сирокко. Промчался тайфун с красивым женским именем над Японией, затопив острова из мусора.

— а что делают в Японии с арбузными корками?

— ???

— выкидывают...

Запад гонял свои беспечные мелодии. А R и Анжела любил друг друга... R считал, что...

...опасения за нравственность жены ближнего — всегда несколько преувеличены. И в то же время как можно много успеть незаметно от Яши — если Яша занимается бизнесом. Вразумить свою жену еще не удавалось ни одному бизнесмену. Женщину купить за бабки нельзя... Так думал R.

Вначале ему только нравилось, что она — жена другого...R имел ее — ничего не имея. И ей это нравилось. Разве поймешь женщин? Один ее одевает, а другой — раздевает, разоружает всеоружие ее белоснежного нижнего белья...

...только потом R понял, что жить без нее просто не может...

...когда R служил в Красной армии — в роте у них был рыжий женатый солдатик, прослуживший к тому времени уже полтора года. Через полтора года, которые они не виделись, — жена написала:

«Мой милый, прости. Я родила сына. Прости меня, если сможешь. Но если бы ты знал, какой это ребеночек — он так похож на тебя!..»

Вся рота ржала над рыжим, который так и не смог простить. Ночью он повесился.

Той же ночью R проснулся от холода. Посмотрел на «Командирские» часы — светящийся в темноте циферблат показывал: «3.42 минуты. 2 сентября». Погода словно действовала строго по календарю. Осень — так осень. Значит, должно быть холодно. Он накинул шинель и закурил сигарету. Пока курил одну сигарету — хлопнул на себе двух комаров...

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

... что R знал, что Козьма Прутков был прав, сказав:
— если хочешь быть счастливым, будь им!

И R был. И R есть. И R будет быть. Во всяком случае, в литературу эРа ввел Козьма Прутков. Это была великая личность, которая с жадностью поглощала буквально все..

И R шел по литературе, как по асфальту. Свободной, раскованной походкой. Спина прямая — как тростник и бамбук. Тело литое — поет и звенит — словно литавры. Сам чистенький, свеженький. Девочки красивые вокруг. Улыбаются многозначительно и дарят многообещающие стихи и взгляды.

Не обещайте деве юной —
Любови вечной на земле...

...а на Пляс-Пигаль светится рождественская елочка, но и она не радует безработных, бездомных парижан...

В Париже тоже негры живут. И ходят под рождественским снегом в белых рубашках. И улыбаются белыми зубами.... А за неимением ночлега спят в борделях с белыми женщинами. С проститутками, которые пользуются бидэ...

Не покидай меня без нужды,
Когда сию я по нужде..
Не покидай меня, как Рушди,
Не покидай меня в бидэ...

Пляс-Пигаль... А как звучит!

Площадь — рус.

Пляс — фр.

Майдан — укр.

Майдон — узб.

Майдон имени Ленина. Марказий хиебон Октябрьской революции. Пляс-Пигаль имени Крупской...

А еще пляс — русское слово, так и хочется пуститься по-русски в пляс, когда очутишься на французской Пляс... Пигаль — как русская пигалица, как Эдит Пиаф...

— пиф-паф...

— Р, где ты научился так хорошо стрелять?

— по самоучителю... Надо помнить, что на курок надо плавно-плавно на-жи-мать... Тогда смерть будет кровавой и красивой. Потому что лучше умереть и быть спокойным, чем жить и волноваться...

— бай-бай...

ПИСЬМО VI

... снова пишу письмо, но уже не знаю — получишь ли ты его. Вновь прибывшие говорят, что в Одессе и Киеве письма из США и Израиля просто валяются по городу на улицах...

Сейчас без двадцати 12 ночи; только полчаса назад мы с Яшей пригнали к нам нашу тачку. Теперь мы на колесах (почти). Деньги нам одолжил Саша, но не все — часть дал дед с новой пенсии. Почти на колесах, потому что машину надо оформить и взять на иншуренс (т. е. застраховать — без этого ездить нельзя). Потом я на этой машине буду сдавать экзамен...

Теперь немного о машине. Это OLDSMOBIL-KIRESE 1984 года; 4-цилиндровый и 4-дверный, цвета «кофе и немного молока». Короче, мне нравится. Прошла около 90.000 миль (1 миля — 1.800 метров), так что это совсем не плохо. Взяли ее за 1.350 долларов — это чистое везение (надеюсь!), потому что такие машины стоят 2.200 и выше. Машина в хорошем состоянии (во всяком случае пока)... Автоматическое переключение скоростей, т. е. сцепления нет — всего две педали — газ и тормоз (троллейбус в натуре)... Сама по размерам не большая, но и не маленькая тоже. Машина американская — без картона — на случай аварии! В салоне работающее (!) радио и магнитофон с автореверсом (но еще не известно, работает ли он... но это ерунда — починим, если что). Ну и так далее — куча удобств: автоматические подъем

и опускание стекол, автоматическое закрывание всех дверей, авторегулировка кресел, регулирующий руль (хочешь — поднял, хочешь — опустил и т. д.), кондишн с печкой. Правда, холодильника и бара нет, но за \$ 1.350 и это много...

В последние два дня здесь была катастрофа — шел дождь, довольно сильный — по всем каналам TV показывали репортажи по этому поводу... Представь себе, что было бы, если бы пошел снег!.. Ну да это ладно...

Надеюсь, что мы скоро будем вместе, и чем скорее, тем лучше... Хотя ты знаешь, что жить мы будем хорошо далеко не сразу, но вместе все легче! А может быть, повезет все-таки хоть раз по-настоящему?! Ты же, эрик, фартовый...

Сегодня носила в колледж наши с тобой фотографии — хвастаться!!! Ты всем очень понравился, мне — особенно!

...ну все, пока! Пиши! 1000 раз целую — только не нервничай!!!

Твоя А.
7.02.92 г.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

...что БЫЛО написано на дверях Еврейского центра? На них было написано: «ЕВРЕЙСКИЙ ЦЕНТР»... А знаете ли вы, что НЕ БЫЛО написано на дверях Еврейского центра? На них не было написано «ТАТАРСКИЙ ЦЕНТР», потому что когда R пошел в Татарский центр, то перепутал дни — и вместо Татарского центра попал в Еврейский... Там R увидел много красивых еврейских женщин. Самая красивая была Анжела...

оставь одежду — в секс сюда входящий... В сек. В сюда. В туда. Тудей-судей...

...ворона трахалась во все воронье горло! Сыр выпал R... А бесплатный сыр бывает только в мышеловке...

Анжела была в мини-юбке, настолько мини, что задрать ее было — как догадался R — намного сложнее, чем иную макси. К тому же она ходила, покачивая бедрами, как обычно делают женщины, у которых эти бедра есть. И которые об этом знают...

Все это вместе очень понравилось R, и домой уже они пошли вместе — им было по пути. По дороге разговорились о поэзии, — о чем еще можно говорить с такой женщиной, — и Анжела прочла R несколько строк:

Я тебя бубу в губу,
Ты меня бубу в губу.

Я так больше не могу —
Я хочу бубу в бубу...

Стихи R очень понравились, но еще больше ему понравилась сама Анжела.

— откуда, девушка, вы знаете таких прекрасных стихов? — вежливо поинтересовался R.

— кажется, из «Студенческого меридиана», — беспечно ответила Анжела, даже не подозревая, что...

— R, когда ты станешь серьезнее. Если ты хочешь чего-нибудь добиться — надо все планировать.

— Анжелочка, я запланировал стать богатым, как Говард Хьюз, осталось только добиться...

— R, у тебя такая годовалая щетина, почему ты не побрился?

— чтобы знать, как долго мы с тобой не виделись...

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ...

...что в любое время R может поехать в горы. Один. На три дня. Три тушенки, три буханки хлеба, три холста и краски. И можно ломиться в горы. Это же просто чудо. Даже Рерих не мог написать эти горы, где были Анжела и R. И как можно их описать? «Горы были прекрасны»? Или — «я люблю эти горы»? И все. Что ни в сказке сказать, ни пером описать...

Желтый глубокий-глубокий цвет. Мощный, красивый, налитой желтый цвет. Даже если ты любишь красный цвет — здесь такой желтый, который помогает жить. Желтый цвет разлуки. Без примеси охры. Чистый желтый цвет выгоревшей горы. А линия горы тонкая, напряженная. Как изгиб Анжелиного колена. Икры. Бедр. Какая красота, какая сила заложена в этом изгибе! Какой цвет!.. И рядом Анжела. Была...

Анжела уехала. Надо мазать холсты. Мазать надо. А что делать?.. Горы остались. Если гора не идет, то и R не идет к горе...

«Лучше гор могут быть только горы», — пела Анжела.

А судья кто? Судья — сама жизнь... Как китайская болванка. Наша жизнь — часы. Страшные часы. Постоянное кивание маятника. Лысое кивание. Голое кивание: хорошо-плохо, хорошо-плохо... Сейчас плохо, очень плохо. Когда будет хорошо? Где будет хорошо? Где нас нет — говорит жизнь. Мы есть и нас нет. Друг для друга...

... Анжела уехала. Через несколько дней после отъезда — в ее доме мужика скидывают с крыши. Это реально. Реально приходят к мужику. Он ломится на крышу, оставляет свою жену. Можно сказать — подкладывает. А им жена не нужна. Они поднимаются на крышу. Фить... И уходят. И все. Они просто подошли, подвинули чуть-чуть... Это было даже не убийство. Он просто полетел...

... он летит в такой напоенный вечерний мед. Он в клевер летит, он летит в цветы, в розы. Он летит в райхон вниз головой. Красиво летит. Прекрасно летит. И в это же время какие-то люди стоят на стадионе, смотрят на это все..

И R услышал об этом и догадался, что это был он. Что это его жена вышла на звонок и сказала, что мужа нет дома. А он тем временем через шахту вылез на крышу четырехэтажного блочного чиланзарского дома. А пришедшие за ним напоминали культуристов. Горы мышц и бицепсов, запакованных в фирменные джинсы, кроссовки и черные майки «CHANEL». Золотисто-желтый цвет вышитых машиной букв...

И это поэтичное — как запах «Шанели» — убийство.

И R просыпался каждое утро. И забывал даты и имена. И вспоминал, что это его столкнули насмерть с крыши четырехэтажного дома...

И писал письма Анжеле. И не отправлял их. И буквы казались ему разноцветными — хотя писал он синей пастой. «П» была черной, «Д» — коричневой, а «А» была белой-белой. Липучей белизны, которая не пачкается...

А слова из разноцветных букв были печальными...

Август 1991 — 1992 гг.

*Гонорар за публикацию автор перечисляет
в Фонд «Звезды Востока».*

ПРИКОСНУТЬСЯ К ВЕЧНОСТИ

Дружные хвалы стабильной обстановке в Казахстане будят во мне несколько странную реакцию: чувство досады. Естественно, не сама стабильность порождает это чувство, но сожаление, что никак не хватает нам нашей фантазии на что-нибудь позаманчивее, чем эта стабильность да мечты об изобилии. Невольно возникает в уме образ неких круглых сирот от рождения, коим в жизни так и не блеснуло ничего получше радости от чужих малопоношенных ботинок.

Конечно, на багряно полыхающем фоне в «нестабильных» регионах бывшего СССР добротный здравый смысл и прагматизм казахов смотрится куда как хорошо. Но тут-то и подстерегает раздражающий вопрос: что дальше? С неизбежностью настает момент, когда надо решать, какие замечательные сады должны подняться на этой стабильной почве, и все сильнее любопытство: чем это общество живо и во имя чего стремится к благополучию? Стоит, наверное, напомнить, что и свобода, и равенство, и благополучие — не более чем ступени к идеалу, тогда как сам идеал составляют некие духовные ценности. Духовные — значит, не материальные и даже не общественные, — очень личные ценности, осуществимые в любых обстоятельствах, хотя бы в масштабах одной личности, отдельной судьбы. Нет, разумеется, не в достижимости кроется вся прелесть идеала — в простом факте, что он есть.

Собака, коль пару раз съела не ту котлету, теряет, оказывается, безвозвратно породу; но как же уязвима, хрупка должна быть тогда человеческая душа, и как много ей требуется, чтобы состояться. И здесь уже не обойтись чистым, ясным светом интеллекта да демонстрацией эстетических увлечений, что принято почему-то у нас путать с духовностью.

Было бы смешно обольщаться относительно пользы от по-

добных проповедей и уж тем более ждать от них практического результата. Ведь нами сегодня владеет психология нищенства и лишения, когда все второстепенное человек от себя отсекает, предельно группируясь в неимоверном усилии выжить. Бедный изгнанник Лир, который долгие годы был, как известно, королем, сумел превосходно выразить, что оцелевывает в нас при такого рода образе жизни: «Сведи к необходимым всю жизнь, и человек сравняется с животным». Но личность характеризует известная ненасытность и нужда в сущих, на чей-то взгляд, пустяках. Бесконечно значимых мелочей должно быть как можно больше, и это поможет развить мудрость сердца, знающего им истинную цену. Та же коммерция, уверена, только бы выиграла, если бы кончилась поскорей пора скоробогатых молодчиков, торгующих чем придется с неприличной резвостью дорвавшихся босяков, и появился бизнесмен с воображением и с размахом. Впрочем, к делу. Должно быть, уже ясно из отменно длинного зачина мое стремление оправдаться за несолидность темы — о роли в нашей жизни разных праздников, обрядов, традиций, всяких, знаете ли, милых эфемерностей, позволяющих на миг вынырнуть из прозы первобытного бытия-борьбы в круг бытия-творчества. Легкомысленно звучащая сегодня тема? Но как знать, за тонкую эту нить, быть может, удастся вытянуть и рыбу покрупнее.

Прибалты, которым мы не можем простить непонятной для нас неприступной сдержанности, надменной сухости даже, проявляют при ближайшем рассмотрении свой неброский романтизм, а иногда, когда уж очень прижмет, даже позволяют явные выбросы его. Все помнят, может, живую цепь, протянувшуюся через три балтийские республики года два-три тому назад, когда в очередной раз отстаивали что-то свое. Ладно, не станем говорить «не побоялись» — они в ту пору уже ничего не боялись. Я другому дивилась про себя: не поленились. В назначенный день и час выйти из домов, собраться вместе и взяться за руки — прекрасный патетический жест, и сколько пылкости и душевного жара — в пересчете на всем известную их чопорность.

Но не менее впечатляет и другой, более скромный пример, описанный некогда Июном Друцэ. В поездке по Латвии Друцэ посетил домик двух братьев-поэтов. Во дворе дома стоял камень, отметивший место, где упал, умирая, один из братьев. Нужна, согласитесь, подлинная глубина и сила признательности и редкостное умение чувствовать, чтобы подобный памятник мог появиться. Можно после этого что угодно говорить о черствости и отсутствии широты у прибалтов — это ничего не изменит в упрямом факте, что они — поэты, коль ведома им власть порыва и власть красоты и сокровенный смысл жеста. Нами, по существу, так и не понята магическая подоплека красивого ритуала, широкого жеста, живой памяти, ибо мир, где мы выросли, был лишен тайн. Таинства не сопровождали нас с младых ногтей и так и не обрели законности и прав реально-

сти над нами. Они не были единым целым с этой землей и с судьбой народа, живущего на этой земле — оттого остались сами по себе, в умозрительной сфере интеллекта. Я позволю себе привести длинную цитату из Флоренского: «Пространство есть, ибо есть культ, ибо в нем есть некоторое расчленение разумностью, некоторая причастность его к миру идеальному, но разумное и идеальное во плоти дается только культом. Пространство есть, ибо есть культ. Также и время. Мы живем в ритме праздников. Мы считаем дни: столько-то от Воскресения, столько-то до следующего. Время и пространство, производные от культа, но не наоборот. Мир в культе, но не культ в мире». А что есть такое учение Конфуция? Новых истин он не проповедовал, напротив, настаивал на неразрушении ритуала, ибо древние китайцы чтили ритуал, веря глубоко, что мир в порядке содержится и в движение приходит благодаря ему. Между человеком и тонким миром духовности должна быть установлена налаженная и отработанная связь. Мы сами, своим жертвенным служением, должны, так сказать, этот мир материализовывать. И раньше это было обыкновением у всех народов.

Всем сердцем усвоить, уяснить даже и чисто практическую выгоду поклонения красоте и знания истинной значимости эфемерного, бесполезного, пустяка, с точки зрения тех, кто обо всем на свете судит как рационалист... Но что-либо открыть для себя по-настоящему возможно лишь посредством собственного участия и действительного приобщения к нему. Как, однако, поверить, что всем на свете управляет принцип гармонии, и как постичь суть традиций, столько прожив в одноразовом мире, где чтят сиюминутную выгоду и удобство? Но вот же: мы любим тех, кому делаем добро, писал Толстой. И когда во имя человека либо идеи приносим мы свои жертвы, начинаем лучше постигать и чувствовать то, что любим. Воистину, жертвы во имя любви что-то такое с нами сотворяют, но от них мы отвыкли. Не обязательно надсадные жертвы — просто задуматься, дать себе прочувствовать что-то, ибо труд душевный — тоже жертва. В Наурыз¹ самому посадить дерево, внося в праздник обновления свою лепту и акцент сделав для себя на том, что это именно праздник б ы т и с т в е н н ы й. Запланированная же государством посадочная акция с привлечением бригады озеленителей, розыгрыш лотереи и плов от учреждений — отсюда таинство изъято, вынута душа. Это прежний наш возлюбленный официоз, забыть который нам пока не дано. Всю нашу горестную нищету мне дали остро прочувствовать два случая. Как-то вечером; проезжая близ Никольской церкви, я увидела огонек свечи, которую бережно несла в газетном кульке старушка. Еще не успев подивиться неожиданной прелести, я обнаружила целую вереницу свечей в кульках и банках и несущих их старух и вспомнила: это Пасха. Прозрачность

¹ Навруз.

апрельского вечера как-то хорошо сочеталась с испуганным трепетаньем огоньков и с почти детским довольством на увядших, сморщенных лицах. Ах, что это был за прекрасный, абсолютно грошовый праздник! Он имел душу и умел греть душу. И мое завистливое сердце засвербило.

Другой случай пришелся на 17 декабря 1991 года — на день Независимости Казахстана и день всенародной Памяти о первом национальном выступлении казахов. Понять, конечно, несложно, что к независимости мы еще не пригляделись, и дождь моросил к тому же с утра. Но вот день Памяти... Прийти на площадь, воткнуть цветочек в решетку у мемориальной доски — сейчас, по прошествии пяти лет, это, наверное, не более чем жест, быть может, даже претенциозный. Пять лет, заливаемых рекami крови, и своей и чужой, пять лет грандиозных встрясок, скромно поименованных перестройкой, — все-таки, это немало. И потом, те, кто тогда, в страшные для нас декабрьские дни, собирался на площади и был потерпевшей стороной, к алма-атинцам в массе своей не относились. И все-таки жаль чего-то... Думается, у человека должна быть и способность и потребность эта — не уступать забвению, суете свою единственную жизнь. И хорошо еще, когда есть привычка ее постоянно осмысливать. Гибель сотен молодых людей, из небытия заново воскресшая идея достоинства нации и тот колоссальный шок, что мы все получили, а уже от нас он пошел дальше — что еще, сравнимое по величественности и значению для истории, переживал за последние годы Казахстан? К событиям этим можно относиться как угодно, здесь даже и национальность особого значения не имеет. Их можно совсем близко к сердцу не принимать — но даже и холодным умом нельзя не отдать должного их грандиозности и не признать, что, несомненно, они заслуживают, чтобы их почтили. Почувствовать трепет перед величием — естественное, казалось бы, для всякой души побуждение... Необъятная площадь, и в углу ее скромная горстка людей, слушавших речи, чей пафос не слишком соответствовал духу собрания, — это сказало ясней ясного, что по-прежнему мы живем и чувствуем как сквозь сон, невнятно, смутно, умея поймать, в лучшем случае, одну лишь мелодию, но не объемля жизни во всей полноте ее смысла и звучания. Ибо мы служить ничему не научены. В душевном нашем багаже такого опыта еще нет. Все же, что народом наживалось некогда веками, весь его духовный опыт, собственные ценности, какая-то своя колея, — все это исчезло во мгновение после коллективизации, очутилось за скобками нового уклада и нового мышления, и пошла дальше жизнь с нуля, с чистого листа, не дававшая опомниться, задуматься, и мы, бывшие кочевники, сейчас, по существу, младенцы, чей день начался лишь вчера, и, подобно младенцам, мы солнечно беззаботны и всему доступны, распахнуты. Открытостью своей всем веяниям и влияниям мы гордимся как доказательством собственной широты.

Арабы той поры, что красноречиво зовется мусульманским

Ренессансом, являли сходную бесстрашную открытость любимым культурам, знаниям и новшествам. С одним, правда, существенным «но». Еще когда пребывали они невежественными кочевниками, была у них великолепная уверенность, что главная истина у них уже есть, истина, которая ставит их над всеми, — это учение Мухаммада. И любая чужая премудрость должна только обогордиться, попав в свет их истинной веры. В каких землях только они не побывали и чему только не учились жадно и радостно, ибо к знанию их призывало слово Корана, — умудрившись при этом не просто остаться собою, но наложив собственный неповторимый и глубокий отпечаток на всю эпоху, на знания и культуры, с которыми соприкоснулись, переплавив их в целостный космос мусульманского менталитета.

А вот сумеем ли мы назвать свое неделимое ядро при общей прикованности нашей к практическим нуждам и лишь слабом подобии интереса к тому, что же будет возвышаться над тем базисом, который мы постоянно и старательно возводим? Однако век НТР уже на исходе, и мы неотвратно вступаем в другое время, когда именно гуманистические эфемерности, хочется верить, будут задавать тон и править бал. И у Казахстана сегодня поистине уникальная возможность распорядиться своей стабильностью с умом, без спешки и лихорадки разобратся, за каким берегам его влечет. И если предложенная вашему вниманию статья начата с рассуждений в пользу ритуала и традиций, то объясняется это тем, что на них лежит весьма ответственная функция скреп, удерживающих мир от хаоса, от сползания к диктату простейших удобств, который в конечном итоге ведет мир к гибели. Как ни одиозно сегодня это звучит, а западный стиль мышления и жизни, признающий лишь примат удобства, успешно потрудился над разрушением естественного порядка вещей и нашего представления о нем. Союз науки, техники и комфорта сыграл злую шутку с нами, и катастрофа с экологией здесь только видимое побочное следствие — всего страшнее взорванные устои. И прежде всего устои веры. Ее оказалось возможным упростить, облегчить, приладить под наши изменчивые запросы, указать ей на ее скромное место в социально-экономическом царстве человека разумного. Все дальнейшее пошло куда легче — споро, играючи, пританцовывая. В обиходе не осталось больше ничего вечного. Спросите любого: зачем вера, и наверняка получите ответ, что вера делает нас более нравственными и что она часть нашей культуры. В этом перевертыше масса никем не оцененного остроумия: знание о бессмертии души служит земным, утилитарным целям, удачно дополняя деятельность родной милиции, очевидно, на началах народной дружины либо товарищеского суда. Прежде была, правда, принята несколько иная точка зрения — что наша жизнь лишь подготовка к истинному рождению. Многие важные категории, понятия делаются все невесомее, облегченнее, необременительнее, а то и пропадают совсем. Триада: вера — надежда — любовь лишилась третьего компо-

нента, наиглавнейшего, заключавшего идею бескорыстного служения высшему началу. Искусство в наших глазах заслуживает наших жертв; духовное начало, очевидно, еще должно доказывать обоснованность аналогичных претензий. Какого человека мы почитаем более всего? Уверена, ответ будет зачастую однозначен: творца. Одаренности сразу приписываются и все прочие мыслимые совершенства. И к чему бы тогда нужен оказался весь мучительный процесс становления личности, если бы все решалось удачной комбинацией генов? Стоило бы утруждать свою душу, если можно обойтись неким интеллектуальным усилием, что гораздо дешевле? В буддизме на сей счет принято мнение обратное — там иерархия личности стоит выше иерархии таланта. Мы забыли, что изначально равными приходим на этот свет в возможности соперничать в своей преданности и любви к высшему началу. С понятием личности вообще обстоит крайне сложно: то ли это штука еще не распознанная, то ли уже позабытая. Во всяком случае, нетрудно объяснить, как вышло, что мы, казахи, успешно обходимся без национального достояния: языка, культуры, обычаев — и без надрыва относимся к необходимости все это возрождать. Возобладала соблазнительная мысль о случайности нашей единственной жизни. Человек, его жизнь — каприз случая. Привязанность, пристрастия, самый смысл — все это вполне заменяемо и отнюдь не принципиально значимо, и если прежде можно было измерять жизнь в категориях вечности, то нынче это будут единицы успеха. И нет ничего, за что стоило бы цепляться, отдавать душу. Но порядок этот не нами заведен, а ответственность за сохранность культуры по-прежнему лежит на каждом из нас. Есть то, что передается из поколения в поколение и нуждается в нашей заботе, требуя преумножения в каждом нарождающемся поколении, а это подключает нас напрямую к вечности. И если сознание этого долга нас не особенно пока тревожит, остается признать неприятную правду: ни воспитание, ни условия не позволили нам пока созреть по-настоящему, самая верхушка понимания миссии человека на земле остается еще скрытой для нас.

Потребность в служении вечности возникает там, где эту вечность уже нет нужды доказывать. И есть лишь одна возможность сохранить в себе ощущение вечности в этом посезонно со всеми потрохами обновляемом мире — еще крепче беречь прочность религии и ритуалов и защищать право нации на что-то еще, сверх физического бытия и материального благополучия.

Долгое время переводить Коран запрещалось под тем любопытным предлогом, что это-де будет кощунством, ибо в Коране человек находит живое слово Аллаха, а в нем священо все, даже сами буквы в их звучании и графическом начертании, и все это составляет нерасчленимое единство. То, что теперь появляется в переводах на всевозможные языки, тоже зовется зачастую Кораном, хотя вернее и честнее было бы назвать это

переводами смыслов. Одним лишь смыслом не охватывается и не исчерпывается все, а это в с е как-никак есть таинство. Запростецкое же наше обращение с таинством, иначе говоря, профанация, тоже выразительная черта века, прошедшего под знаком удобства.

Трудно противиться тому, что удобно и приятно, но, наверное, стоит в таком случае хотя бы отдавать себе отчет в том, что перед нами именно профанация, чтобы не окончательно исчезла грань между подлинником и подделкой. Как ни опасны слишком смелые игры с серьезными понятиями, не менее страшна и другая крайность — подменить их буквой и формой, что в равной степени подстерегает и религию, и культуру. Все же, согласимся, бывают такие формы любви и преданности, что не делают чести предмету этой преданности и едва ли полезны ему чем-то. Невозможно предать анафеме и придержать беспокойную человеческую мысль, и бессмысленно отменять тяжкий и сложный опыт интимного знакомства с безднами, через который прошло человечество. Есть в исламе положение, что сан человека выше сана ангелов, потому что ему даны имена всех вещей. И хорошо, к тому же, когда любовь добровольная, а преданность сознательная. Порою на протяжении жизни мы возвращаемся к одной картине либо книге, чтобы с удивлением обнаружить в хорошо известном новый смысл, новое чувство. Прежним остается привлечший вас чем-то стих, портрет, но позволяет познать еще один свой секрет, еще немного приближает к себе, по мере того, как вы мудреете, а может, делаетесь опытнее.

«Познай себя, тогда познаешь Аллаха», — сказано в одном из хадисов. Другой вопрос, является ли познанием то, что проходит только через голову и никак не требует напряжения и совершенствования души, иначе неужто не достало бы Аллаху средств, коли это было бы целью, держать душу в вечном страхе и повиновении своей воле? Никто не спорит: далеко не самая простая задача — сохраняя верность общим принципам вечной идеи, разгадать ее в современном обличье. Но за сложностью возможно ли совсем отмахнуться от необходимости подобных попыток?

Встречается мнение, что вот и настала пора казахам очиститься от всего европейского, наносного и держаться исключительно своего, национального, вообще восточного. Мысль «прекрасная»! Так давайте перетащим по кирпичику от немцев всю их разрушенную стену и отгородимся от чуждого нам мира, от его заразных идей, да еще пустим ток по всему периметру стены. Так бояться общения с чужой культурой можно лишь, если уж совсем не доверять жизнеспособности собственной. Если ты лев, ешь спокойные баранов, они у тебя в желудке переварятся наилучшим образом. Стоит ли унижать свой народ, думая, как сделать его агрессивно-колючим и настороженным? Не лучше ли положиться на широту души и величие идеи — верный гарант безопасности нашей со всех флан-

гов? Сошлюсь на любимую в народе мудрость йогов: духовные силы действительно имеют способность к материализации, и человек взглядом может остановить тигра. Если сознает себя человеком, конечно.

Фромм, помнится, любовь подразделял на категории. Была там, в числе прочих, и любовь-эгоизм, любовь собственническая, скаредная, заключенная в ревнивном отгораживании от остального мира. Любовь в общепринятом ее смысле, говоря иначе. Но в любви-творчестве сразу задается столь мощный энергетический накал, что целый мир втягивается в ее орбиту и открываются силы, которые все вокруг начинают приводить в движение. И все начинает дышать, меняться. Расти. Любовь как стимул для развития. Культура заслуживает, вероятно, быть любимой так, чтобы желать ей давать все новые победы, выбрасывать новые цветы. Человеку в саду культуры следовало бы порою ощущать себя садовником: заботиться о крепких корнях, ухаживать за почвой и взглядом отыскивать в других садах ростки, достойные быть привитыми к стволу собственной культуры.

Любовь как стимул для непрерывного роста, открывающая все новые дали. Любовь, в творчество превращающая целую жизнь, а не просто узкую сферу профессиональных интересов. Если религия не подразумевает призыва к бесперывному совершенствованию, если держится на буквально понятном страхе Божиим и усталости самому вдумываться в свои многосложные проблемы, она спокойно может замениться на язычество, где просто приносишь установленные жертвы, а далее предки или силы неба насылают дождь, рассеивают врага, обещают обильные дичью леса в другом мире. Ритуал, традиции заслуживают самого глубокого почтения, но время от времени стоит задаться вопросом: чему должно служить это установление и как сделать, чтобы своей цели оно достигало всегда? Познай себя — так постигаешь Аллаха. Возьмем простейший пример: статус женщины в исламском мире и традиционная одежда мусульманки. Мне пришлось недавно видеть женщин, наглухо задраенных платками, с восторгом твердящих о женской слабости и с негодованием об эмансипации. Эти милые женщины с чистосердечным энтузиазмом осваивали свою прямую обязанность знать скромное место в обществе. Если убрать священный трепет, с каким сегодня встречается все древнее, тогда остается, что строгая одежда и робкое поведение прекрасно отвечали нравам и представлениям древних времен и задаче сохранить женщину — женщиной, а мужчину — мужчиной. Учитывая же, что современной женщине с ее опытом всяческой сложной работы, даже и руководящей, с приобретенной не по своей воле иронией и каким-никаким представлением о сути вещей, зачастую непросто будет изображать эдакое наивное неведение и априорную почтительность к сану мужчины, остается допустить, что приглашение к платку со всей вытекающей линией поведения будет равноз-

начно приглашению к лицемерию, а это грех. Но женщина ведь и должна быть слабой. Сегодня этого проще, быть может, достигнуть, сделав более сильным мужчину. Стоило бы, например, отменить мужские сидячие места в транспорте, отнять у женщин оранжевый жилет. Кажется, на этом направлении все же больше шансов достичь того, чтобы природой задуманное соответствие между женской слабостью и мужской силой сохранилось и впредь.

Вообще радикальное решение массы проблем мне видится отчего-то в постепенном придании словам «интеллектуал» и «рационалист» оттенка сочувственной жалости, взамен же поощрять распространение слов «душевно развитый» и «просвещенный». Проповедовать терпимость и чувство юмора. Мягкий юмор — самая, наверное, труднодостижимая наука, доступная просветленным мудрецам, но в сегодняшнем быту она необходима буквально каждому, ибо каждый сегодня потенциально опасен для себя и для ближнего. Это печальная реальность, что нет такой гуманной идеи, которую человек не сумел бы превратить в нечто бесконечно устрашающее. И мы нуждаемся в длительном просвещении, чтобы научиться без ущерба для себя и других прикасаться к хорошим вещам, гуманным идеям.

В жизни казахов религия никогда не играла такой роли, как в жизни соседей, но почему нам кажется, что это фатально и мы всегда должны спотыкаться об это препятствие? Давний выбор за всех нас социалистического пути тоже смущал невероятно, а мы сей барьер перешагнули. Жизнь вообще сложнее, как выясняется, того, что мы о ней думали. Нам уже явилась догадка, что калька с чужого успеха невозможна — приходится и национальную специфику учитывать. Недалек день, когда станет ясно, что духовные идеи нации нужны не меньше, чем модели экономического развития.

ОЧЕВИДНОСТЬ НЕОЧЕВИДНОГО

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ — ЧТО ЗА НИМ?

1

Как свидетельствует Великая книга — «Сокровенное сказание монголов», Чингизхан, будучи в отрочестве пока еще Темуджином, побратался на крови со своим сверстником — родовитым Джамухой («став ему анда»). Спустя время и претерпев тяжкие испытания судьбы, будущий завоеватель постепенно и настойчиво стал прибирать к своим рукам власть, интригами и наветами сталкивая меж собой разрозненные монгольские и тюркские племена. И всякий раз, когда во главе своего племенного объединения он вступал в войну с кем-либо, на его пути, на стороне противника, оказывался названный брат — Джамуха со своим боевым отрядом! Одержав победу, Темуджин посылал сбежавшему с поля брани Джамухе страшные проклятия, грозился во что бы то ни стало настигнуть отступника и жестоко расправиться с ним.

Но ловок и хитер был Джамуха. Вскоре он уже вновь начал строить козни против Темуджина и, сговорившись с очередным его недругом, выступал в поход. В разгар же боя снова бежал вместе со своею ратью, снова нимало не заботясь об участии союзников и снова слыша за спиной гневные обвинения названного брата в вероломстве и обещания непременной и скорой расправы...

Росла, крепчала власть Темуджина. Степной люд уже с уважением, опаской и растущим преклонением стал поглядывать на чрезвычайную его воинскую удачливость и без сопротивления

ния, в охотку шел под мощное крыло вчерашнего худородного изгоя.

А чтобы оправдать такое малодушие, присочинили степные сказители Темуджину фантастическую родословную. Будто бы он и не смертный вовсе, а произошел на свет от луча солнца (рыжеватые волосы как бы подтверждали это). Стало быть, и причины его побед надо искать не столько в воинской доблести Темуджина (кто же на огромном пространстве Великой Степи не храбр и не доблестен?), а в его божественном происхождении. И что драться-браниться с ним бесполезно и даже грешно, а посему лучше добровольно покориться и вручить свою судьбу великому Посланнику Неба. Не пристало Посланнику Неба носить имена простых смертных, а подобает ему открыться перед людьми свое истинное имя — Чингизхан. На том и порешили.

И вот наступил день решающего сражения с найманами. Во главе этого мощного племенного объединения стоял сам Ван-хан. Рядом с ним — хитромудрый Джамуха. Эта битва должна была определить (и определила) судьбу Великой Степи и, в конечном счете, всей Евразии. Стороны были непримиримы, и битва началась решительно и яростно. В кульминационный момент отряд под предводительством Джамухи, «не выдержав натиска» воинов Темуджина-Чингизхана, повернул и умчался в степь. Это и определило исход сражения. Чингизхан (теперь уже точно Чингизхан) одержал великую победу, чтобы начать затем череду своих великих завоеваний.

Спустя несколько дней пришли-покорились остатки отряда Джамухи, бросив предводителя своего к ногам победителя.

Вот на этом месте эпическое сказание меняет свою тональность. Оно становится социально-психологическим. Тонко, лирико-драматично звучит сцена ночного разговора Чингизхана и Джамухи на берегу Орхона.

— Свершилось то, брат мой Джамуха, — сказал после долгого молчания Чингизхан, — о чем мы с тобой мечтали в юности. Теперь мы станем править Великой Степью. Возьми половину власти — она твоя по праву.словно поводя одной упряжки, будем мы править жизнью и судьбами народов, покоровшихся нам.

— Ты прав, Чингизхан. Мы действительно добились исполнения своей мечты. Но подумай и о другом. Народу нужен один правитель, к телу достаточно одной головы. Не забудь еще, что твои победы породили веру людей в то, что ты послан Небом, дабы править миром. Если же люди поймут, что не Провидение, но наше с тобой земное лукавство привело тебя к победе, их вера испарится, они почувствуют себя обманутыми и не простят нам.

И что тогда достанется нам от этой победы? Словно песчинки, просочится она сквозь пальцы, оставив нас с пустыми руками...

Что лучше для смертного, чем исполнение его мечты? И не

столь важно, кто из нас воспользуется ее плодами. Так сложилось, что им оказался ты. А потому — будь достоин ее!

— Ты, как всегда, умен и высок духом, Джамуха. Но подскажи, что я должен сейчас сделать?.. Я дам тебе преданных людей. Под утро они перебьют охрану и уйдут с тобой в степь.

— Нет, брат мой Чингизхан! Если люди не поверят в мой побег и догадаются, кто его устроил, то в душах их поселится сомнение относительно тебя. А власть, стоящая на сомнении, недолговечна. Во имя нашей общей победы я должен быть казнен.

Наутро Джамуху завернули в кошму и задушили...

Версия, по которой Чингизхан таким образом устранил тайного союзника, годилась бы для блестящего политического детектива. Жизнь, которая сложнее и страшнее любых романов, дает иную версию — обнаженно и безжалостно правдивую.

Вот так, почти восемь столетий назад, произошла драма, в которой Джамуха сознательно и добровольно приговаривает себя к смерти, поскольку на чаши весов поставлены судьба индивида, с одной стороны, и судьба созданного сильного государства, с другой.

Вся, складывающаяся тысячелетиями, человеческая цивилизация и культура представляют собой непрерывный процесс самоидентификации человеческой индивидуальности через общественные и государственные институты. И всегда, на уровне ли интуиции или же вполне осознанно, человек ощущает противоречивость ситуации. Ведь его стремление к свободе, к максимальному выявлению универсальности своего бытия постоянно наталкивается на необходимость подчиниться воле и законам, выработанным в обществе, в котором он живет, а порой — объективной логике развития истории, как в приведенном нами эпизоде из «Сокровенного сказания».

И сегодня, на пороге третьего тысячелетия новой эры, коллизии соотношения индивидуального и общественного заявляют о себе все острее, настойчивее. Ведь в итоге своей многотысячелетней истории люди все еще весьма смутно представляют, кто же они такие и каковы главные ценности, определяющие их существование. Какое-то глубокое беспокойство, напряженность отнюдь не будничного, а экзистенциального, бытийного порядка вошло в психологическую атмосферу нашего финального времени и побуждает каждого из нас, быть может, наконец определить свое отношение к жизни и к обществу.

Давно и расхоже определено: человек — существо мыслящее. Но человек и «социальное животное» (Аристотель). Однако эти определения рассматривают феномен человека слишком широко, а значит и неопределенно; не раскрывая ни внутреннюю глубокую противоречивость человеческого существования и состояния, ни процесс эволюционных и революционных изменений, происходящих в его рацио- и эмоциональном самоощущении. Выделяя себя из мира природы способностью мыслить,

ставить перед собой определенные цели, изыскивать средства для их осуществления, человек вырывается за пределы своей естественно-природной детерминированности в область духовного, культурного, практического самосозидания. Но мы уже слишком хорошо знаем: именно эта способность к целенаправленной деятельности, наряду с очевидными ее достижениями, все чаще предстает не счастливым даром человека, но, напротив, — причиной многих его бед и страданий. Одновременно под сомнением оказывается и то, что называют человеческой идентичностью, — представление человека о своем особом месте в мире природы и обществе, о самом смысле его существования на земле.

«Сон разума рождает чудовищ» — эта максима, возникшая в эпоху европейского Возрождения, очень точно отразила стремление активизировавшейся культуры полагаться на собственную волю человека, научно-технический прогресс, ибо только разум, по мнению прогрессистов, способен избавить человечество от мистицизма и застойной схоластики средневековья, вывести человечество на путь развития. К тому же ужасы инквизиции заставляли мыслящий ум безоглядно уносить ноги из прошлого.

Эйфория последующих действительных успехов просветленного разума родила убеждение, что путь ко всеобщему благоденствию наконец найден. Однако сегодня «человек разумный» с наименьшей остротой осознает трагический иррационализм своей, казалось бы, логически выверенной и целенаправленно созидательной деятельности. Рядом с божественным опять неизменно оказывалось сатанинское — будь то покорение природы, расщепление атомного ядра или новые промышленные и сельскохозяйственные технологии.

Принеся несметные материальные и духовные богатства, они уже стали причиной глобальных экологических катастроф, не спасли от голода, нищеты и невежества огромную часть человечества; миллионы же других испытывают отчаяние от пустоты и бессмысленности существования. В сфере общественной разум создал четкие (чересчур четкие) модели социального устройства и пришел к созданию антигуманных, насквозь лживых тоталитарных режимов, к гибели сотен миллионов людей, к подавлению того же разума, личности, культуры. Вновь тяжелые рефлексии, вновь поиски смысла бытия...

Каждая новая генерация людей упорно присваивает себе исключительное право на боль, страдания и неразрешимые вопросы. Всякий раз «счастливо» забывая о том, что сомнения в непогрешимости, силе и гуманистическом векторе человеческого разума, в способности человека стать подлинным хозяином собственной судьбы с наименьшей остротой и трагичностью преследовали человечество на всем протяжении его исторического становления, его культуры и цивилизации. Образ человека как наверхия мира, «меры всех вещей» во все времена корреспондировался с образом «ничтожного раба своих ни-

менных страстей», «греховного детища Адама и Евы». И все же после каждого очередного взлета и затем падения в бездонную пропасть низости и абсурда он всякий раз находил в себе здоровые, духовные силы для возрождения утраченного достоинства и нравственности. Вместе с ними, однако, регенерировали и противоречия. «Заколдованным» виделся круг оттого, что либо человек признавался изначально «бестолковым» и не имеющим права на созидание и счастье, либо считалось достаточным устранить общественные язвы, упорядочить социальные структуры и взаимоотношения — и человек наконец-то получит вождеденные реальные условия для своего, имманентно ему присущего, совершенствования... И все начиналось сначала, хотя обе стороны дихотомии в общем-то не ложны, как и их противоположности.

Так заколдован ли круг?

2

При всей очевидной схожести, современный кризис самоидентификации человека, в отличие от прежних эпох его социальной истории, когда психологическое самоощущение человека также опускалось до критической точки, имеет, мне кажется, существенные отличия. Сегодня этот кризис уже нельзя объяснить лишь дефицитом рациональных гуманистических идей или неадекватным пониманием личностью окружающего мира, а также отсутствием объективных условий для устранения породивших кризис причин. Все-таки опыт человечеством накоплен огромный, научно-техническая революция, проникающая в средства массовой информации, значительно расширила круг наших представлений и о разнообразных идеях общественного переустройства, и о глубинных пластах человеческой психики и ее адаптационных механизмах. К концу XX века мы, можно сказать, пережили «все», в существенной мере это «все» осмыслили. Вот что дает надежду, основание для поиска ответов на «вечные» вопросы о смысле человеческого существования, ориентируясь не столько на внешние факторы и условия бытия, сколько на внутренние причины, содержащиеся в экзистенции самого человека.

Тут придется сильно потесниться двум основным направлениям исследования феномена человека и его самоосуществления в обществе — и редуccionизму, когда сущность человека сводится к отдельным проявлениям (чисто социальным, культурно-антропологическим либо экономическим), и метафизическому универсализму, при котором, в угоду общей картине, опускается многообразие проявлений человеческой личности и жизни.

Оба эти направления не лишены, конечно, позитивных сторон и возможностей, неоправданна лишь их абсолютизация. Сейчас как никогда становится ясно: сама универсальность человеческого бытия принципиально не сводима к какому бы то ни

было одному принципу. Это означает не хаос, не отказ от всякой методологии вообще, а всего лишь простую истину: нельзя понять человека, не принимая в расчет и не исследуя различные уровни его жизнесуществования — анатомо-биологический, социально-групповой, этнокультурный и т. д. В последнее время, правда, все более входят в моду различные нетрадиционные, например, астральные характеристики; причем с претензией на все тот же универсализм...

Видимо, здесь применим простой образ луковицы, о котором писал Гессе. Ведь каждый ее слой отличим и отделим друг от друга, но в целом — именно многослойность определяет здесь существенные характеристики. Изучение же каждого слоя в отдельности способно примитивизировать, а то и исказить картину.

Не говоря уже о провалившемся вульгарном социологизме марксистско-ленинского толка, на объективную научную концептуальность посягает образ так называемого «экономического человека», детерминированного узкоспецифическими функциями производителя и потребителя товарного производства, т. е. представляющего в качестве пассивного объекта манипулирования потребительским спросом или способами хозяйственного управления. Узость, сухость, да и опасность подобного подхода обнажает едкое замечание писателя В. Распутина: «Если оленя рассматривать в качестве вьючного животного, то и на себя следует смотреть исключительно как на погонщика». Казалось бы, куда богаче понятие «психологический человек», чья жизнедеятельность интерпретируется в основном исходя из наших внутренних подсознательных побуждений, однако нередко сводимых к механизму сублимации (Фрейд), к чисто биологическим импульсам или к действию природных психофизиологических факторов.

Объективная ограниченность всяческого редукционизма может быть преодолена имеющим свою историю и свои достижения синтезирующим философским подходом к проблеме человека. «Философия задает наиболее общие методологические ориентиры исследования человека в его развитии, равно важные как для его целостного осмысления, так и для анализа его конкретных аспектов. Более спорен вопрос, насколько философия способна стать той единой интегрирующей наукой о человеке, необходимость которой все острее ощущается в наши дни».¹

Важное признание. Ибо при всех достоинствах тенденция к построению абстрактно-универсального образа человека заложена в самой природе философского знания, точнее, в приоритетах рационального подхода европейской философской школы по сравнению с философией Востока, которая все же всегда сохраняла баланс между чувственным и рациональным.

¹ Дилигенский Г. Г. В защиту человеческой индивидуальности. «Вопросы философии», 1990, № 3, с. 34.

Пока что без всякой тени злорадства следует признать, что построения философского синтеза сводятся по большей части либо к призванному воплотить человечество воображаемому образу-муляжу, либо к экстраполяции на предмет самой персоны исследователя...

«Сомневайся!» — известная максима древних, с которой и начинается, в собственном смысле слова, любая наука, а не тот ее «универсальный» суррогат, которым удовлетворяется дремлющий ум.

По-видимому, единственный выход из невозможности соотнести индивидуальное и общественное напрямую состоит в углублении анализа, а значит — и в привлечении более тонкого и совершенного инструментария. Возникает прежде всего потребность выйти за пределы абстрактных рассуждений о единстве общего и единичного и попытаться раскрыть, как их диалектика реализует себя непосредственно в практической жизни при решении проблемы человека. Поскольку очевидно, что именно в их единстве и взаимном противостоянии, в их самообосновании и следует искать антропологические корни того, внутренне присущего проблеме противоречия, которое необходимо раскрыть.

Безусловно, будучи общественным существом, человек не может не испытывать потребности в общении с себе подобными. «Человек — не остров», — одна из максим Э. Хемингуэя по этому поводу. Действительно, в рамках сообщества организуется и протекает совместная деятельность индивидуумов, вырабатываются направляющие ее мотивы, цели и система конвенциональных знаний. Но разве при всем том реальный, живой человек не обладает гораздо более богатой и разнообразной гаммой потребностей, внутренних потенций и интересов, гораздо большим динамизмом мотивов и знаний, чем тот общественный концентрат, что претендует на их полноценное представительство?

Разумеется, ход развития и совершенствования материальной и духовной сфер жизни (и это развитие, его плодотворность, при всем драматизме процесса, нельзя не признать) есть сложное взаимодействие общества и личности. И всякий раз, с момента снятия противоречия между индивидуумом и обществом на одном этапе развития, возникает новый ряд факторов, порождающих новое противоречие. Вот почему можно утверждать, что решение проблемы — отнюдь не «окончательное устранение» причин, ее порождающих (это было бы еще одной горькой утопией), но переход противоречия на новый, таксономически более высокий уровень.

Факторов здесь много, и не все они достаточно познаны. Укажу хотя бы на то, что любые общественные образования, исходя из собственного бытия, из своих внутренних законов, отнюдь не всегда совпадают с бытием и интересами отдельной личности. К тому же по своей структуре они менее дифференцированы, чем люди, и отличаются большим стремлением

к нормативности, инерционности. Ну а это входит в неизбежную коллизию с изменчивым и многообразным индивидуальным опытом членов сообщества. Индивидуальное вообще, видимо, не в состоянии идеально адаптироваться, раствориться в социальной среде, какие бы оптимальные условия для жизнеобеспечения ему здесь ни предоставлялись, и постоянно стремится выйти из-под жесткого контроля общего.

Можно заключить, что диалектика общественного и индивидуального является неиссякаемым источником развития как первого, так и второго, но она же образует почву для возникновения драматических противоречий, разрешаемых трудно и всякий раз на новом уровне, на новой ступени бесконечной «лестницы», где и общество и личность уже не вполне те, что были...

Однако далеко не только большевизм отдавал в этом процессе приоритет общественному, государственному и т. д. Между тем, настоятельно необходимо, наконец, осознать все значение индивидуального фактора, его способности противостоять социально предопределенному и детерминированному в любых процессах общественных изменений, на всех этапах исторической динамики. Не так давно автор этих строк полемизировал с известным американским политологом г-жой Г. Лапидус. Рецензируя ее доклад на конференции, я настаивал на том, что анализы и прогнозы, построенные на основании даже самой правильной методологии и механически экстраполированные на живую жизнь, на практическую деятельность людей, слишком часто опрокидываются ими. Ибо не учитывают многое, до поры пребывающее как бы на периферии, но «вдруг», «неожиданно» выдвинувшееся на передовые позиции. Пришлось напомнить оппоненту хотя бы общеизвестный замечательный эпизод, когда появление маленькой четырнадцатилетней девочки-нормандки Жанны д'Арк, прокричавшей, заметим, — на ломаном французском языке: «Все, кто любит Францию, — за мной!» — радикально изменило и сам характер военных действий, и, в конечном счете, судьбу обеих соперничающих стран. Не менее убедителен как свидетельство роли индивидуального фактора и фрагмент из «Сокровенного сказания», приведенный мной в качестве развернутого эпиграфа к статье, своего рода камертона — уже не к тексту, а к ходу великих событий истории и пониманию их «сокровенного»...

Конечно, тема примеров и со знаком «минус». Помимо объективных законов, и вся патологическая натура, маниакальная мнительность и интриганство «вождя народов» способствовали созданию жесточайшего режима, не имевшего аналогов в мировой истории, и вызвали аналогичную пандемию истерической лживости, безумие самообмана в массах.

Но ведь, с другой стороны, какая обнаружилась неистребимость в глубинах народной души чувства человеческого достоинства, упорства и спокойная уверенность в неуничтожимости гуманистических идеалов нравственности и культуры!

Нетрудно заметить, что это, сугубо индивидуальное, казалось бы, разрозненное противостояние превратилось по сути в мощную, действенную общественную силу, которая покончила в конце концов с этатизмом, тоталитаризмом. Так что пути взаимодействия индивидуума и социума куда сложнее еще недавних наших представлений. И, помимо прочего, не побуждают торопиться с ответами на загадку, всего лишь меняя «минусы» на «плюсы».

Сводя взаимодействие индивидуальной и общественной деятельности лишь к характеризующим особенностям и скрытым до поры потенциам, содержащимся в отдельном индивиде, мы не сможем все же достаточно полно уяснить, почему сначала возникли спорадические моральные и интеллектуальные вспышки сопротивления режиму большевизма, затем лавинообразное нарастание движения за демократические, в том числе национальные преобразования и, наконец, превращение бывшей империи в, пока еще во многом условно, но все же суверенные республики-государства. Конечно, ясно то, что одни люди были честнее, мужественнее и проникательнее других, больше дорожили гражданской свободой и справедливостью. Но подобные ответы вряд ли удовлетворят того, кто хочет выслушать до конца.

Пока обществоведение не выработает прочных и гибких навыков рассмотрения индивида в подлинно живом диалектическом взаимодействии с конкретно-историческим процессом (а именно на это и наталкивают «исключения из правил»), все попытки сколько-нибудь удовлетворительно решить проблему человека будут неизбежно сводиться либо к жесткой социологической схеме, либо к мифопоэтическим построениям об идеальной, свободной, суверенной и разумной личности.

Обостренное ощущение фатального и тотального кризиса цивилизации, «конца эпохи», о чем говорилось вначале,— когда «старое» безвозвратно перетекает в небытие, а очертания векторов «нового» выглядят весьма неопределенно, конечно, порождает неуверенность в возможностях человека, дает повод говорить, что главные причины надвигающегося кризиса — в человеческой субъективности. Но с не меньшей, по крайней мере, уверенностью можно ведь утверждать и обратное. Во всяком случае, именно в субъективной сфере складывается сегодня сложнейший клубок проблем,— но и выход из них; вот почему к распутыванию клубка должно быть привлечено исключительное внимание.

Вечная дихотомия социального и индивидуального сегодня особенно остро определяется, с одной стороны, притяжением общинно-группового, классового, корпоративного, семейно-родственного, этнического, национально-государственного, партийного и прочего сознания и степенью его влияния на сознание индивидуальное. Однако, с другой стороны, разве не все более заметно и то, что общинно-групповые эмоции и интересы, укорененный в истории принцип социальной, родовой,

национальной идентификации индивида, основанный на достаточно примитивном противопоставлении «наших» и «не наших», «чужих», неизбежно сталкивается со всевозрастающей потребностью в общечеловеческом единстве. И естественно возникает вопрос: что более нивелирует, а значит, лишает личность созидательной силы, плодотворной «непредсказуемости» — первое или второе? Традиционно считается, что индивидуальный облик человека — это прежде всего его национальная и прочая групповая принадлежность. И чем дальше от этого «центра», тем лик более «размывается». Но так ли это? Следует ли предпочитать здесь одно другому, рвать, а не связывать?

Очевиден сегодня такой глобальный процесс: необходимость преодоления кризисных ситуаций, возникающих при решении основных проблем человеческого бытия, приходит во все более острое противоречие со сложившимися на протяжении всей предшествующей истории институциональными инфраструктурами, определившими, в конечном счете, основные характеристики стереотипа социально-индивидуального человека.

Так или иначе, они свою роль в истории, в цивилизации сыграли. Пока во многом не превратились в их тормоз. Ибо постоянное создание групп и группок приводит неизбежно к групповому эгоизму, групповой экспансии, а следовательно, к межгрупповым противоречиям. Сама же логика межгруппового противоречия порождает у правящих структур той или иной группы стремление к нарастанию и умножению сил, — как материально-экономических, так и военно-оборонных. Отсюда — экологические катастрофы, милитаризация и дегуманизация групп обществ, деперсонализация их членов. И хотя вся эта бурная деятельность, разумеется, всегда сопровождается кампанией, пропагандирующей исключительную значимость коллективных и национальных интересов народа, по своей сути она иллюстрирует лишь интересы сравнительно малочисленной олигархии...

Воистину, история учит тому, что она ничему не учит!

3

В противовес тенденции деперсонализации личности все развитие культуры, этики, морали, религиозно-теологических учений и художественной культуры, сознательно либо объективно, всякий раз стремилось доказать человеку всю ограниченность и порочность подобной системы жизни, раскрыть перед ним, что развитие цивилизации по этому пути не способно устранить перманентно существующие антагонизм и взаимную ненависть. Речь идет не о неприятии национальных или иных, «теплых», близких человеческой душе, ценностей. Но лишь о восстановлении истинной их иерархии, где наверху сам индивидуум, а не стая и не государство. А ведь люди и сами, в силу инерции группового сознания, привыкли принижать себя...

Нет спору, человек всегда был, есть и будет существом социальным. Утрата связи с обществом обедняет его, приводит к утрате многих лучших, собственно человеческих качеств. Однако не менее пагубно для него подавление индивидуальности, — не только в глазах власть предержащих, но и, что много хуже, в собственных глазах.

Особенность современной эпохи, если вдуматься, — то, что происходят фундаментальные, далеко идущие изменения в самом типе общественных связей личности и, соответственно, в глубинных структурах характера и психики индивидуального человека. Изменения эти далеко не однозначны. Конечно, очень значительная часть живущих на планете сохраняют еще на сегодня типологические черты традиционной модели человека. Однако мы знаем, что даже в глубинных пластах истории жили и действовали люди (по определению китайцев — «люди длинной воли»), находившие в себе силы, мужество и, применим хорошее русское слово, кураж для решительного преодоления своей заданной ограниченности. Вспомним яркие строки из среднеазиатского классика XV в. Самарканди:

Если в пасти у льва твои сила и власть,
Не страшись ничего, разорви ему пасть!
Обретешь ты иль почести, Богу служа,
Или смерть, как оно подобает мужам!

Здесь, как говорится, вовсе не «революционная фраза», а мощный выплеск духовности, человеческого достоинства как такового.

Но это, надо признать, были все же отдельные личности. И, как правило, с печатью трагического одиночества в судьбе. Теперь же, не боясь обвинений в неумном оптимизме, можно утверждать, что сегодня подобных исключений из правила становится значительно больше и тенденция к их увеличению заметно возрастает. В этом обнаруживает себя, на мой взгляд, процесс назревания глубинных антропологических сдвигов, происходящих в самой человеческой природе.

Сегодня сущность человеческой индивидуальности все чаще находит свое выражение в субъективных решениях и способах действий. Объективная сторона этого процесса — растущая мобильность социальной структуры общества, расшатывающая и дистанцирующая привычные психологические связи индивида с групповыми объединениями различного уровня. Не менее существенная основа этого явления — прогрессирующее вытеснение общинно-групповых источников информации надгрупповыми, более широкими, что также размывает традиционную модель общинно-группового, «узко-ведомственного» человека. Раньше личность, находясь целиком в кругу групповых и корпоративных интересов, замыкалась в них, обнаруживала и исчерпывала здесь почти все мотивы и возможности своих действий, нравственные нормы и мировоззренческие установ-

ки. Теперь же, имея значительно больший доступ к информации, человеку легче сопоставлять различные идеи и принципы, соотносить их с собственным жизненным опытом и опытом и, в конечном счете, самостоятельно выбирать для себя наиболее приемлемое, соответствующее своим особенностям. Такая внутренняя «суверенизация» каждого субъекта начинает активно ориентировать его сознание и поведенческий стереотип.

Необходимо при этом признать, что уже первые результаты такого процесса не позволяют делать однозначно положительных, исключительно «приятных» выводов. Но и панические выводы о нравственном оскудении людей делать, пожалуй, рано.

Отчетливо наметились, например, такие негативные последствия возросшей индивидуализации, как десоциализация, равнодушие к общественным интересам, усиление болезненного индивидуализма — эгоизм, уход в замкнутое пространство лично-адаптационных, потребительских и гедонистических ориентаций и образа жизни. Одно из ответвлений этого явления — коммерциализация значительной части молодежной генерации, молодежного субэтноса. Но можно ли характеризовать и это однозначно отрицательно? Нет ли и здесь, пусть своеобразно выраженной, растущей внутренней независимости поколения? Достойная плата за достойный труд, чего мы были лишены не только в «социалистические» десятилетия, очень возможно, выправит подобные искривления, а само стремление к достойному существованию никак не назовешь безнравственным.

Во всяком случае, ослабляя жестко детерминированную взаимозависимость между индивидами, ослабляя и разрывая узкий общинно-групповой конформизм, этот процесс порождает и новый тип индивидуальности и новые свойства индивидуализации. Возникший тип, конечно, — далеко не точный аналог «бунтарей-одиночек» прошлых исторических эпох. Однако, в отличие от своих прототипов, он становится все более массовидным и общество все реальней и ощутимее испытывает на себе результаты его деятельности, которая начинает все заметнее влиять на содержание и тенденции социальных процессов современности. Притом должно быть совершенно ясно, что речь здесь не идет ни о маргинализации, «раскрестьянивании», ни о явлениях национального нигилизма. Эти феномены нашего «социалистического» прошлого привели в основном к оскудению личности, к росту преступности — как раз такого рода «продуктами» эпохи легче манипулировать, сбивать в банды и «партии». Что мы нередко сейчас и наблюдаем в деятельности различных псевдопатриотов.

Возвращаясь к нашей теме, к кругу рассматриваемых явлений, пора подчеркнуть, может быть, главное в них. А именно то, что свобода личности призвана не разрушать среду, а, изменяя, укреплять. Точно так же, как «умное» сообщество не подавляет индивида, а стремится соотнести свои и личностные интересы,

достигая тем самым развития всех и каждого,— не по Марксу, разумеется.

Практика передовых стран, пусть и не без огрехов, как раз и свидетельствует об этом. Многое говорит о том, что изменения в сфере отношений между индивидом и социумом, а также отношения межличностные обретают сегодня большую гибкость, многосторонность; эти отношения меньше детерминированы социальными, групповыми связями; довольно значителен простор для наиболее полного и адекватного проявления индивидуальных особенностей личности. Несомненно, возглашает о себе качественно новый этап суверенизации индивида, реального духовного возвышения личности.

Процесс этот, если рассматривать его социально-психологически, да и с точки зрения экзистенциальной, пока далек от простоты и равновесия. Освобождаясь от жестких групповых норм и стандартов, индивидуум становится более свободным. Однако свобода, при всей ее привлекательности, все же не способна сама по себе предоставить человеку душевный комфорт. Отсутствие или дефицит в нем самом духовной культуры и возможностей эту культуру потреблять может оказать негативное воздействие. Вот почему нельзя списывать и лучшие традиции, всегда близкие к общечеловеческим гуманистическим основам. Можно утверждать, что такие традиции не только не мешают, но помогают живое воспринимать позитивные новации. Лишь воспитанная с малых лет культура быта и поведения, стремление к постоянному самосовершенствованию и духовному обогащению способны наполнить свободу личности реальным и богатым содержанием.

Анализируя современную ситуацию, можно утверждать: за поверхностной массификацией и стандартизацией простирается резко расширившийся горизонт свободного самоопределения личности, то, что психологи называют определением «личностного смысла». Непреложным фактом является и то, что индивид не может не черпать мотивы своих желаний и поступков из материальной и духовной культуры общества, в котором он живет, в том, что выработано коллективными усилиями многих и многих поколений предшественников, неизбежно обнаруживая при этом свою общность и с другими людьми и поколениями. Однако в наше время личность все чаще стремится выразить и собственную уникальность и неповторимость. Закономерно при этом, что на смену традиционной, жестко детерминированной социальной самоидентификации индивида приходит самоидентификация плюралистическая: человек одновременно отождествляет себя не с одной, а с различными группами, и в перспективе — со всем человечеством.

Отсюда, в частности, и упоминавшийся выше парадокс: и необходимость более мобильного освоения быстро меняющейся сегодняшней реальности, и опора на духовные традиции. Снятие противоречия здесь заключается в расширении личностью своего историко-культурного пространства, а значит — и акти-

визации преемственных связей между культурой современной и традиционной. Иными словами, происходит освобождение от предрассудков, но обретение истины,— а разницу между верой и суеверием хорошо осознавали еще древние мыслители Востока и Запада. В этой связи, даже сетуя на трудности и зигзаги всех этих процессов, в то же время можно уверенно говорить, что истина, к которой самостоятельно пришел, после заблуждений и ошибок, индивид, стоит много дороже и гораздо надежнее вчера, быть может, верных, а сегодня безнадежно устаревших и отвергнутых живой практикой аксиом.

«Я открывал Индию как просвещенный европеец»,— признавался Дж. Неру. В той же мере были бы справедливы признания обратного порядка, ибо разные пути тут ведут к единому. Скажем, Гете, после того, как погрузился в мир средневековой восточной поэзии, значительно обогатил свою поэтику и поэтику европейской литературы нового времени. А Поль Гоген нашел на «диком» Таити новые выразительные средства современного изобразительного искусства.

В жизни стран с развитой демократической структурой эти тенденции проявляются во все большем отходе от традиционных, однозначных политических схем и принципов. Весь спектр жизни в этих странах отличается широким плюрализмом и взаимной терпимостью, стремлением рационально сбалансировать межгрупповые интересы, подлинной диалектичностью нового и традиционного как в понимании собственной этнической культуры, так и в заметно расширившемся представлении о культурах инациональных; достаточно плодотворны здесь попытки найти компромиссные, бесконфликтные соотношения в самых различных областях социальной и духовной жизни.

Казалось бы, на бывшей «одной шестой», да и не только, идут совершенно противоположные процессы. Действительно, как можно говорить о возвышении личности, о взаимном уважении людей и народов, об их плодотворном сотрудничестве, видя трагедию, вспышки взаимной нетерпимости в Карабахе, Таджикистане, Грузии, Югославии, Афганистане, Индии, в странах Африканского континента. Но ведь есть и процессы позитивно направленной политической и национальной энергии в послевоенной Германии, Японии, а в последние десятилетия — в странах Юго-Восточной Азии, где пусть не во всем, но во многом найдено разумное сочетание личного и социального, национального и общечеловеческого.

Разумеется, еще далеко не «конец истории», какой смысл — апокалиптический или розово-оптимистический — этому тезису ни придавай. Все возможно в этом мире. Но залогом стабильности,— быть может, единственным залогом,— является то, что индивидуальность, личность становится сегодня наконец-то не средством, но главной целью всякого социально-государственного, духовного, культурного обустройства общества.

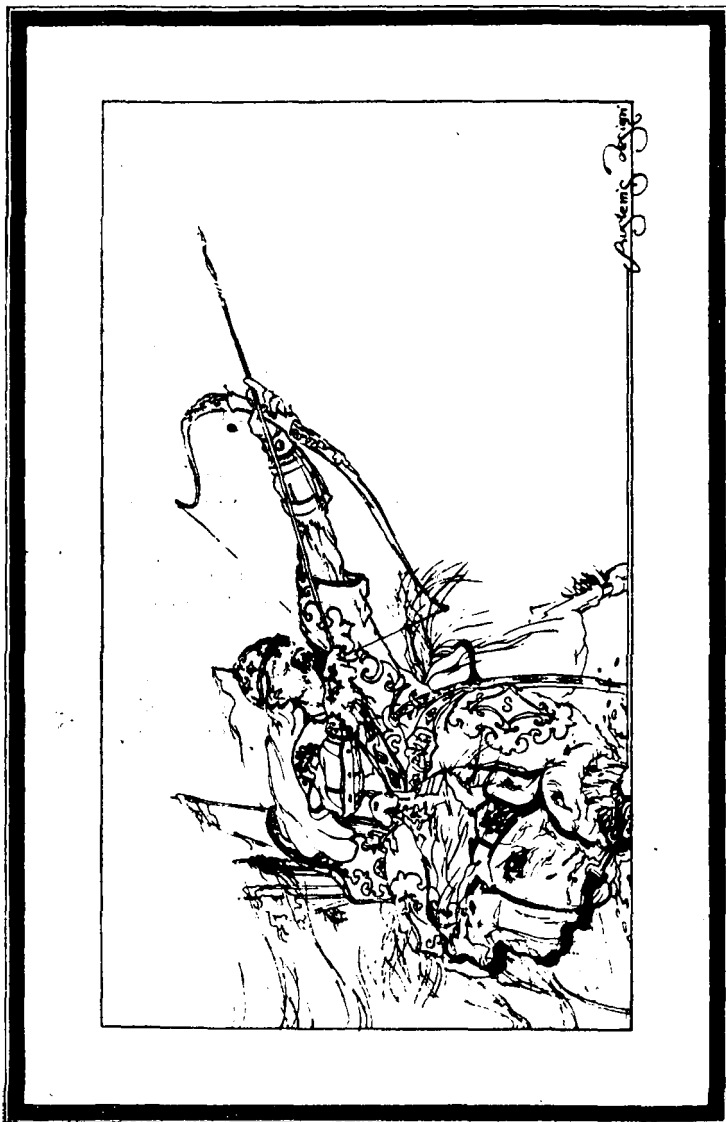
Лейля

Когда июнь пришел в цветах весь знойный,
От кумыса взошел на лицах глянец.
Был пир на Сарнокае, где гневой мой,
Как аргамак калмыцкого бурхана,
На привязи стоял недостижимый
Для мелюзги. Но взгляд скользнул твой мимо.

От криков тучи задрожали в смуте.
И были эти не напрасны крики,
Как дым шнура бикфордова, возник он,
Мой аргамак, уже недостижимый
Для суеты. Но взгляд скользнул твой мимо.

Ликуя, ветер взвился по деревьям.
И разлетелась эта весть по свету.
Мой конь пришел в байге великой первым,
Как предков дар мне из чреды столетий
И в веренице их недостижимый
Для злой молвы. Но взгляд скользнул твой мимо.

Когда орлу парить над степью лестно,
Он тоже внук моих достойных предков.
Тебя по вечерам я славил в песнях,
Как будто в пеньи виртуозном редкий
Ахан-серэ с домброй — недостижимый
Для звезд поп-арт. Но взгляд скользнул твой мимо.

Боль. Манго

М. О. Ауэзов производит казахское слово
«манги» — «вечный» от названия индийского
дерева манго.

И в самом деле, это громадное, неохватное,
тенистое дерево, само по себе занимающее
целый квартал, как нельзя более подходит для
символа вечности.

Автор.

Только добрым клинком добывается доблесть героя,
Вздумал ныне Бабур потягаться за вечность... и вот,
Проносясь на скаку многогорло ликующим роем,
До священного Ганга дошел им ведомый народ.

Для умельца-искусника ум и уловка, как вилы,
Смуглолицый батыр хохотнул, остужая коня.
Боевые слоны оказались подобны Ахиллу,
Скольких выть он заставил, стрелою в подошву проняв.

«Покоритесь мне, люди! И я превращу вас в счастливых!» —
Так барласец Бабур возвещал, как само божество.
А слоны, чьей громадой гордились беспечно индийцы,
Словно овцы в испуге, шарахались прочь от него.

Если ты на коне, расстоянья смиряются глухо!
Что там крепости? Пыль! Никому в них спасения нет!
Вверг аж Будду в сумятицу дерзостью тюркского духа
Сфинксоликий Бабур — небывалый воитель-поэт.

Покоряя пространства, столь чуждые краху и страху,
Что наделал Бабур? Лишь могил увеличил ряды.
Длинночубый кочевник осилил афганского шаха,
В небе дым заклубился — в нем явно был запах беды.

В мирный храмовый сад — обезьянье — увы! — достоянье,
Въехал махом наездник — безбожников буйных посол.
С наслажденьем лущая по лицам немых истуканов...
Сфинксоликий барласец на трон свой надменно взошел.

Шива и Кришна смутились в небесных квартирах,
Сонм богов разогнала веселая в удали плеть.
В роскошь джунглей индийских из эпоса влезли батыры
В мир. им чуждый, и все же обычный, как все на земле.

В нем папайя и чай, стройных пальм молчаливые кучки,
Но ни пастбищ, ни выгонов, словом, один только вид.
И батыры в кольчугах (что делать, дошли уж до ручки!)
Скаунов своих стали бананами скорбно кормить.

Не колышется здесь по степи лошадиное море,
Но на чуждой земле им с напитком одним повезло.
Во дворцах магарадж удалось им, не ведая горя,
Чай индийский попить, Шортанбау как будто назло.

Всюду статуи будд и столько нахохленных пагод,
Барельефы, в которых столетий бесстыдных дастан.
Кожноштаных кочевников, столь безоглядных в отваге,
В полотно, к их смущению, принарядил Хиндустан.

Позабылись сказанья, пропали куда-то заботы,
Показались танцовщицы краше родимых им рек.
Вместе с беками, влипшими в плен луноликих красоток,
И сородичи беков, как манго, остались навек.

Над эпохою грустной подняв суетливости омут,
Соловьи, попугаи вовсю изоцряли свой слог.
И в стране изобильной мартышками, джунглями, сомой,
Смуглолицых ватага исчезла, как будто в песок.

Изучили язык, проводя с попугаями время,
Позабросили битвы, войдя в разгулявшихся роль.
Часть уйсуней ушла, чтоб сберечь свое доброе семя,
Часть осталась, а с ними, как манго, осталась и боль.

Что ж, уйсуней известных и индийцы познали достойно,
Ныне немцы они, хоть и некогда смерчем неслись.
Аманбол, мой сокласник, теперь ты, надеюсь я, понял,
Почему так похожа супруга твоя на Наргис.

Время катит свои вечно вдаль устремленные волны,
Вечность — это когда не приходится падать нам ниц.
Когда овцы твои растворяются в стаде — так больно,
Счастье вольных народов — в неслитности судеб и лиц.

Феномен «кара-улен» в данное время достаточно исследован в республике. Особо следует отметить капитальную монографию Акселеу Сейдимбекова «Тысяча и одна жемчужина».

В ней выявлены и жанровая природа, и сопутствующие моменты, и функции этого простонародного стиха. Так, сравнивая «кара-улен» с русской частушкой, латышской дайной и т. п., исследователь полагает, что «кара-улен» явился своеобразным регулятором многообразной жизни народа в эпоху его присоединения к России, т. е. в 18 веке.

Здесь, пожалуй, можно согласиться только с тем, что «кара-улен» — это поздний жанр, а значит, безусловно, должен содержать в себе какие-то заимные, маргинальные черты.

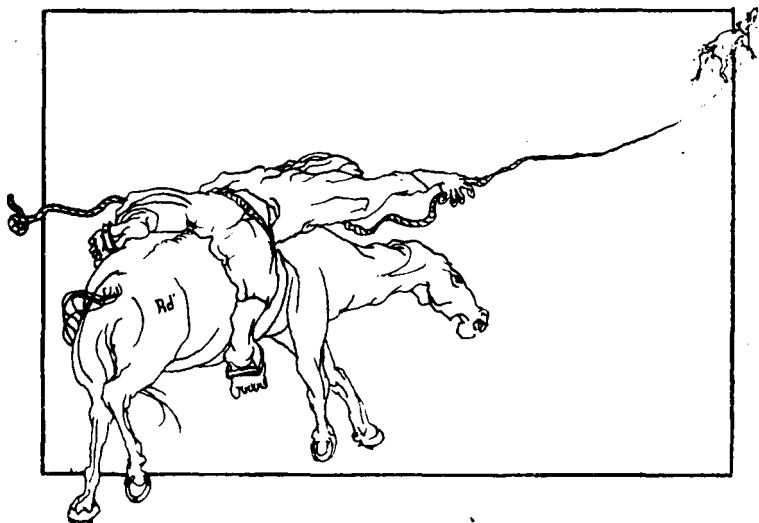
Если не полениться войти в историю вопроса, мы увидим, что так оно и есть.

По определению Чокана Валиханова: «Кара-улен — обыкновенная песня, она состоит из четырехстиший, заключающих в себе каждое отдельную идею. Эти песни поются более для голоса. Часто четырехстишие не имеет никакого смысла» (Собр. соч., т. 1, с. 280, Алма-Ата, 1984 г).

Дело в том, что 18 век для казахов — это эпоха пересотворения народа вольного и кочевого в народ полуседлый и зависимый. Это не только эпоха борьбы с джунгарами, но и эпоха утраты того гордого духа, который позволял сказать, например, Казтугану:

Сквозь тучи луну разглядевший,
Сквозь марево солнце разглядевший,
Пройдя сквозь кольцо мусульман и неверных,
веру разглядевший,
Я — Казтуган, сын Суюниша!

«Кольцо мусульман и неверных» сжималось все плотнее, а с ними приходила и их культура. Причем не из первых рук, а опосредованно, через татарских мулл, которые сами получили ее в суррогатном виде. В степи получают широкое рас-

Рисунки Рустема РАХИМЖАНОВА.

ространение суфийские и прочие поэмы о религиозных подвигах и бессмертной любви. Доходит до того, что в 19 веке, как пишет Абай, казахи «производят себя» от арабов. Так постепенно и форма четверостиший — рубаи начинает считаться исконно казахской.

Но «кара-улен» — это настолько гипертрофированное подражание чужой форме, что безнадежная ее профанация как бы перерождает форму, пересоздает ее, вливая буйное вино народного самовыражения в старые мехи сухого дидактического рубаи.

Этот мир, если вдуматься, просторный дворец,
Я зрением ослаб, смотря на его великолеpie.
Не клевети на судьбу и на Тенгри,
Если ты настоящий джигит,
то добудешь удачу и счастье.

Как видим, зачин — суфийский, а содержание — языческое.

Что касается регуляторской функции «кара-улен», то тут исследователь явно пережал перо. «Кара-улен» не имел сакрального значения. Это были искрометные импровизации, исполняющиеся по поводу — на молодежных посиделках, в шуточных спорах на самые разные темы.

Народ устал от мрачных предчувствий поэзии жырау и захотел сиюминутного личного самовыражения. Конечно, комплекс идей «кара-улен» был ограничен, одни и те же темы

варьировались на сотни ладов, использовались свои и чужие заготовки. Но все это не отражалось на атмосфере игры и молодечества.

А. Сейдимбеков прав по большому счету, когда выступает против кажущейся бессмысленности начальных двустий «кара-улен». Разумеется, они употреблялись не для связки слов, а несли полновесную семантическую нагрузку. Но чтобы почувствовать это, их надо воспринимать в контексте национального менталитета.

У меня есть камча незаплетенная,
Которую я еще не давал никому заплести.
Давай с тобой, милая, познакомимся,
Откуда ты взялась такая красивая?!

Здесь все будет понятно, если вспомнить, что в степи камчу давали заплести лишь даме сердца. И таких подспудных ассоциаций в поэзии «кара-улен» — мириады.

Даже великий реформатор Абай не гнушался формой «кара-улен», ценя в ней гибкость, чуткость и постоянную готовность к самовоспламенению и самовозрождению.

Таким образом, «кара-улен» — это и деградация, и возрождение. Деградация в плане потери эпической мощи жырау и возрождение — в смысле пересоздания на народный лад «высокомудрой» формы персидских рубай.

В явлении «кара-улен» поэты-воители снимают с себя доспехи и облачаются кто во что горазд, лишь бы не считаться

голым. Это момент схождения богов на землю, эпоха превращения мифологически-эпического сознания в обыденно-бытовое. Это, действительно, жемчуг, но жемчуг, требующий огранки. Этим и занималась последующая казахская поэзия вплоть до Мукагали Макатаева.

Ауезхан КОДАРОВ.

О, МИР, БЕЗ УСТАЛИ Я ГНАЛСЯ ЗА ТОБОЙ...

* * *

О, мир, без усталости я гнался за тобой,
Но ты, как рыба, ускользаешь все.
То повернешься ты спиной, то лицом.
Так и не смог я разглядеть тебя.

* * *

Летит по небу орленок,
Бежит по ущелью красная лиса.
И хоть она убегает, а он преследует,
Ее страх не означает, что она умрет без предопределения.

* * *

Откуда взяться стихам, если не было бы слов,
Кто ведет нас по жизни, если не зрение?
Какая может быть радость в этом бренном мире
Без искусного джигита и девушки?

* * *

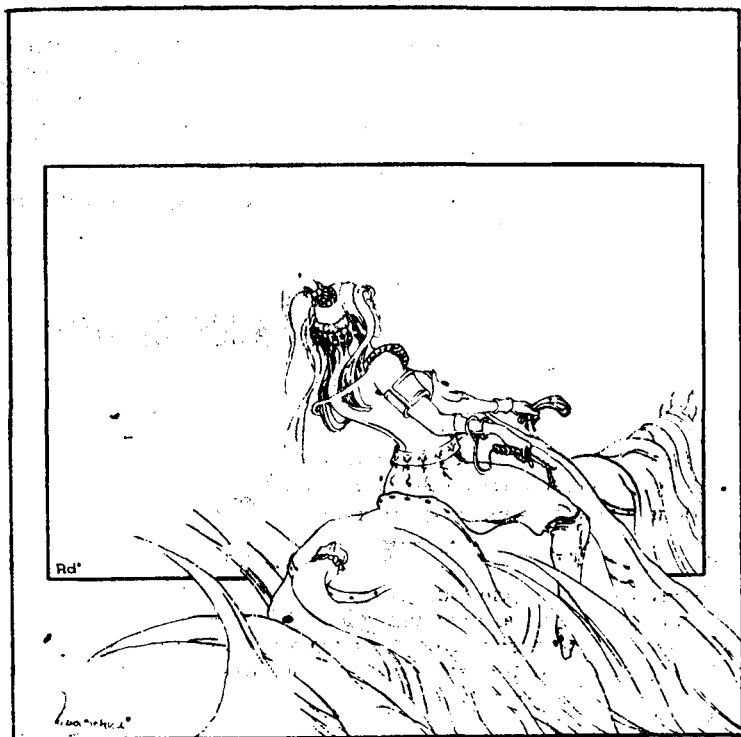
Коня украшает сбруя,
За миром не угонишься, как ни старайся.
Если запятнал свою честь, подобную белой рубашке,
Разве ее отмоешь водой?!

* * *

Луна на небе, чем полнее, тем больше сияет,
Чем лучше живется смертному, тем больше в нем гордыни.
Если гнев сравнить с ножом, то разум подобен палке,
Что останется от палки, если ее строгать и строгать?..

* * *

Как не радоваться, имея серо-вороного коня,
Напрасна жизнь, когда в ней нет веселья и игры.
Юность, сверкая и поблескивая, подобно лезвию сабли,
Проходит в мгновение ока.

* * *

Мой аул расположен посреди ковыля.
Ковылем мне, что ли, перепоясаться?
За той порой, когда мне было 25,
Погнаться мне, что ли, на двух сменных аргамаках?!

* * *

Да буду жертвой твоих зрачков,
Меж бровей твоих уместил бы я свое послание к тебе.
Да буду жертвой твоих тонких пальцев,
Снявших с тебя дорогой мне бешмет.

* * *

Золотыми серьгами заложила уши,
С утра роса кропит мои икры.
Живу рабыней данного слова,
Передай же привет моему дорогом.

Подстрочный перевод с казахского Ауэзхана КОДАРОВА.

В ЦАРСТВЕ ПОЭТИЧЕСКИХ МИСТЕРИЙ

Стихи Башлачева — это своего рода поэтические мистерии, каждое действие которых рождает и совершенствует культ слова.

Все древние мистерии человечества, так или иначе, имели целью слить часть с целым, индивидуальное сознание с Абсолютным Разумом, мимолетное соединение с которым давало мисту шанс заглянуть в загадочные, недоступные простому смертному сферы бытия. Посвященные в мистериальные таинства, расширяя пределы познания, обретали «идею жизни», открывали новый, более глубокий смысл своего существования в условиях реального мира. Согласно представлениям древних, человек — важнейшее звено Природы — в потенции своей уже обладает основами Великого Знания, которое, однако, может проявиться только посредством мистического слияния с демиургом, и тогда человек находит себя, выступая из хаоса недосказанности и мерцаний.

В поэтическом мире Александра Башлачева аналогичные метаморфозы происходят со словом — важнейшим элементом текста, — которое, будучи носителем той или иной информации, обнаруживает в своей фонетической структуре наличие иного, более совершенного смысла. Вычленив эту «идею слова» поэту удастся путем соотнесения двух созвучных слов, из которых одно дает смысл другому:

Хоть смерть меня смерть,
Да хоть держись меня, жизнь...
(«Когда мы вдвоем»)

или

Зима жмет земное. Все вести — весной.

(«Тесто»)

Аллитерация, активно используя Башлачевым в своей основной функции — выделять и скреплять значимые слова, — помимо того есть действенный способ извлечения из слова закодированного в его буквах истинного смысла.

Особенность поэтического языка Башлачева в его подвижности, за счет которой и возникает неповторимая полифония смыслов.

Пока пою, пока дышу, дышу и душу не душú,
В себе я многое глушу — чего б не смыть плевка?

(«Случай в Сибири»)

Отнюдь не случайно в данном случае расположение слова «душа» между словами с диаметрально противоположными значениями: «дышать» и «душить». С одной стороны — жизненно важное свойство человека и организма вообще — способность дышать, а, следовательно, жить, а с другой — действие, перекрывающее доступ кислорода в легкие, а, следовательно, несущее смерть. И между этими, столь разными понятиями, помещается «душа» — единственно подлинная ценность человека, находящаяся в центре извечной борьбы жизни и небытия.

Еще одно важное связующее звено поэзии Башлачева и мистериальных культов — смерть, являвшаяся для посвящаемых в древние таинства первейшим средством освобождения духа и сознания от власти плоти, а для Башлачева — постоянным, пугающим своей почти реальной осязаемостью, фоном, на который проецировалась проблематика его произведений. И даже если в отдельных стихах Башлачева не было ни строчки о смерти, ее зловещая тень виделась за каждым словом, за каждой мыслью. Ощущение близости смерти, обостренное у поэта до предела, позволило ему с поразительной точностью предсказать обстоятельства собственной смерти:

Я знаю, зима — в роли моей вдовы.

(«Ночь плюет на стекло черным...»)

или

Рекламный плакат последней весны

Качает квадрат окна.

(«Все от винта!»)

Мистериальная «смерть» неизбежно венчалась «воскрешением», делавшим уход миста из мира иллюзорным и кратковременным, свою же смерть Башлачев, не любивший обманчивых полутонов, решил увидеть реально — он уходил, чтобы не вернуться. И если мы не смогли, а может быть, и не за-

хотели охранить поэта от того трагического прыжка из окна питерской квартиры, так давайте хоть теперь вернем свои долги и с запоздалой, но искренней благодарностью прикоснемся к поэтическим сокровищам Александра Башлачева.

Валерий ШАПОВАЛОВ.

18 февраля исполняется 5 лет со дня трагической смерти Александра Башлачева — поэта, музыканта, исполнителя. Он ушел, когда ему было всего 27. Ушел, не прощаясь, оставив после себя около 60-ти песен, каждая из которых есть попытка проникнуть в таинство русского слова. Памяти поэта посвящается эта публикация.

Александр Башлачев

Вечный пост

Засучи мне, Господи, рукава!
Подари мне посох на верный путь!
Я пойду смотреть, как твоя вдова
В кулаке скрутила сухую грудь.

В кулаке скрутила сухую грудь.
Уронила кружево до зари.
Подари мне посох на верный путь!
Отнесу ей постные сухари.

Отнесу ей черные сухари.
Раскрошу да брошу до самых звезд.
Гори-гори ясно! Гори
По Руси, по матушке — Вечный пост.

Хлебом с болью встретят золотые дни.
Завернут в три шкуры да все ребром.
Не собрать гостей на твои огни.
Храни нас, Господи!
Храни, покуда не грянет Гром!

Завяжи мой глас песней на ветру!
Положи ей властью на имена!
Я пойду смотреть, как твою сестру
Кроют сваты втемную, в три бревна.

Как венчают в сраме, приняв пинком.
Синяком суди да ряди в ремни.
Но сегодня вечером я тайком
Отнесу ей сердце, летящее с яблони.

Пусть возьмет на зуб, да не в квас, а в кровь,
Коротки причастия на Руси.
Не суди ты нас! На Руси любовь
Испокон сродни всякой ереси.

Испокон сродни черной ереси.
На клинках клялись. Пели до петли.
Да с кем ни куролесь, где ни колеси,
А живи как есть — в три погибели.

Как в глухом лесу плачет черный дрозд.
Как присело солнце с пустым ведром.
Русую косу правит Вечный пост.
Храни нас, Господь, покуда не грянет Гром!

Как искали искры в сыром бору.
Как писали вилами на Роду.
Пусть пребудет всякому по нутру.
Да воздастся каждому по стыду.

Но не слепишь крест, если клином клин,
Если месть — как место на звон мечом,
Если все вершины на свой аршин,
Если в том, что есть, видишь, что почем.

Но серпы в ребре, да серебро в ведре
Я узрел не зря. Я — боль яблока.
Господи, смотри! Видишь? На заре
Дочь твоя ведет к роднику быка.

Молнию замолви, благослови!
Кто бы нас ни пас, Худом ли, Добром,
Вечный пост, умойся в моей любви!
Небо — с общину.
Все небо — с общину.
Мы празднуем первый Гром!

Посошок

Эх, налей посошок да зашей мой мешок —
На строку — по стежку, а на слова — по два шва.

И пусть сырая метель мелко вьет канитель
И пеньковую пряжу плетет в кружева.

Отпевайте немых! А я уж сам отпою.
А ты меня не щади — срежь ударом копыя.
Но гляди — на груди повело полынью,
Расцарапав края, бьется в ране ладья.

И запел алый ключ. Закипел, забурлил...
Завертело ладью на веселом ручье.
А я еще посолил. Рюмкой водки долил,
Размешал и поплыл в преисподнем белье.

Перевязан в венки мелкий лес вдоль реки.
Покрути языком — оторвут с головой.
У последней заставы блеснут огоньки,
И дорогу штыком преградит часовой.

— Отпусти мне грехи! Я не помню молитв.
Если хочешь, стихами грехи замолю.
Объясни — я люблю оттого, что болит,
Или это болит оттого, что люблю?

Ни узды, ни седла. Всех в расход. Все дотла.
Но кое-как запрягла. И вон — пошла на рысях!
Эх, не беда, что пока не нашлось мужика.
Одинокая баба всегда на сносях.

И наша правда проста, но ей не хватит креста
Из соломенной веры в «спаси — сохрани»,
Ведь святых на Руси — только знай выноси!
В этом высшая мера. Скоси-схорони.

Так что, брат, давай! Ты пропускай, не дури!
Да постой-ка, сдается, и ты мне знаком...
Часовой всех времен улыбнется: — Смотри! —
И подымет мне веки горячим штыком.

Так зашивай мой мешок да наливай посошок!
На строку — по глотку, а на слова — и все два.
И пусть сырая метель все кроит белый шелк,
Мелко вьет канитель да плетет кружева.

НЕСТИРАЕМЫЕ СТРАНИЦЫ

МУСУЛЬМАНЕ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КИТАЯ
И МОНГОЛИИ XIII—XIV ВЕКОВ

«За знаниями не ленитесь идти даже в Китай».
Пророк Мухаммад.

Социокультурная картина мира, как и геополитическая, никогда не была проста и однозначна. Это относится и к таким сложным конгломератам, как империи. Создаваемые в основном в результате кровавых завоеваний, в дальнейшем они зачастую несли завоеванным народам не только гнет, поборы, унижения, разрушение национальных культур. Нередко, в зависимости от личных склонностей владык, но особенно от объективных законов, объективных живых контактов, несомненной становилась и цивилизующая роль подобных государственных объединений. Примеры тому — не один Египет, Персия, Греция, Рим, арабский халифат, государства Тимура или Бабура, но даже то, что принесла монгольская экспансия. Тем более, что это не была, по сути, как известно, единая империя. Созданные в итоге походов объединения Чингизхана и его преемников являют собой пеструю картину во всех отношениях. Поэтому лишь отрицательный взгляд на некоторые из них как на «дикие орды» был бы исторически несправедлив. Спектр тут очень разнообразен: соответственным должно быть и отношение к реалиям жизни, к подлинной значимости явлений во всей их объемной светотени и сути последствий.

Завоевание Китая и превращение его в значительную часть Монгольской империи, а после ее распада — в Юаньскую империю, несомненно, сделало его как никогда прежде открытым

другим народам и цивилизациям Евразии. В Китай хлынули выходцы из многих стран исповедания ислама — Восточного Туркестана, Средней Азии, Казахстана, Ирана, Арабского Востока. Одних привлекали богатства «Срединной империи» и благосклонное отношение к иностранцам монгольских правителей, другие пришли как союзники в составе монгольских войск, третьих переселили в Монголию и Китай сами завоеватели. О последнем писал Плано Карпини, посол римского папы при дворе монгольского хана Мункэ: «В земле сарацинов (мусульман) и других, в среде которых они (монголы) являются как бы господами, они забирают самых лучших ремесленников и приставили их ко всем своим делам».

Еще первые великие монгольские ханы расселили в Монголии и во внутреннем Китае несколько десятков тысяч мусульман из Средней Азии. Например, в Каракоруме, столице Монгольской империи XIII века, «имеются два квартала: один сарацинов (мусульман), в котором базар, и многие купцы стекаются туда из-за двора, который находится постоянно вблизи него, и из-за обилия послов... (т. е. тех стран, из которых прибывали купцы.— А. К.) Там находятся две мечети, в которых провозглашают закон Магомета...» Каракорум населяло множество мусульман: тюрок, таджиков, персов, арабов. Здесь все было в брожении и становлении, здесь сталкивались разные религии и культуры, при великоханском дворе устраивались диспуты между миссионерами разных вероисповеданий, активными участниками которых были приверженцы Аллаха¹.

Великий средневековый историк Рашид-ад-дин сообщает о тысячах ремесленников-мусульман из Самарканда, основавших город Сымали в северном Китае. Город прославился большими садами, выращенными по типу самаркандских. Китайские источники упоминают о существовании этого города в 1331 году, через 100 лет после закладки. Многочисленны данные о мусульманах — деятелях китайской и монгольской культур эпохи Юань, выходцах из стран ислама². Подробно говорится о знатке учения Конфуция Найсяне из тюрок-карлуков, обитавших в Семиречье — на юго-востоке Казахстана. Ранее Найсян исповедовал ислам, затем буддизм. Сохранилось множество стихов и сведения о десяти его крупных литературных произведениях. Например, поэмах «Инчжоу-лаовэнь» (Старец из Инчжоу), «Сичзаолан» (Люди с Запада), «Чаоху» (Птичьи озера), «Синьсянвэн» (Старая женщина из новой деревни). Китайские источники упоминают других карлуков-мусульман: Садаллаха — юаньского писателя и художника, Дашмана — члена юаньской академии Ханьлинь. Деятелем юаньской культуры был ученый конфуци-

¹ См.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 58, 173 и др.

² См.: Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения в 9 томах. М., 1963, т. 1, с. 45.

нец, мусульманин Абдулла, выходец из тюрок-аргынов, обитавших на берегах Амударьи.

Определяя роль мусульман — выходцев из Азии — при дворе Чингизхана и его ближайших преемников в еще зарождавшемся монгольском государстве, В. В. Бартольд подчеркивал, что они были здесь «первыми представителями культуры». Ряд мусульман служили в канцеляриях монгольских ханов. Среди знатоков уйгурской письменности, на которой велось все делопроизводство в монгольской империи, упоминается Ходжа Фахруддин Бишишти, который получил назначение в ставку Мункэ-хана, а его прежнее место в канцелярии наследовал сын Хиссамуддин Хусейн. Хотя он и был самым младшим из сыновей Ходжи Фахруддина, но знал монгольский язык и его алфавит, основанный на уйгурской письменности. Должность «главного писца»-секретаря (улуг битикчи) при Батухане (Батые) исполнял мусульманин Ходжа Наджмуддин¹.

Эта важная роль сохранялась и после создания империи Юань — монгольского государства на территории Китая, части Восточного Туркестана и Монголии: «Около столетия прошло с той поры (т. е. со времени создания монгольской империи), и сейчас многие из них (мусульман-азиатов), расселившись в разных уголках нашей страны, изучают оды, историю, трудятся над составлением посланий... Ученые Хотана, Аравии и Самарканда... устремляются к столице» (Китай)².

Интересен вопрос о роли языков мусульманского мира в культурной жизни Китая и Монголии XIII—XIV веков. Согласно «Юань-ши», «на первом году Чжи Юань (1263)... были учреждены академия Ханьлинь и Ханьлинь-гоши-юань (государственной истории)... На 26 году (1289) пяти чиновникам было поручено организовать преподавание языка истифи... на первый год Янь-Ю (1314) было учреждено Хуэй-хуэй Гоцзы-цзянь сюз (мусульманское государственное учебное заведение) при ведомстве по делам образования, а те люди, которые отвечали за язык истифи, были направлены туда работать...»

«Летом, в мае, на 26 год Чжи-Юань, Шицзу (Хубилай-хан), чиновники Шаншущена (Госсовета, т. е. правительства) высказали мнение, что язык истифи удобен для использования (в делопроизводстве)...»

«В настоящее время Ифудехэлудин (Ифтихар-ал-дин) из академии Ханьлинь знает этот язык. Я (император) полагаю, вы предоставите ему пост сюеши (высокая ученая степень). Всем сыновьям сановников и богатых людей следовало бы изучать этот язык каждый день...»

«(Этот) язык был удобен для управленческих функций и для проверки чисел. Было приказано учить его по системе, принятой в академии. Располагалось это учебное заведение в столице. Все переводчики отбирались из этого заведения»³.

¹ Юань-ши (История Юань). Пекин — Шанхай, 1958, с. 387.

² Там же, с. 978.

³ «Путешествие в восточные страны...», с. 89.

Как видим из текстов «Юань-ши» и «Путешествия...», юаньский двор учредил специальный исламский государственный университет в 1289 году и трансформировал его в целое мусульманское ведомство образования в 1314 году, где «преподавался язык истифи и практиковались только переводчики мусульмане».

Но что же это за язык «истифи» — фарси или арабский? Современные китайские ученые исследовали этот вопрос и пришли к выводу, что речь идет о персидско-таджикском языке. Историк Хань Жулинь в подтверждение приводит такое доказательство. В 1246 году великий хан монголов Гуюк вручил Плано Карпини послание, написанное по-монгольски на уйгурском письме и с параллельными текстами по-латыни и на «сарацинском» (мусульманском) языке. Этот так называемый «сарацинский» текст сохранился в архивах Ватикана и оказался персидско-таджикским.

Целый ряд тогдашних источников упоминает о некоем «Машудине (Маджи-ад-дине), который занимал высокие должности помощника министра, а затем министра во второй половине XIII века. Он же был переводчиком и преподавателем «языка истифи», о чем говорится в «Юань-ши»¹. А другой источник свидетельствует: «Некий переводчик Маджи-ад-дин. Он перевел много книг... Он писал много трудов на пусу-мань-цзы («мусульманский язык») деревянной ручкой (каламом)».

Итак, персидско-таджикский язык стал официальным, третьим по значению языком в государственной канцелярии империи Юань после монгольского на уйгурской письменности и китайского. Следы культурного влияния фарси являются некоторые слова, заимствованные монголами и китайцами эпохи Юань, например: баг-бай (сад), дашман — дашмань — да-нишманд (мусульманский священнослужитель), делимиши — дермиши — дервиш (священнослужитель-отшельник), намасы — намаз (мусульманский обряд, молитва) и т. д. Хотя некоторые эти термины пришли в фарси из арабского, но в китайский язык они проникли через фарси в юаньский период. Что касается свидетельства китайских источников: «язык истифи очень удобен для нужд правления при проверке цифр» и цифры «в истифи удобны были для всех (знающих и не знающих этот язык)», то речь скорее всего идет об арабских числах, используемых не только в фарси, но, как известно, перешедших в мировую систему счисления. Распространение арабских цифр в Китае в ту эпоху, таким образом, было связано с расширением сферы деятельности фарси в империи Юань.

О высоком статусе персидско-таджикского языка как официального свидетельствуют и известные пайцзы — особые знаки отличия, символы государственной власти. Текст на них,

¹ См. также: Ян Чжи Цзюй. Место мусульман в управлении Юань. Сб. Исторические исследования, 1984, с. 112—135.

удостоверявший высокие полномочия обладателя, давался на трех языках, в том числе и на фарси¹.

Причины такой роли ясны: ведь в восточной части исламского мира — Иране, Афганистане, Индии, Средней Азии — арабский язык не смог вытеснить фарси даже из сферы религиозных ритуалов, и персидско-таджикский язык долго продолжал оставаться основным культурным языком этого региона мусульманского мира.

Однако имел определенное распространение при монголах и в Юаньском Китае арабский язык. Надгробные камни с арабскими надписями, датированные началом XIV века, открыты китайскими археологами. Обнаружены стелы с арабским текстом, установленные между 1300 и 1365 годами. Интересны также найденные вблизи Цюаньчжоу земельные акты 1336—1366 годов.

Но вернемся к выдающимся личностям. Из знатных фамилий мусульманского происхождения, хорошо знакомых с китайской культурой, знатоков учения Конфуция, обращает на себя внимание семья выходца из Бухары — Сейид-Аджаль (Сайдяньчжи) и его сыновья Шамсутдин (Шаньсыдин) и Хусейн. С их именами связаны строительство конфуцианских храмов, водохранилищ, соби́рание книг по истории, развитие сельского хозяйства. Среди мусульман, достигших высот китайской учености, источники упоминают Динхоняня, проявлявшего интерес к медицине, дыхательным упражнениям и лекарственным растениям; Као Кэгуна и Садулу, писателей и художников; историка Омара — уроженца Алмалыка, города в Илийском регионе. Из китайских поэтов той эпохи известны мусульмане Бегликшах, Али Яоцин и его сын Ли Сиин. Дин-ефу или Убайдулла был видным юаньским художником и каллиграфом².

Очень интересна личность и судьба Динхоняня, чей прадед Алладин и дед Хуснутдин жили в Средней Азии. Отец Динхоняня Джамалуддин был чиновником на монгольской службе в китайском городе Учане. Динхонянь, он же Юн Гэн и Хэ Шань, прославился и как поэт, автор стихов «Хайгоцзи» (Дом у моря) и «Фан-Вайцзи» (О странах вне Китая), воспевавших красоту земли, жизни и человека. Он много путешествовал по Китаю. Статьи, конфуцианское классическое образование он получил благодаря содействию двоюродного брата Зияутдина — уездного начальника провинции Чжэцзян. Китайские источники пишут о Динхоняне, что «он был очень талантлив и высокообразован». Динхонянь сохранил свое высокое положение и после падения монгольской династии Юань при китайской династии

¹ См.: Крюков М. В., Малявин В. В., Сафронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987, с. 44.

² См.: Мин-Ши (История Мин). Пекин — Шанхай, 1958; Ху Ци-ван. Сведения об исторических личностях нацменьшинств Китая. Пекин, 1985.

Мин. Вероятно, поэтому его биография помещена в знаменитой «Мин-ши» (История династии Мин).

...В начале XIII века дед Као Кэгун, купец из Средней Азии, переезжает в Китай в провинцию Шэнси и женится на китаянке. Отец Као Кэгун по имени Каоцзяфу находился в ближайшем окружении основателя империи Юань Хубилай-хана; всеильный министр которого мусульманин Ахмед, также уроженец Средней Азии из местности к юго-востоку от современного Ташкента, в знак уважения к Каоцзяфу отдал ему в жены дочь. Из пяти детей от этого брака старшим сыном и был Као Кэгун, он же Янь Цзин и Фан Шань. В 27 лет он успешно сдал экзамены и получил ученую степень цзиньши, а затем стал чиновником при отделе указав Либу-шаншу (министерство ритуалов и церемоний). Частые служебные поездки по стране помогли ему установить тесные связи с известными учеными, писателями и художниками, что сыграло немалую роль в его творчестве. Наиболее известно его поэтическое произведение «Фан-шань-цзи» (Дом в горах), а в антологию «Избранные стихи династии Юань» включено более 20 стихов поэта. В последнее время в научной литературе, в том числе китайской, появляются материалы, свидетельствующие о том, что «в период династии Юань и Мин появилось много писателей, драматургов, поэтов, ученых, художников, таких как Динхонянь, Као Кэгун, Садула и другие, которые, имея свой стиль, внесли активный вклад в обогащение истории культуры Китая»¹.

Садула, он же Тянь Си и Чжи Гай, был родом из военной семьи. Его отец Ялауч (Алчуци) поселился в Ямыне (современная провинция Шаньси) в период правления Хубилай-хана. Садула родился в 1308 году. Китайские источники говорят, что «талант его стихов беспределен, а почерк письма весьма искусен». В 1327 году он тоже стал цзиньши и получил должность при юаньском дворе, а впоследствии стал известным придворным поэтом и художником.

Среди градостроителей юаньской столицы Ханбалыка или Дайду (современный Пекин) при Хубилай-хане заметную роль играли персы или арабы Якдар (Ехэйдар) и его сын Мухаммедшах (Махэмашао). Якдару было поручено возглавить строителей и ремесленников из числа «сэму» (т. н. «цветноглазых» — выходцев из стран к западу от Китая), которые сооружали специальные шатры и дворцы для монгольских правителей Китая.

В 1267 году Якдар и его люди приступили к строительству новой столицы. Под его руководством была построена внешняя крепостная стена города, а за ней еще соорудили две внутренних, чтобы защитить императорский город и резиденцию великого хана.

¹ Усманов И. С. О писателях и поэтах Китая — выходцах из стран Ближнего Востока, Ирана, Средней Азии. XX научная конференция «Общество и государство в Китае», ч. 2. М., 1989, с. 246.

В последние годы правления династии Юань заметно выделяются ученые братья Худубудин, Мула-ад-дин и Хайруддин. Из мусульман, выходцев из Бухары, в Китае были также алхимики, о чем свидетельствует Рашид-ад-дин: «Некий ученый по прозвищу Риза из Бухары постоянно находился при нем (Тимуркаане, монгольском императоре Китая, годы правления 1295—1307) и претендовал на знание алхимии, белой и черной магии...»¹

Выходцы из стран ислама, конечно, не только перенимали китайскую культуру, но и сами оказывали влияние на ее развитие. Один из крупных деятелей — преподаватель персидского и арабского языков в мусульманских учебных заведениях юаньского Китая, переводчик с фарси на монгольский индийского литературного памятника «Панчатантра» — Ифтихар-ал-дин. Он был приглашен еще великим ханом Угэдзем, сыном Чингизхана, в учителя к внуку Чингизхана, Мункэ, ставшему впоследствии великим ханом единой Монгольской империи. Сын Ифтихар-ал-дина Убайдуллах получил мусульманское образование в Ханбалыке, изучил фарси и арабский, а затем преподавал их. Убайдуллах, кстати, был женат на сестре Као Кэгуна²

Наиболее весомый вклад мусульмане внесли, пожалуй, в развитие математики, астрономии и медицины. При раскопках дворца правнука Чингизхана Мангала, третьего сына Хубилайхана, была найдена железная таблица с «магическим квадратом», записанным арабскими цифрами. находка датируется примерно 1273 годом.³

Есть много точных свидетельств о широком использовании мусульманского календаря в Китае в этот период, так как «в календаре Сиюй (Западного Края — стран западнее Китая) пять планет описаны тщательнее, чем в Китае, и поэтому был составлен календарь Мадаба. Мадаба название мусульманского календаря», в котором периоды солнечных затмений в пути движения звезд отличались от китайских. На этой основе Елюй Чуцай, видный ученый и государственный деятель Монгольской империи, исправил ошибки, накопившиеся в китайских календарях⁴. Известно также, что исправлением китайского календаря уже позднее, при дворе Хубилай-хана, занимался и персидский астроном Джамаль-ад-дин. Его расчеты и таблицы использовались в системе счисления времени в Китае с XIV века. Он предложил новый, более точный календарь, известный под китайским названием Ваньянь-ли (Календарь десяти тысячелетнего исчисления). Джамаль-ад-дин прибыл в Китай из монгольского государства ильханов-хулагуидов в Иране в 1267 году по приглашению Хубилая. Он преподнес в качестве даров юаньскому

¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.-Л., 1952, т.2, с.195

² Там же.

³ См.: Ся Най. Археология и история науки и техники. Пекин, 1979, с. 63—68.

⁴ См.: История Юаньской династии. В 2-х томах, под редакцией Хан Жулия, Нанкин, 1986, с. 400—446.

двору солнечные часы, земной и небесный атласы, астрономические приборы. В «Юань-ши», в разделе «Астрономия» эти приборы носят персидские названия.

Через четыре года, в 1271 году, Хубилай-хан специально учредил высшую школу мусульманской астрономии, где китайский ученый Го-Шуцзин использовал расчеты, таблицы и другие достижения персидских, среднеазиатских и арабских ученых, в том числе для разработки календарей времен года и сельскохозяйственного. У восточной крепостной стены юаньской столицы астрономами-мусульманами была построена обсерватория. Другим их вкладом явился «Хуэй-хуэй синли» (Мусульманский звездный календарь), ставший признанным достижением китайской культуры всей эпохи Юань.

Данные мусульманских ученых были использованы китайцами при составлении в этот период новых карт мира, на которых весьма точно изображались Азия и Европа. К известным юаньским ученым-географам и картографам принадлежал выходец из Средней Азии Шамсы.

Получила распространение мусульманская медицинская школа. Лекарственные препараты из Средней Азии и Ирана, арабских стран до сих пор используются в китайской медицине. С юаньских времен до наших дней сохранился составленный мусульманами труд «Хуэй-хуэй яофан» (Мусульманские лекарства) в тридцати шести цзюнях (главах), написанных на персидско-таджикском и китайском языках. Есть предположение, что в составлении этого фундаментального труда в разное время приняли участие Динхонянь и Ифтихар-ал-дин. На китайский с арабского были переведены труды известного египетского врача Ибн-ал-Байтара. В библиотеке канцелярии юаньского двора, среди обширного собрания мусульманских книг, находился и трактат по медицине «Врачебный канон ал-Канунфи-ал-Тибба». Всего в библиотеке юаньского двора имелось 36 томов мусульманских медицинских рецептов. В летней столице юаньских правителей городе Кайпине, или Шанду, в северном Китае были созданы медицинские учреждения, подчиненные ведомству Куан-хуэй-сы (Императорские госпитали) и первоначально укомплектованные только мусульманскими врачами. Монгольские правители вообще с большим уважением относились к медицине как к достойной и полезной профессии. И для этого у них были основания. По свидетельству мусульманского историка ан-Насави, «Самаркандский глазной врач (каххал) Зайн когда-то вылечил глаза неверного (Чингизхана) от офтальмии»...¹

Хубилай-хан, страдавший подагрой и другими тяжелыми болезнями, был особенно благосклонен к врачам. В 1285, 1288, 1290 годах он отправлял послов в мусульманские страны искать не только драгоценности, но также способных ремесленников

¹ Шихаб-ад-дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джелал-ад-дина Манкбурны. Баку, 1973, с. 63.

и медиков. Среди его придворных лекарей были мусульмане. В 1292 году в двух юаньских столицах Дайду и Шанду были учреждены мусульманские медицинские учебные заведения¹.

Персидско-таджикское и арабское влияние в эту эпоху сказалося даже на цветовой гамме и орнаменте знаменитого китайского фарфора периода Юань. В юаньском Китае пользовалась успехом западноазиатская музыка. При дворе мусульманские музыканты давали концерты во время аудиенций и приемов. Знаменитый путешественник Ибн-Баттута свидетельствует по этому поводу: «Куртай — главный эмир Сина (Китая)... Его сопровождали музыканты и певцы, которые пели китайские, арабские и персидские песни. Певцы исполнили одну персидскую песню и по приказу сына эмира несколько раз повторили ее так, чтобы я запомнил слова. У песни удивительный ритм». Приведенные Ибн-Баттутой слова этой песни оказались одной из газелей великого Саади Ширази.²

Говоря о большом влиянии мусульман при дворе монгольских правителей Китая, следует отметить, конечно, принятие некоторыми из Чингизидов ислама, например ханом Ананьда, который был ярким приверженцем ислама — по примеру известных Газан-хана, монгольского правителя Ирана, и Берке-хана, повелителя Золотой Орды, внука Чингизхана. У хана Мангала часто умирали дети, и поэтому воспитание сына Ананьды «поручили одному туркестанскому мусульманину по имени Мехтар Хасан Ахтачи. Жена этого человека по имени Зулейха выкормила его грудью, поэтому мусульманская вера укрепилась в его сердце и была непоколебима. Он учил Коран и очень хорошо пишет по-таджикски». Придя в 1297 году к власти в области Тангут на территории северо-запада Китая, Ананьда прежде всего «большую часть стопятидесятитысячного войска монголов... обратил в мусульманство». По данным того же Рашид-ад-дина, на него последовал за это донос императору Хубилаю. Ананьду на первый раз спасло лишь то, что его преданность и войска были нужны Хубилаю в борьбе за сохранение престола. И верховный хан по совету своей жены Кокчинхатун освободил Ананьду, взятого под арест, решив не обращать внимания на то, что «все войско и население области Тангут — мусульмане и упорствуют в этом», и предоставив Ананьде возможность «самому разбираться в своей вере». Преемник Хубилая император Тимурхан уже благосклонно относился к исламу, и при нем Ананьда «много радел о мусульманстве». Как писал Рашид-ад-дин, «Из положения Ананьды и его войска можно сделать вывод, что в ближайшее время дело ислама в тех областях достигнет совершенства и, по изречению Корана, «они

¹ См.: Рашид-ад-дин. Сб. летописей, т. 2, с. 206—209.

² См.: Ибрагимов И. Ибн-Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988, с. 37.

войдут толпами в веру Аллаха» и станут правоверными и единобожниками-мусульманами и их дети и внуки».

Интересно, что Рашид-ад-дин не ошибся: уже в XIV в. население области Тангут — китайцы, тангуты, монголы, тюрки, тибетцы, таджики, персы, арабы — слились в единую группу мусульман. При последующем воцарении национальной китайской династии Мин эта группа, правда, была полностью китаизирована, но составила в итоге основу китайских мусульман северо-запада страны, частью которых явились современные хуэй и дунгане, которые по происхождению — смесь ряда этносов. Судьба ислама в Китае вообще является уникальной в истории мировой цивилизации пример формирования этнической общности благодаря воздействию религиозного фактора — составной части духовной культуры.

В познании мусульманами монгольского мира и Китая заметный след оставил уже упомянутый прославленный путешественник Ибн-Баттута, представитель арабской ветви исламской цивилизации, широко известный в мусульманском мире. Бербер из марокканского города Танжера, Ибн-Баттута объездил множество стран, побывав и в Китае в сороковые годы XIV в. Его записки, отличающиеся правдивостью реалий и живостью изложения, оставили много свидетельств и о мусульманских колониях в столице империи, других крупных городах юаньского Китая — Гуанчжоу, Ханчжоу, Цюаньчжоу. Эти записки — важная веха в истории открытия монгольского и китайского миров исламской цивилизацией, один из ценнейших источников как по истории Китая и Монголии этого периода, так и по их многообразным взаимосвязям с исламским миром.

Таким образом приверженцы Аллаха — выходцы из разных стран следовали заветам своего пророка Мухаммада, который, как утверждают, говорил: «За знаниями не ленитесь идти даже в Китай».

Великий Шелковый путь, и как факт, и как символ, вновь, после создания Монгольской империи и до ее распада, соединил средневековые культуры Китая, Монголии и мусульманского мира, оставив яркий след в прошлом, не зарастающий и сегодня, в иных условиях и реалиях.

Рисунок Рустема РАХИМЖАНОВА.

ЭНКИДИАДА

Истории известна не только стабилизация племенных, региональных, государственных объединений, в процессе которой культура народа накапливается, обретает «затвердевающие» черты. Знакомы ей также периоды ускоренной, резкой динамики, когда рушатся прежние границы, а раздробленные миры в новых сочетаниях тянутся к новым типам консолидации.

И движение, и статика в единстве своем присущи человеку, нации, человечеству. Но в процессе исторического развития лишь главные вехи отмечены повсеместным брожением, в то время как существовали и существуют народы, для которых в движении, как для других в оседлости, — естественная реальность бытия. В этой связи можно говорить о двух типах движения — всеобщем и локальном. Первый из них сопровождает эпохальные перемены в мировой истории, и по отношению к нему приемлем принцип не разделения, а единства «человек: кочевник — оседлый». Что же касается второго, то здесь перед нами особый материк своеобразного мироощущения, во многом отличного от картины мира в культуре оседлых народов. Современное гуманитарное знание не перегружает себя изучением кочевья ни в типологическом (опыт кочевых народов), ни во всеобщем плане. Между тем кочевье — как состояние движения, перемен, кроме собственной специфики — одно из универсальных состояний общечеловеческой истории, и не только прошлой. Проблема «человек и пространство» остается актуальной и для современных поколений. Идея пути, одухотворившая сознание и художественное творчество кочевников, не может оказаться архаичной в век, когда так остро и многогранно стоит проблема выбора и динамизма.

Казахи — один из немногих народов, сохранявших до начала XX века кочевой образ жизни. В языке и художественном творчестве народа память об этом многовековом специфическом ритме существования свежа до сих пор. Эпос, песни, музыка, танцы, декоративно-прикладное и изобразительное искусство, памятники архитектуры казахов — на всем печать постоянного

движения, перемещений и рожденного ими своеобразного отношения к пространству и времени.

Чтобы увидеть в духовном наследии своего народа общечеловеческие ценности, современным казахам пришлось преодолеть в себе трудный психологический барьер, связанный с утвердившимся в научной и художественной литературе представлением о кочевниках как об однозначно мрачной силе истории.

«Уничтожение было стихией кочевников»¹; в лучшем случае, они лишь стихийные переносчики элементов культуры оседлых народов. Скифы, гунны, древние турки, монголы, орды «железного хромца» Тимура — недобрую память оставили они о себе в летописях. Но сейчас, листая страницы всеобщей истории — и ветхой, и не успевшей еще остыть, — мы видим и то, что кочевники не всегда были варварами-разрушителями и что далеко не только они могут быть синонимом слова «насилие». Настало время более спокойной, обстоятельной и объективной оценки историко-культурного наследия тюркских кочевых племен. Этого требуют историческая правда, верность принципам гуманизма и уважения к культуре каждого народа. Без учета этического и эстетического опыта кочевников картина мировой культуры будет не только не полной, но и неверной по существу.

В обобщающем изучении единого прошлого человечества не должна повториться известная история, которую библейские старцы, возможно, для того, чтобы отодвинуть от себя подальше тяжесть первопроклятия, отнесли ко временам первых людей, когда один из них, Каин-земледелец, убил брата своего Авеля, «пастыря овец».

* * *

...Разве навеки мы строим дома,
Разве навеки мы ставим печати,
Разве навеки делятся братья,
Разве навеки ненависть в людях...²

Это слова из монолога Утнапишти, аккадского Ноя, на долю которого выпало выжить во времена потопа. Изъятые из контекста, слова не потускнели. В них ясно слышен страстный призыв отбросить старые «печати», возродить единство братьев, искоренить ненависть в сердцах. Подобно самому Утнапишти, принятому в «собрание богов», когда яростные воды карающего потопа стирали прежний контекст жизни на

¹ Артановский А. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967, с. 166.

² Здесь и далее цит. издание: Эпос о Гильгамеше, М.—Л., 1961.

земле, извлеченные, освобожденные слова обретают новое звучание, величественное и актуальное. В родной стихии, в эпосе о Гильгамеше, точнее — в монологе Утнапишти, роль их несколько «скромнее», и звучат они элегично. «Ярая смерть не щадит человека», — так начинается монолог и завершается мыслью о том, что не люди, а боги определяют судьбу и что смерть всему кладет предел — и злу, и добру, и их противоборству.

«Эпос о Гильгамеше» («О Все-видавшем») — самая старая книга из всех существующих. Различные ее версии дошли до современности из глубины тысячелетий. В основе этого свода эпических поэм — «ниневийская» версия эпоса (VII — VI вв. до н. э.), одна из последних. Отличается ли она от еще более древних предыдущих? Сличение не входит в нашу задачу. Обратим внимание лишь на то, что в старых текстах («Гильгамеш и Гора живых», «Гильгамеш и небесный бык», «Гильгамеш и ива») герой Энкиду, «в степи рожденный», выступает в роли раба Гильгамеша — царя «огражденного Урука», тогда как «ниневийская» версия именует его другом и братом Все-видавшего.

Столетия и народы вчитывались в глиняные таблицы древнейшей поэмы и находили в них то, что искали. Эпос щедр, потому что высокохудожествен. Поиски «самого главного» в нем теряются, как одинокий путник в вечерней степи. Мудрый, как жизненный опыт, эпос трагично логичен. Гильгамеш, восставшего против воли богов, эпос проводит по кругу испытаний и возвращает в Урук смирившимся. Но не капитуляции героя («Да отступлю я!») посвящаются самые поэтичные, вдохновенные строки, а неожиданно, казалось бы, горестному плачу его об умершем друге:

—

Как отец и мать в его дальних кочевьях,
Я об Энкиду буду плакать.
Внимайте же вы, мужи, внимайте,
Внимайте, старейшины огражденного Урука!
Я об Энкиду, моем друге, плачу,
Словно плакальщица, горько рыдаю:
Мощный топор мой, сильный оплот мой,
Верный кинжал мой, надежный щит мой,
Праздничный плащ мой, пышный убор мой, —
Демон злой у меня его отнял!

Боги Урука, боги Гильгамеша осудили Энкиду. Гильгамеш это знает, это знает эпос, и тем не менее — «Демон злой у меня его отнял!» Вопль скорби по распаду состоявшегося было братства двух стихий, кочевья и оседлости, персонифицированных в образах Энкиду и Гильгамеша, разрушает и логику, и форму скупого на развернутые метафоры эпоса, возносится к небесам последующих времен, оставляя богов и философские вопросы Гильгамеша о жизни и смерти на стеллажах аккадской старины.

Прозвучало «Рожден в степи...», и одно лаконичное упоминание побуждает внимательно отнестись к судьбе того, о ком это сказано.

Верный своей общей оценке поэмы как произведения с драматическим восприятием мира, ее русский переводчик и один из крупнейших исследователей эпоса И. М. Дьяконов отводит образу Энкиду исключительно функциональную роль, благодаря которой, по его мнению, индивидуальная судьба Гильгамеша обретает масштабность судьбы человеческого рода. «Энкидиада — совсем не лишнее звено в поэме», — соглашается И. М. Дьяконов и продолжает: «Образ Энкиду, друга и побратима героя поэмы, нужен автору с двух точек зрения: 1) Судьба Энкиду — судьба всего человечества. Подобно всему человечеству, он сотворен из глины, он пережил (обязательные для человечества, с точки зрения людей древнего Востока) периоды развития: невинную жизнь со зверьями, грехопадение, пастушескую жизнь, «городскую цивилизацию». Энкиду — не просто человек, он — типичный человек. 2) Судьба Энкиду — типичная судьба индивидуального человека. Подобно всякому человеку, Энкиду знал любовь женщины и дружбу с товарищем, совершал дела, подобающие мужу, и был побежден неизбежной смертью. Именно вследствие такой трактовки образа Энкиду восклицание Гильгамеша: «Не умру ли и я, как Энкиду?.. Разве когда-нибудь мертвый увидит сияние солнца?» — воспринимается не как выражение индивидуального переживания героя, а приобретает трагическое общечеловеческое значение, которое и делает поэму выдающимся произведением мысли...»

В этом восклицании Гильгамеша, по нашему мнению, нет величия. Ибо трагедия действительно общечеловеческого значения состоялась раньше. Кульминация ее — смерть Энкиду и плач Гильгамеша. В этом мощном реквиеме заключена составляющая первейшее условие трагического произведения искусства вера в непреходящую ценность того, что уходит. А этой веры нет в цитированных И. М. Дьяконовым словах Гильгамеша, только — безысходность, рефлексия надломленного сознания, отраженный гул прошедшей грозы... «Энкидиада» — не просто «не лишнее звено в поэме», но и не служебное: история Энкиду формирует весь философский и эстетический мир эпоса. Обратимся к самому тексту, перечитаем его, как обычно читаем художественную книгу, — внимательно, субъективно.

Энкиду рожден в степи. В друзьях у него — животные, вместе они ходят на водопой. Подобно уранидам, божествам стихий природы, он силен, наивен и добр. Когда друзья его попадают в ловушку охотника, он их освобождает. И резвится на лоне природы, наслаждаясь свободой, о которой вспомнит

перед смертью с тоской и проклянет все то, что стало между ним и днями степной воли.

Весть о нем, о его невероятной силе и странном образе жизни принес Гильгамешу тот самый охотник, силки и ловушки которого опустошал Энкиду. Так приходили испокон веков к царям городов и государствам купцы, владельцы караванов с жалобой на степных грабителей; так рождались легенды о кентаврах... Перед Гильгамешем встает проблема, что делать с этой разгулявшейся под боком силой. Эпос осторожно и мудро, через сны и напутствие матери, советует ему: стать другом и братом Энкиду. Встреча героев опосредована женщиной. Урук, город Гильгамеша, высылает к Энкиду блудницу Шамхат. Соблазн женщиной, ее миром: хлебом, печеным в золе, кувшинами крепкой сикеры — ведет Энкиду к пригородным пастухам, а затем и в самый город. Он потерял способность «бегать, как прежде»; но посмотрите, как встряхивается он по дороге в Урук, мобилизует усыпленные ласками Шамхат гордость и достоинство, чтобы войти в ограду вольным и сильным сыном родной стихии:

Закричу средь Урука: я — могучий,
Я один лишь меняю судьбы,
Кто в степи рожден, — велики его силы!

Традиция подобной самооценки хорошо знакома нам по поэзии кочевых тюрков. Личность в ней соотносит себя непосредственно со Вселенной. В земном пространстве кочевник ощущает себя независимым и беспредельно могущественным. «Я тучи, луну затмившие, разгоню, я солнце тусклое очищу», — говорил казахский поэт XV в. Казтуган.

Далее — мотив единоборства, традиционный для «степного» фольклора, причем схватка обычно в итоге примиряет соперников, делает их неразлучными друзьями, да и вообще считается, что не может быть крепкой дружба мужчин без хорошей предварительной потасовки... Так и Энкиду, несмотря на предостережение Шамхат («Энкиду, укроти свою дерзость!») и вразумление человека из города («Удел людей — подчинение высшим»), вызывает Гильгамеша и, под изумленный гул горбжан, вынуждает царя «преклонить на землю колена».

Нет: не диким человеком был Энкиду, древнейший эпос распознал это раньше других. Вот уже и старейшины города признают за ним не только физическую силу, большую, чем у самого Гильгамеша, а и особую мудрость, неведомую обитателям «огражденного Урука». Сведения о горном чудовище Хумбабе старейшины повторяют со слов Энкиду, который оказался и более информированным. И, благословляя после долгих колебаний Гильгамеша на неслыханной дерзости подвиг — убийство Хумбабы, они советуют: пусть идет вперед Энкиду, «ходивший путями, стезями бродивший». Только ли практическую сноровку сына природы имели в виду старейшины?

Кочевник строит свои отношения с окружающим миром, с пространством иначе, чем оседлый. Естественное состояние непрерывного движения, перемещений вырабатывает в нем знание законов пути, включающих в себя не только определенные практические навыки общения с экологической средой, но и целую систему этических норм, особую психологию и образ мысли. Одно из главных мест занимает здесь понятие «дорога». Казахи, например, желают удачи репликой «Жолын болсын!» — «Пусть состоится твоя дорога!», проклинают: «Жол урсун!» — «Пусть ударит дорога!» Если бы боги вознамерились вдруг сообщить кочевнику, как они сообщили однажды шуриппакийцу Утнапишти, о грядущем потопе или крушении гор, то, наверное, не стали бы шептать: «Стенка, стенка, запомни!», а сказали бы: «Запомни, дорога!» Старейшины Урука успокоились, когда Энкиду вдохновил Гильгамеша словами: «Дороги не бойся, на меня положишься... Безопасен тот, кто идет со мной!»

Трижды на пути к Хумбабе Гильгамеш видит страшные сны. Особенно ужасным был третий («Гора, что валилась, превратилась в пепел»), после которого заколебался Гильгамеш и предложил другу: «Спустимся в степь, совет устроим». Энкиду же ведет себя как истинный кочевник: каждый сон друга толкуя, напротив, как сулящий победу, а не беду. И это вовсе не фатализм наоборот. Не предопределение здесь «правит бал», а сам человек.

В тюркском фольклоре широко распространен слегка варьируемый мотив о снах и толкователе снов. По одному из вариантов, беременной женщине привиделась два напавших на нее волка. Встревоженная, она направляется в соседний аул к знаменитому толкователю. Тот в отъезде, и женщина рассказывает сон его невестке. Посочувствовала невестка, повздыхала — как привиделось, так и сбудется. Перепуганная женщина отправляется в свой аул. В это время возвращается домой толкователь снов, и невестка все рассказывает ему. Разгневался старик, посадил невестку на коня и, со словами: «Скажи, что родятся у нее два сильных и славных сына!», велел быстрее догнать женщину. В ближайшей лощине за аулом конь, летевший во весь опор, вдруг захрапел и остановился. Невестка увидела: на дороге — растерзанное тело женщины, а над ним — два волка. Так сбылось худшее?.. Нет, сон, по представлению тюрков, только сигнал возможного несчастья или возможной радости. Вещего, в европейском смысле слова, сна для кочевников не существует. Все зависит от первой реакции того, кто слушает, — от его активной воли!

* * *

Энкиду положительно толкует сны Гильгамеша, и герои в трудной схватке побеждают чудовище. Совсем иначе поведет себя Гильгамеш впоследствии в сходной ситуации, когда уже ему доведется толковать сон друга. Услышав о том,

что тот увидел во сне совет суровых богов Урука, решивших Энкиду умертвить, Гильгамеш залился слезами. «Сон этот вещий, хоть много в нем страха! — ужасается и скорбит он. — Страха в нем много, но сон этот вещий!»

Боги Урука, даже в лучшем расположении духа, относятся к Энкиду как к пришельцу, видят в нем чужого; Энкиду, со своей стороны, считается с ними лишь постольку, поскольку это боги его друга, не больше. Перед смертью Энкиду, мучительно вспоминающего, в чем же его вина, осеняет догадка, и на последнем дыхании он выкрикивает: «Друг мой, меня проклял бог великий!» Этим «великим» богом не мог быть никто из урукских богов. Шамаш — потому что сам участвовал во всех начинаниях героев, и это ему разгневанный Элليل бросил упрек: «То-то ежедневно в их товарищах ходишь!» Ану вменяет в вину герою совсем не то, в чем раскаивается умирающий Энкиду. Элليل тоже не мог им быть, потому что изначально был решительно настроен против Энкиду, следовательно, не мог в нем разочароваться и осудить проклятьем.

Элليل, сам жестокий Элليل, в необузданном гневe наславший на землю потоп, во время которого «человеки, как рыбий народ, наполняли море», отчего даже боги пришли в ужас и взроптали: «Как же, как, не размыслив, потоп ты устроил?» Элليل, бог земли и воздуха, царь богов и покровитель земных царей, произносит слова, мимо которых почему-то скользит внимание исследователей. Хотя тяжесть именно этих строк согнула не только Гильгамеша, но и весь эпос:

Издравле, Гильгамеш, назначено людям —
Землевладелец пашет землю, урожай собирает,
Скотовод и охотник со зверьем обитает,
Надевает их шкуру, ест их мясо,
Ты же хочешь, Гильгамеш, чего не бывало
С тех пор, как мой ветер гонит воды.

Хранитель устоев Урука, Элليل ощущает в своих владениях присутствие «скотовода» Энкиду как нечто противоестественное, неудобное и при первой возможности убеждает богов умертвить его. Гильгамеш после смерти друга бежит в «философском отчаянии» (по словам И. М. Дьяконова) в пустыню (чтобы подтвердить верность гипотезы И. М. Дьяконова о том, что главное в поэме — тщетность человеческой жизни), а эпос... и эпос отправляется вслед за ним.

...Но какой был праздник неодолимой мощи побратимов-героев, когда они, начистив до блеска оружие, облачившись в чистое, возвращались с гор, насадив на копье голову Хумбабы! Богиня Иштар, главная женщина земли и небес Урука, восхитилась Гильгамешем, предложила разделить с ней ложе.

Иштар — менее всего сладострастная женщина, хотя в пересудах Вавилонии фигурирует супругой бесконечного числа мужей. Она — богиня плодородия, само рождающее лоно земли.

Вбирать семя — ее естественное свойство. Она — праmaterь и гимн земледелия и поэтому — самый чуткий, настороженный и заботливый страж его статуса. Энкиду мешает ей, как и Эллилю. Гильгамеш породнился с миром, ей чуждым, с миром дальних дорог, голубого, без дождя, неба, естественной, лишь подстригаемой зубами животных, флоры.

Иштар возникает на пути героев и предлагает себя Гильгамешу. Но Гильгамеш — не Энкиду. Это Энкиду, увидев обнаженной ипостась Иштар — блудницу Шамхат, «забыл, где родился!» Гильгамеш же знает, что жрицы Иштар и сама богиня, отдаваясь, убивают в мужчине главное из его достоинств. Отправляя на встречу с Энкиду Шамхат, он знал, кто лишит блудница того связи с «великим богом», о котором перед смертью вспомнит Энкиду.

Задохнувшейся от гнева богине Гильгамеш хладнокровно перечисляет, что в антиподов самим себе превращала она всех, кого ласкала: птичке-пастушку крылья сломала, льву свободному вырыла ловушки, гордому коню судила «узду и плеть», пастуха-козлопаса превратила в волка и теперь «гоняют его свои же подпаски»...

Гильгамешу, увенчанному себя тиарой в знак победы над Хумбабой, есть чем дорожить в этом мире: у него есть Энкиду, есть что нести в себе высоко, так, чтобы не дотянулись руки обольстительной Иштар. Друзья отправляются обратно в Урук, а Иштар — к Ану, с требованием: «Отец, быка создай мне, пусть убьет Гильгамеша, за обиду Гильгамеш заплатится должен!»

Свирепого быка, в семь глотков осушившего Евфрат, встретили герои у стен Урука, отважно вступили с ним в бой и победили. Энкиду хорошо понимает, в чем смысл проделок Иштар, у него свои счеты с богиней. В то время, как Гильгамеш, упоенный новой победой, возится с рогами быка, чтобы наполнить их елеем и преподнести богам, Энкиду, показывая на убитого быка, грозит Иштар, взобравшейся на зубцы городской стены: «А с тобой — лишь достать бы, как с ним бы я сделал, кишки его на тебя намотал бы!» Он вырывает «корень быка», бросает в лицо богине.

Энкиду совершает ужасное святотатство: бык — пахарь и сеятель семян, «корень» его священен. Женщины Двуречья устраивали фаллические шествия, отдавая должное кумиру плодородящей земли. «Созвала Иштар жриц, блудниц и девок, корень быка оплакивать стали».

В этой, шестой, таблице глиняной книги достигает кульминации героическая линия эпической поэмы и вместе с тем обнажаются противоречия, воспринятые эпосом как неразрешимые. Апофеозом неодолимой силы единства и братства двух стихий звучит победная песня друзей:

Кто же красив среди героев?
Кто же горд среди мужей?

Гильгамеш красив среди героев,
Энкиду горд среди мужей!
Мы быка небесного гнали во гневе,
Не достигла богиня исполнения желания, —
Только наше с тобою исполнилось желанье!

Но боги остаются богами, и древний эпос не в силах им противостоять. В ночь пира по случаю победы над небесным быком Энкиду видит «вещий», по определению Гильгамеша, сон. Заботливые боги Урука поступают с любящим Гильгамешем так, как поступала со своими избранными Иштар: убивают в нем главное — убивают в Гильгамеше Энкиду. Приговор выносит Эллия: «Пусть умрет Энкиду, но Гильгамеш умереть не должен!»

Боги высказались определенно: за то, что сразили быка и Хумбабу, герои должны заплатить, ответчиком назначен Энкиду. Казалось бы, все ясно. Но двенадцать дней, пока смерть не перехватила дыхание, мучительно раздумывает Энкиду, в чем его вина. Вспоминает вдруг: дверь... Как отличный от его собственного мира, несвойственные быту его прародины, видятся Энкиду эти символы — кирпичная стена и деревянная дверь. В свое время, изумившись чуду — двустворчатой двери, принес он из кедровых лесов своими руками изготовленную дверь, украсил ее и надписал на ней свое имя. Сотворил себе символ согласия с новой средой и теперь раскаивается. Эпос удивленно сообщает:

Энкиду поднял с одра свои очи,
С дверью беседует, без толка и смысла,
Никакого в ней разуменья нету!
...Знал бы я, дверь, что такова будет мне плата,
Что благо такое ты принесешь мне, —
Взял бы топор я, порубил бы в щепы...

Проклинает Энкиду дни, когда попался на глаза охотнику, когда встретил у водополя блудницу. И только имя Гильгамеша, друга, соратника, заставляет его встать и простить Шамхат. Но и дверь, и Шамхат, и боги Урука для него — явления одного порядка: чужое, не свое, холодный и враждебный мир. Угасающее сознание рвется к теплым воспоминаниям о прежней, доурукской жизни, но всюду натывается на предметы, тела и души мира Гильгамеша, сидящего тут же у одра и льющего горькие слезы. Мечется в предсмертном бреду Энкиду, внезапно нисходит на него последнее озарение:

Друг мой, меня проклял бо́г великий:
Когда в Уруке мы с тобой говорили,
Я боялся сраженья, идти не хотел я,
Друг мой, кто в сраженье падет — тот славен,
Я же смерти страшился, умираю с позором.

«Великим богом», проклявшим героя за минутную трусость, слабость духа, не мог быть — мы об этом говорили, — ни один из урукских богов. Не в традициях богов Урука было требовать от человека героизма. Восхитившие жителей Урука подвиги друзей — победа над Хумбабой и убийство быка — были расценены ими как вольность со стороны Гильгамеша, преступление — со стороны Энкиду.

«Великий бог» Энкиду походит на Тенгри — высокого бога неба тюркских кочевых племен. Тот настолько был уверен в своем могуществе, что хладнокровно терпел рой богов поменьше и не засуетился даже тогда, когда в степь визит нанес Аллах. Так и бог Энкиду без тени ревности отпускает героя в улей урукских богов. Энкиду виновен не в том, что вступил в союз с Гильгамешем, человеком другой стихии, а в том, что нарушил нечто из заповедей «великого бога»...

Итак, не стало Энкиду — и нет больше прежнего Гильгамеша. Нет былой решимости и благородства желаний («все, что есть злого, изгоним из мира!»). В начинаниях нет удачи. Через пустыни, воды смерти добирается Гильгамеш до мудреца Утнапишти, выслушивает его ложно-мудрые фаталистические наставления. Достает со дна колодца цветок, дарующий вечную молодость, но легко его теряет. Эпос об этой драматической развязке рассказывает довольно вяло, скупо, в нескольких строчках.

Змея цветочный учуяла запах,
Из норы поднялась, цветок утащила,
Назад возвращаясь, сбросила кожу,
Между тем Гильгамеш сидит и плачет,
По щекам его побежали слезы...

В финале поэмы возникают слова, которыми Гильгамеш подводит черту своим дерзаниям: «Открывая колодец, потерял я орудье, — нечто нашел я, что мне знаменьем стало: да отступлю я!» Колодец хранит в себе не только эликсир жизни — цветок, но и истину. Еще в походе на Хумбабу Гильгамеш с Энкиду не только обращаются к горе, но и бросают в колодец щепотку муки...

Истина — вертикаль: высота и глубина. Высота очевидна, глубины сокрыты. Все в мире было и остается и очевидным, и покрытым тайной. Кочевника чарует и влечет к себе очевидность. Оседлый движим желанием тайное сделать явным, докопаться до сути вещей. Успех сопутствует, когда он владеет умением кочевника постигать и ценить очевидное. Гильгамеш «отступает», потому что теряет «орудье» — друга своего Энкиду, которому было открыто многое из того, что для царя «согражденного Урука» и его сограждан оставалось тайной за семью печатями.

Не стало Энкиду? Нет, он остался, но ушел за пределы аккадского эпоса. Вместе с уранидами поселился в войлочной юрте кочевника. Расставание было трагичным, об этом свидетельствует прощальная песнь Гильгамеша. Перечитайте эпос, и вы согласитесь — нет в нем строк выше по силе художественного слова и трагическому звучанию, чем плач Все-видавшего.

Много столетий спустя — в середине второго тысячелетия новой эры, в эпоху сократившихся для кочевника расстояний, заката могущества традиционного мира кочевья — в казахской степи, в поэзии акынов всплывет скорбная тема расставания, драматический лейтмотив которой заключен в альтернативе «кочевье — оседлость». Расставались родственные племена. Одни все еще кружились на «шагреновой коже» остающихся земель, другие оседали. Асан Кайгы (Асан Печальный) с несвойственными кочевнику нотками пророчества предвещает наступление «килы заман» — лихолетья. Казтуган-жырау всю силу поэтических гипербол направляет на восхваление будто впервые им увиденных красот родной земли — берегов Едиля. Так видят, когда видят в последний раз и понимают это. Досмамбет-жырау держится молодцом, распевает лихие, полные джигитизма песни. Но в высокопоэтической браваре его, в этих повторах — «ни о чем не жалею!» — нельзя не уловить привкуса горечи. Сложился цикл песен, остававшихся популярными еще долгое время (таких, например, как «Елимай» — «О народ мой» и песня о расставании казахов с ногайлинцами), с характерным зачином:

Жылау, жылау, жылау куй,
Жылаган зарлы мынау куй...

Скорбный, скорбный, скорбный куй,
Это трагически плачущий куй.

Близкие расставались и в более ранние времена. Авраам, как известно, пас свой скот на земле Ханаанской, «а Лот стал жить в городах окрестности и раскинул шатры до Содома». Библия вроде бы и не стремится привлечь внимание паствы к этому обстоятельству, но все ее мудрые речения и блестящие афоризмы попросту не родились бы, не будучи вызваны к жизни сюжетом о сложном взаимоотношении миров Каина и Авеля, Исава и Иакова.

В истории рода человеческого проблема единства двух стихий возникает постоянно. Наибольшей высоты осмысления, в том числе и художественного, как свидетельствует об этом

ниневийская версия «Эпоса о Гильгамеше», она достигла в середине первого тысячелетия до н. э.

Это время по праву называют «эрой пророков». Не случайно Карл Ясперс отводит ему роль «осевой эпохи» (800 — 200 гг. до н. э.) Время зарождения и взлета духовных движений, в течение последующих тысячелетий определявших судьбы мировой культуры... Эпитеты, которые мы обычно употребляем для обозначения великого, оказываются недостаточными — если их приложить к именам людей «осевой эпохи». Символами мировых религий, больших, как материки, религиозно-философских систем стали эти имена — Конфуций и Лао-цзы в Китае, Будда в Индии, Заратустра в Персии, палестинские пророки...

Что послужило причиной синхронного появления возбужденных пророков? Какие сдвиги произошли в социальной и духовной жизни народов, нередко разделенных огромными расстояниями, но, несмотря на это, почти одновременно выдвигавшими из своей среды столько выдающихся личностей?

К. Ясперс считает невозможным дать причинное объяснение этому феномену, хотя и допускает возможность различных версий. В качестве примера он приводит гипотезу Альфреда Вебера о решающей роли кочевых племен, вторгшихся из Центральной Азии в Китай, Индию и на Запад, в пробуждении самосознания народов «осевой эпохи». Ясперс называет ее единственной гипотезой, которая «позволяет хотя бы подойти к историческому обсуждению этой проблемы». Но сам он относится к рассуждениям Вебера критически, приводя следующий довод против нее: хотя Китай и принял важное участие в духовном творчестве «осевой эпохи», но для него не характерны ни трагическое сознание, ни эпос, которые Вебер считает выражением мирозерцания кочевников-завоевателей.

В рассуждениях Вебера ощутим, конечно, налет романтизации мироощущения «сынов пустыни», и это ослабляет его позицию. И все же Ясперс неправ в самой постановке вопроса. Ведь совершенно ясно, что влияющая культура не обязательно формирует свое подобие в новой среде. Напротив, гораздо чаще влияние приводит к возрождению, к более четкому постулированию собственных, «исконных» принципов воспринимающей культуры. Отсутствие подобия не говорит о том, что влияния не было, но свидетельствует о восхождении культуры, испытавшей влияние, на возросший уровень самосознания. Именно эта зрелость самооценки в сочетании с экзальтированным самовыражением характерна для проповедей всех пророков «осевой эпохи».

Для Китая середины первого тысячелетия до н. э. проблема кочевников стояла весьма остро. Об этом красноречиво свидетельствует то, что именно тогда были возведены для обороны от набегов первые звенья Великой Китайской стены. Не только перед Китаем, но и перед всеми древними цивилизациями Старого Света возникла проблема военно-стратегическая и духовная — определить свое отношение к этой грозной и свое-

образной стихии, хлынувшей из просторов евроазиатских степей. В VII в. до н. э. киммерийцы, выходцы из зоны Северного Причерноморья, прошли почти по всем областям Малой Азии. В это же время кочевые скифы начинают войну с могущественной державой ассирийцев, в борьбе с которыми погиб скифский вождь Ишпака¹. Вовлеченными в хоровод военных действий оказываются страны Передней Азии, подключившие к общему круговороту событий Индию. Именно в это время в Северной Индии, как свидетельствуют ведические тексты, бог грозы Рудра, считавшийся покровителем охотников, превратился в покровителя скотоводства, а одно из солнечных божеств — Пушан — стало покровителем земледелия.

* * *

Вторжение кочевников, приходивших на земли оседлых народов со своим оружием и своей системой мировидения, всякий раз создавало напряженную ситуацию в духовной сфере. Повсеместно в «осевую эпоху» социальной, религиозной и этнической альтернативой становятся динамическое и статическое, как отражение столкновения двух различных образов жизни, двух разнящихся образов духовного мира: мира статики оседлых народов и динамичного мира кочевых племен.

К этому времени греческая мифология уже выработала свое отношение к борьбе кронидов и уранидов, хитроумных богов Олимпа, умеющих использовать земные недра, с бесхитроустными, наивными, хотя и могущественными богами стихий. В симпатиях мифов к кронидам отразилась растущая мощь древнегреческого полиса, развитых форм земледельческого хозяйства. Эпос, пришедший на смену мифам, развивает и усиливает идеал статичного состояния — деятельное преобразующее начало, подчиняющее природу. Героем становится Одиссей, земной образ Зевса времен борьбы с Атлантом.

В Китае Лао-цзы говорит о дао, истинном пути. Он разделял дао на ложное, человеческое, и на дао естественное, природное. Призывал разрушить человеческое и вернуться к естественным законам. Его современник и спутник на долгие века истории Конфуций, напротив, заботится о сохранении и лишь некотором улучшении уже сложившихся между людьми отношений. Не «дао» («путь») лежит в основе его нравоучений, а «ли», переводимое словами «церемониал», «ритуал», «почтительность», «благопристойность». Акцентированный протест против перемен заложен в назиданиях Конфуция...

«Не делай приятного, ибо с приятным трудно расставаться», — гласит одна из самых поразительных сутр раннебуддийского текста «Дхаммапада». Используя излюбленный Буддой образ реки, несущей воды в океан и теряющей в нем

¹ Тот самый, которого Олжас Сулейменов ввел в свою «Глиняную книгу», отождествив его судьбу с метаниями Энкиду.

свои очертания и имя, можно назвать этот парадоксальный афоризм изречением океана — сферы вечного движения, проливающим свет на ту простую истину, что бытие человека — река... Оно потому только и имеет своим идеалом вечный покой, нирвану, что действительную суть его составляет вечное расставание, печаль активного движения...

Наибольшей остроты возникающая в атмосфере «осевой эпохи» альтернатива достигает в проповедях Заратустры. Он не только резко разграничил миры Добра и Зла, но и потряс умы современников представлением о «вплотную приблизившемся начале последнего этапа существования мира, когда Добро и Зло будут отделены друг от друга»¹. Каждый, учил Заратустра, «может участвовать в уничтожении Зла и в установлении царства Добра, перед которым одинаково равны все преданные пастушеской жизни»². Фраза о «преданных пастушеской жизни» не должна ввести нас в заблуждение. Заратустра отнюдь не был идеологом кочевья. И не мог им быть, хотя бы потому, что стихия кочевья вообще не терпит пророков. Главное в самоощущении кочевника, повторяем, — очевидность, доступность истины. Для него не существует сокрытых, «посторонних» тайн не только в общеизвестной сфере, но и в природе, включая Вселенную. Всему в мире есть объяснение в обыденном сознании кочевника, и пророк ломился бы в открытую дверь, пытаясь просветить его относительно «истины». «Нет пророков в своем отечестве» — это относится к кочевью в большей мере, чем к чему-либо другому. Заратустра не мог быть идеологом кочевья, потому что именно «страшных» кочевников — кочевников больших расстояний назвал он Злом, миром Ангра-Манью, который в скором, в ближайшем времени неизбежно будет низвергнут силами Добра.

Но атмосфера «осевой эпохи» сложилась обладающей общими чертами на всем протяжении земель и времени древних цивилизаций евразийского материка. Проблема возникла, обрела универсальный характер, и помнить об этом необходимо, иначе мы никогда не сумеем объяснить, почему авторы эпоса о Гильгамеше, жители стеною обнесенных городов, в «киневильской» версии назвали Энкиду «братом» царя своего, а историю их дружбы сочли возможным положить в основу трагической поэмы.

Об этом свойстве всеобщности возникшей проблемы странным образом забывает Ясперс. «Палестина, — улавливает он «противоречие» в предположении Вебера, — население которой не вело свое происхождение от указанных племен завоевателей, дала осевой эпохе пророков». Но ведь это они, палестинские пророки, неистовые старцы, свидетельствуют в большей мере, чем кто-либо другой, что прав был бы Вебер, доведи он

¹ См.: Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972, с. 57.

² Там же.

свою гипотезу до логического завершения, назвав основным конфликтом духовной жизни «осевой эпохи» «выяснение отношений» между земледелием и кочевьем, философское оформление исторической антитезы этих двух основных в древности хозяйственных укладов, развивавшихся и набравших силу после второго крупного общественного разделения труда. Целиком оставаясь людьми пасторальной стихии «Ветхого завета», палестинские пророки втягивают на площадях городов, напоминая о первородном грехе. Именем Моисея Эзра канонизирует «Пятикнижие», в котором история всех колен израилевых связана с пастушеской жизнью, а города возникают как опухоли — Содом и Гоморра. Да, это они, мудрые еврейские пророки, не только уловили носящуюся в воздухе альтернативу, но и поняли ее зловещий смысл. И заговорили о трагической вине, о первопроклятии, о каре, преследующей род человеческий со времени первых людей.

* * *

Глубоко верю в то, что основной проблемой в духовной жизни «осевой эпохи» была проблема единства и распада миров кочевья и оседлости. Эта уверенность покоится отнюдь не на неоспоримости исторических свидетельств. Напротив, она начиналась с недоверия к свидетельствам истории, ранней и позднейшей, истории, выросшей из летописей и хроник и разглядывавшей события лишь глазами богов и рабов Олимпа. В эту историю кочевье входило как объект случайных — и панических наблюдений. Летописи видели в кочевниках лишь варваров-разрушителей и вздохнули облегченно, зафиксировав однажды: кентавр прикован к земле. Прошли столетия, но отношение к кочевью со стороны истории, увы, существенно не изменилось.

...Прозорливыми были библейские старцы, понимавшие двуединую природу человека, единство в нем статичного и динамичного начал и увидевшие в наступающем распаде большую драму человеческого рода. Мудрым был древний эпос, убравший Утнапишти с пьедестала художественности и забросивший в мир — как призыв, как надежду — горестный плач Гильгамеша...

ТЕНГРИАНСТВО

НАЙТИ СЕБЯ В ИСТОКЕ

Сегодня, когда основные культурфилософские баталии под рубрикой «Запад — Восток» мало-помалу приходят к тому, что «Восток западнее Запада, точно так же, как Запад восточнее Востока», пора бы обратить внимание на Исток. А кто у истоков? Конечно же, кочевники; кочевничество — способ, каким бытийствует и де-бытийствует (т. е. исторически) живой человек. Исток — История. Она стоит сегодня перед открытием себя. Это — не пророчество. Это уже факт.

«...МЫ КОЧУЕМ НАВСТРЕЧУ СЕБЕ, УЗНАВАЯСЬ В ДРУГОМ»

Респектабельная наука против версии о культурном родстве шумерского и тюркского этносов не спорит, она просто говорит: «Я тебе говорю, что шумеры — инопланетяне и что с ними породниться никому не удалось». А между этими двумя монологами вызревает не менее космическая по части «фантастики» гипотеза о том, что шумеры не просто инопланетяне, но и что их планета называется «Алтай», к тому же они имели родство с тюрками, по меньшей мере, в языковом и антропологическом отношениях. В качестве одной из составляющих такой гипотезы приведу пространные выдержки из двух нереспектабельных книг. Титульный лист первой из них выглядит так:

**БИБЛЕЙСКИЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ**
составил Эрик Нюстрем

Перевод со шведского под редакцией
Н. О. Свенсона

Новое пересмотренное и исправленное
издание с иллюстрациями
Мировая Христианская Миссия
Торонто 1985 Канада

В рубрике «Вавилон» читаем: «...В нем во время Навуходоносора насчитывался миллион жителей... В недалеком расстоянии находится другой холм развалин, называемый Алефам-бей-Али; на глубине 23 метров произведенными раскопками обнаружен храм Эсадила, посвященный божеству-хранителю Вавилона Бел-Мардуку.

Из этих холмов за последнее время извлекли тысячи кирпичей с клинообразными письменами. С большим трудом, при помощи выкопанных текстов на других языках, ученым удалось прочесть эти клинописи. Теперь мы можем из этих пролежавших тысячелетия кирпичей-таблиц узнать о Навуходоносоре и других халдейских героях и их подвигах. Эти письмены дают нашей ветхой Библии самое полное подтверждение. Особенно это относится к вопросу о том, кто были первыми жителями этой страны. Согласно Библии, Вавилон первоначально был построен Нимродом, сыном Хуша. Надписи на кирпичах служат ясным доказательством того, что задолго до семитической культуры в Халдее существовала культура более древняя, язык которой не имел никакого сходства с европейским и арабским, но с явными признаками **турско-татарского происхождения**. Это был аккадский народ, создавший халдейскую культуру. Он же изобрел клинообразные письмены и воздвиг города Ур, Эреж, Арку, Вавилон и другие, о чем свидетельствуют надписи на кирпичах и Библия. С этим народом за 3000 лет до Р. Х. соединился так называемый протохалдейский, несемитический элемент. Семиты, пришедшие из Аравии и постепенно забравшие в свои руки власть, приняли халдейскую культуру и образование. Позднейшие властители, после 1500 года до Р. Х., называли себя в письменах «царь Сумира и Аккада». Это наименование показывает нам, что вавилонская национальность имеет двойное происхождение...»

Эта цитата подтверждает версию Олжаса Сулейменова о культурном родстве шумерского и тюркского народов, изложенную в начале 70-х годов в книге «Шумер-Наме».

Вот другой пассаж в пользу этой же версии: «... Что шумеро-аккадцы пришли откуда-то, ясно из разных обстоятельств; но не оставалось ни малейшего следа, ни признака каких-либо аборигенов или прежних уроженцев, найденных ими на занятой ими земле.

Они принесли туда первые и существеннейшие начала цивилизации: письменность, искусство добывать из земли, лить и ковать всякую руду; они же стали копать каналы, без которых земля, несмотря на свое баснословное плодородие, осталась бы непроизводительной, нездоровым болотом; они же стали делать из глины кирпичи, а из кирпичей воздвигать строения. Имя «Аккад», означающее собственно «горы» или «выси», невольно наводит на мысль, что эти пришельцы явились откуда-нибудь из горных мест, так как иначе они никоим образом не

могли бы дать подобного названия такой низменной, плоской земле, какова Халдея: это дано, очевидно, в память прежней родины. Родиной же этой, весьма вероятно, была горная страна на северо-востоке от устьев Тигра и Евфрата, впоследствии известная под именем Элам, но в самой глубокой древности называемая Аншан, древнейшее население которой, насколько нам известно, тоже было **туранского происхождения**. Но и это могло быть лишь станцией на пути от еще более дальнего центра, лежащего, притом, под гораздо более северной широтой. Шумеро-аккадяне, прожив несколько веков в почти тропическом крае, где пальмы росли целыми рощами, а львы были такой же заурядной дичью, как тигры в джунглях Бенгала, не имели в своей письменности знака, обозначающего ни пальму, ни льва (последнего они называли «ли ликмаг» — «большая собака»); металлургических же выражений с соответствующими письменными знаками они имели полный комплект, между тем как металлов в Халдее, как известно, нет и следа. Это ясно указывает на то, что на их предполагаемой прародине не было львов и были минеральные богатства. Если же вспомнить, что сибирская цепь Алтайских гор искони славилась обилием всевозможных руд, а из алтайских долин бесчисленные туранские племена исходили и рассыпались на юг и на север, а многие до сих пор зажились там полукочевниками, то легко предположить, что оттуда первоначально могли выйти и наши шумеро-аккадяне. Собственные предания многих урало-алтайских народов указывают на то же»...¹

Далее автор, пересказывая известное генеалогическое предание **туранцев-тюрков**, заключает: «Предание это замечательным образом совпадает с наблюдением, что искусство разрабатывать металлы было исконным достоянием желтого племени... Что шумеро-аккадяне обладали этим отличительным мастерством своего племени, доказывает множество предметов и украшений из золота, меди и железа, которые беспрестанно падают в наидревнейших могилах их».

С уяснением недвусмысленности этих высказываний становится по меньшей мере бесспорным то, что книга «Шумер-Наме» может и должна оцениваться не просто ответом на поставленные ею вопросы, а и вопрошанием на пути «в глубь мира», что должно, на мой взгляд, оказать свое влияние на многие так называемые науки о духе, на философию.

Что же касается статуса нашей гипотезы, то здесь следует исходить из того трюизма, что гипотеза в так называемых науках о духе выполняет совершенно иную функцию, чем в естественных науках. В последних это четко сформулированное утверждение, призванное объяснить нечто. В науках о духе она призвана заполнить пустоты в той или иной смысловой

¹ Рагозина З. История Халдеи. 1903 г. СПб, стр. 167 — 170.

связи — в данном случае лучше говорить о предпонимании, получающем большую определенность в процессе исследовательской работы. Путь от неопределенного предпонимания к определенному пониманию никогда не завершается, но ведет ко все новым глубинам.

Это значит, что наша гипотеза никоим образом не претендует на безусловное утверждение родства шумерского и тюркского этносов. Она лишь является той предструктурой понимания, которая может помочь не только шумеро-тюркскому диалогу в целях самопонимания своих идиом, но и позволяет открыть новые горизонты для культурфилософии в целом, разумеется, если она не проигнорирует столь очевидный факт — сопоставимость шумеро-тюркских идиом, — столь ясно выраженный в «Шумер-Наме». И тогда, повернувшись к Востоку, культурфилософия не сможет не обратить внимания на тюркский мир, так как его следы там, у Востока, слишком глубоки, чтобы их не заметить.

Наконец, в поддержку выдвигаемой гипотезы укажу — в плане эвристики — на еще никем не замеченное, даже в условиях продолжающегося «лингвистического» поворота современной мысли, обстоятельство, которое, на мой взгляд, могло бы, без мистики и схематизма, помыслить сущность языка...

Оно заключается в краткой поэтической формуле: «Язык — это устное письмо». Именно эта формула позволяет выдвигать столь «космическую» гипотезу. Дело в том, что даже при беглом знакомстве природа тюркских языков поражает своей «искусственностью»: агглютинация, изафет, сингармонизм — вот те их основные типологические характеристики, которые провоцируют на подозрения в некоей «рукотворности» этих языков. Подозрение усиливается еще и тем, что принцип агглютинации был заложен в основу грамматики эсперанто — одного из самых популярных среди искусственных языков.

(Сама возможность постановки вопроса о создании последних без понятия письма, без его сколь-нибудь развитой системы, была бы лишена реальности.)

Разумеется, я далек от утверждения, что тюркский язык был создан искусственно в буквальном смысле этого слова. Но то, что в его становлении большую роль сыграло искусство письма, бесспорно. Об этом свидетельствует роль принципа ребуса в начале истории письма, с которого, собственно, и началась фонетизация, давшая языку возможность быть тем, чем он мог бы быть, — являть себя сквозь время и пространство. Таким образом, сохраненность, «вневременность» тюркского слова я связываю с его богатой, многотысячелетней традицией письма. К примеру, тюркские тексты, датируемые V—VII вв. н. э., написаны, по современным стандартам, на литературном языке и читаются, понимаются его «наследниками» без особых усилий. А письменность этих текстов уже была алфавитной...

Не будучи глубоким специалистом в этих вопросах (язык,

письмо), закончу свою мысль утверждением о том, что на начальном этапе взаимодействия речи и письма факторы, обусловленные техникой последовательной фонетизации, могут стать доминирующими в этом взаимодействии и — как следствие — перевоссоздать язык не только структурно, но и лексически. Примеров тому в истории языков и письма множество. Язык становится уязвимым лишь тогда, когда его сталкивают с письмом. Чудовищная власть письма может преодолеть власть языка. Письмо — как «волк в овечьей шкуре». Игра письма и языка напоминает диалог психоаналитика и его пациента: оба одержимы болезнью, но преимущество первого заключается в том, что он пытается рационализировать свою болезнь за счет другого...

ФИЛОСОФЕМЫ

...Шумеры умели ездить верхом. Одна шумерская басня говорит так: «Сбросив человека, лошадь сказала: «Если всегда таскать на себе такой груз, можно и обессилеть...»

Вот еще одна шумерская поговорка: «Я не стану жениться на трехлетке, будто я осел!» Возникает вполне законная ассоциация: конь не только позволил человеку познать даль мира, поместив его «в-мире», но и, позволив, указал, как жить в этом мире... Жили же до этого «ульем», насилуя и «трехлеток». Откуда вдруг явились эти установления — как жить культурно? Может, кони подсказали? Жеребец — защитник и охранитель стада. Он защищает стадо от нападения диких животных. У хорошего жеребца волк не украдет жеребенка. Он не терпит рядом с собой соперника и изгоняет всякого жеребца, приблизившегося к его кобылам.

Когда молодые жеребцы вступают в четвертый год жизни, родной отец кусает их до тех пор, пока они не покинут табун, и бедные изгнанники пасутся тогда в одиночку, в отдалении, пока хозяин не присоединит их к другому. **Жеребец никогда не покрывает собственных жеребят-кобылиц. Если молодая кобыла в период течки бросается на отца, он кусает и ее, пока она не покинет табун, тогда она бежит прямо против ветра, пока не найдет другой. Точно так же молодой жеребец, которого придают стаду, никогда не покрывает свою мать. Если его оставляют жеребцом-производителем в собственном табуне, то приходится удалять его мать... жеребец покрывает кобылу только на пятом году...¹**

Ситуация «человек-в-мире» (начала истории и культуры) как эффект вышеуказанных механизмов имманентно содержит в себе идею Бога. Бог явился тогда, когда открылся мир, он не монотеистичен и не политеистичен, он — точка зрения (отсчета?), он и не сотворил мир, он просто украсил его зрением, он

¹ См.: Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989, стр. 276.

уже спас мир, украсив его... Бездарное существо, покуда обитавшее в окружающей среде, оказавшись, благодаря опыту кочевничества, в данной ситуации, оттопырилось ушами... Мир, в котором он оказался, имел свой голос, свою мелодию... И он, Адам,¹ впервые назвал его — Бога, согласно этой мелодии — «Тенгри»...

УТРЕННИЕ СУМЕРКИ

Самочувствие эпохи сегодня отчетливо осознается как у лошади из шумерской басни: человек стал непомерным грузом и сброшен в пучину сомнительности; онто-теология явила свою несостоятельность; хрупкость, сомнительность реальности сегодня проживается и осознается человеком как «фундаментальный опыт»; кочевничество входит в решающую фазу, оно стоит у Истока и пытается превозмочь пропасть Забвения, найти себя в Истоке; «глубь Мира» разверзается опять-таки в своей сомнительности, и вопрос о Боге выдвинут вновь из Ничто на передовую.

В ситуации, когда фундаментализм с тезисом об отпадении от Бога и с примитивной морализацией понятия греха, с одной стороны, и так называемый постмодерн с его тотальной «децентрацией» (центрация до-истории), ремифологизацией и пр. — с другой, продвигаются наощупь, каждый по-своему пытаюсь «сгустить» краски Сумерек, вопрошание Тенгрианства может оказаться роковым, так как Сумерки нельзя преодолеть простым «сгущением» красок — неразличение должно «взорваться солнцем и выпить росу на лице одинокого человека».

Вопрошание Тенгрианства — это вопрошание Утренних Сумерек, а не подземного царства Некрофильства. Это и преодоление власти мертвых богов...

Тенгрианство как философско-религиозная система — вовсе не до-историческая и вне-историческая религия. Тенгрианство как «религия» — это «связь», «связка» человека в Мире. Оно родилось в тот момент, когда человек оказался «-в-мире». Оно позволило ему осознать ситуацию «человек-в-мире»...

Шумеро-тюркское обозначение Бога — Тенгри соответствует единственно возможным способом тому, что является как идея Бога с открытием Мира. Оно изначально исключало, как мы сегодня сказали бы, ущербные характеристики Бога, как-то: вещьность, статичность, субстанциональность, не говоря уже об антропоморфности или о безликой субъективной абстрактно-

¹ «Адам» — человек (тюркск.); учитывая шумеро-тюркское «ада» (ата) — отец — в пользу изначальности (не заимствования) «Адам» для тюркского языка, я полагаю этимологическим «временность, конечность», — «уд, от, од» — день, огонь, время (шумеро-тюркск.); «ада» — конечность (казах.); «уду» — священный (шумерск.) «уду» («ыдук») — священный (древнетюркск.).

сти. Оно экзистенциально, в том смысле, что адекватно ситуации в условиях разверзающегося Мира, который изначально несет идею Бога как гаранта своей подлинности.

Шумеро-тюркское «Тенгри» представляет интерес для мысли о человеческой культуре в целом не только как известное нам из истории культуры наиболее древнее обозначение Бога, но и как (и это, пожалуй, самое главное) имеющее в себе демонстративную силу языка понятие Бога. Консервативность тюркского слова дает нам уникальный шанс проследить пути происхождения столь могущего слова-понятия Бог, свободного от издержек непоследовательной, нестройной мысли, вплоть до той ментальности, в которой единственно может явиться идея Бога.

«Тюрки говорят бир тенгри, подразумевая под этим «един господь». Некоторые из них утверждают, что тенгри — это название небесной голубизны, а некоторые из них говорят, что тенгри — это небо», — писал в X веке разведчик-миссионер, арабский географ аль-Макдиси.

Если правоверный мусульманин-монотеист признает «монотеистическую» религию у тюрков, спрашивается, к чему было насаждать ложью и мечом арабское «аллах», которое восходит к семитскому «елох», «илу», оно же, в свою очередь, восходит к шумерскому «ену», и в этом качестве они имеют отношение к «тенгри», «тенгир», как вид к роду.

Подобно тому, как аль-Макдиси, исходя из ближневосточной традиции, трактует «тенгри» как «господь», Геродот и Страбон остаются в пределах, очерченных греческим пантеоном божеств, и стремятся передать смысл Бога массагетов-туранцев через обращение к Гелиосу, богу Солнца, между тем, «тенгри» ни тем, ни другим не является, а «небесная голубизна» и «небо» также далеки от сути «тенгри» и могут выступать лишь как косвенные указания, намеки, хотя «тянь» («небо»), урезанное от «тенгри», и составило одну из ключевых философем китайской традиции...

В первом приближении тюркский термин «тенгри», который обозначает идею Бога и совпадает фонетически и семантически с шумерским «тенгир» («денгир»), можно заменить — исходя из тюркской семантики, ради дальнейшего понятийного анализа — достаточно поверхностным, но метафорически вполне уместным термином: «Сумрак пред-рассвета» или «Утренние Сумерки».

Сначала о метафоре. Сумерки, как маргинальное состояние, выступают различением дня и ночи, но само такое состояние (момент времени) не полагает в себе различия и выступает как тотальная неразличимость — здесь и теперь нельзя указать на различие Бытия и Сущего, Вещи и ее Тени.

Непосредственность, граничащая с инфантилизмом, мировоззренческих систем типа зороастризма, который «зародился в непосредственном контакте со скифской стихией и при известном участии этой стихии», состояла в том, что они удовлет-

ворялись простым различием дня и ночи, светлого и темного, и основывали свои философемы на их простой оппозиции; они упустили шанс продумать существо той тотальной неразличимости, что выступала первоначально «условием возможности» простого различия дня и ночи, света и тьмы. Задача же последовательной, строгой мысли состояла в том, чтобы пойти дальше, продумать способы бытия Сумерек. Оказалось, цикличность, вневременность смены дня и ночи обеспечивается совпадением способов бытия Сумерек — утренних и вечерних. Указать на различие этих Сумерек, не прорвав цикличности, строго говоря, невозможно — нужна точка отсчета, опора зрения. Кочевник же, познав даль, открыл временность, бытийно-историчность своего существования, и он смог прорвать цикличность, установив в ней вектор времени. Различие в совпадении укоренилось как точка зрения, высвобождающая в тотальной неразличимости пустотность просвета, которая взрывалась Солнцем, даруя бытие-де каждому существу. И эта точка зрения, согласно мелодии, голосу, что при-сут-ствуют впервые в этой пустотности и отдаются эхом как санкция на существование в оттопыренных ушах, была названа благодарствующим Ухом (шумеро-тюркское «ештук», «гештук» — ухо, сознание, понимание) — «Тенгри».

Путь Тенгри не допускает онтологию как таковую, неизбежно переходящую в онто-теологию, она — де-онтология и в этом качестве показывает на невозможность онтологии, так как в ней способы бытия «корня» и «кроны» совпадают до той тотальной неразличимости, благодаря которой возможно, однако, различие Бытия и Сущего, Вещи и ее Тени, которое, в свою очередь, обеспечивает бытийно-историчность человеческого существования. Для Адама вопрос о временных характеристиках «Тенгри», его вечности или временности, остается открытым, он относится к сфере недоступного и немислимого... «Он единственный в своем роде... и абсолютно лишен субъективности...» — добавил бы на языке метафизики тюрк-тенгрианец аль-Фараби, слывший безбожником-еретиком в глазах мусульманских теологов...

Тенгри открыт тем, кто воссылает ему молитвы. Молитвы, украшающие Мир, спасенный красотой его украшения.

«БЫТИЕ-ДЕ»; «МЕ»

Вопрос о Бытии, как для европейской мысли в лице ее Пастуха, так и для тюркского опыта Мира — Тенгрианства, оказывается неотступным. Это совпадение — меньше всего «дань моде», оно скорее напоминает давнюю встречу пилигримов на берегах Сены...

Больше того, вопрошание Тенгрианства неизбежно начинается под «крышей» вопроса о Бытии, с уяснения, понимания Бытия как де-(скать) Бытия. В европейской мысли последнему со-

ответствуют горизонты, открываемые усилиями «фундаментальной онтологии», хотя самим словом «фундаментальная» чуть ли не перечеркиваются сами горизонты. И чтобы они совсем не расплылись, они должны получить эксплицитную формулировку в «Бытие как Бытие-Де», что само собой разумеется в тюркском опыте мира и лежит на поверхности... «крыши»(!), «Бытие-Де» — та «крыша», под которой истина и неистина встречаются лицом к лицу и узнаются друг в друге. Это ведь тоже один из «предельных» вопросов нашей мысли...

...понятие «ме», став камнем преткновения для шумерологов, вынуждает их выдвигать не менее «каменистые» формулы типа: «Мыслители Шумеры не создали четкого философского учения»¹, что они перед лицом своих поздних «плагиатов» выглядят блеклыми.

«Шумерское слово «ме», точный смысл которого до сих пор не установлен», — пишет автор вышеприведенных утверждений. Не менее именитые его коллеги высказывают, на мой взгляд, прекрасную догадку, благодаря которой я имею шанс рассуждать о «ме» и тем самым подкрепить «мою» философию — «Бытие-Де»...

«Понятие «ме» включает в себя название всех социальных и идеологических институтов, мыслимых шумерами, комплекс правил и поведения, кроме того, наличие в каждом предмете, природном явлении, живых существах некоей внутренней субстанции, составляющей их силу». Автор таким образом находит все основания связать корень «ме» с глаголом «быть» и дает перевод этому слову «суть». Однако не будем торопиться с переводом, для нас важна пока связь.

Анализируя тюркское слово-понятие «Болмыс», я обнаружил, вопреки молчаливо господствующему мнению о «Болмыс» как о простом субстантивировании глагола «болу» («быть»), двусоставность этого слова-понятия: «Бол+Мыс». Удивительным было еще то, что «мыс», как частица, естественно, подчинялась закону сингармонизма, могла употребляться с любым глаголом повествовательного предложения, давая ему значение «дескать», «мол», «якобы», а как морфема, участвующая в словообразовании, обнаруживала себя лишь в двух абстрактных сложных существительных: «Бол+Мыс» («бытие») и «Тур+Мыс» («существование», «бытие»).

Учитывая полный перечень типологических характеристик тюркского языка, включая тенденцию к «закрытию» слога, полагаю правомерным самостоятельную единицу «мыс» (что составляет вместе с корнем «бол» — от «болу» — понятие «бытие») относить к шумерскому «ме», что и позволило перевести тюркское «Болмыс» на русский как «Бытие-Де». Правомерность такого соотнесения «усугубляется» еще одним обстоятельством:

¹ Крамер С. Н. История начинается в Шумере. М., 1991 г., стр. 114, 228

ством: шумерское «ме», как известно, имеет смысл и как «Я», а тюркское «мыс» — как высший эффект от «субъектности» вообще; шумерское «НА-МЕ», как радикальное вопрошание, имеет смысл «судьбы», а тюркское «НА МЕ?», как вопрошание, переходит в «НАМ» («историчность судьбы») и далее в «Нам+(м)ыс» («существо субъективности», «нутро», «честь»).

Известно, что всякая философия, пусть даже имплицитно, содержит некоторую онтологию, к тому же, если она исходит из непроверенных, усвоенных посылок, то ее онтология спешит обнаружить себя как онто-теология и, как философия, опирается на опыт действительности, понимая ее как сущее в целом, как оформленное стабильное, допускающее позицию стороннего наблюдателя, призванного обеспечить микрофизику своего объекта.

Однако понимание «опыта кочевничества» показывает, что изначальный опыт действительности в условиях открывающегося Мира может быть только опытом радикальной сомнительности, непредсказуемости. Опираясь на такой опыт (непосредственно переживаемый и понимаемый), философия может иметь лишь такую онтологию, которая бы содержала в себе намек на невозможность онтологии, в конце концов переходящую в онто-теологию. Таким намеком-гарантом в шумерской философии было понятие «ме», которое лишь своим отсутствующим присутствием сдерживало метафизическую онтологию, делая исследования всяких «фюсис» прерогативой позитивных наук. Оттого шумерская философия была экзистенциально-понимающей, ориентированной на Искусство — и не выступала как «учение». То же самое можно сказать и в отношении тюркского «Мыс», неотступного в своем ускользании в «Бол-Мыс» и в «Тур-Мыс».

...Бодрствовать в Сумерках, помыслить Сумерки — дело не легкое, нужно иметь, наверное, более тонкую нервную систему, чем даже у героев Достоевского, которые выносили Сумерки ценой эпилепсии и саморасстрелов; даже боги застреливались в Сумерках...

Сумерки — это Начало и Конец. Сумерки — это неутверждающее «Да» и неотвергающее «Нет». Сумерки таят в себе катастрофу, но мы знаем, где опасность — там и спасение.

Другое название Сумерек — «Великий Полдень», в котором тени сливались воедино с вещами и выдавали себя за их «хозяев»; и только «живой безумец» силится с неподдельным интересом разглядеть их различия... увы! вынужден констатировать смерть Бога, гаранта различения...

Но сегодня неизбежность Солнца явила свою несостоятельность, и оно катится на глазах «площадных зевак» к закату; наступают «другие» Сумерки, обещающие взорваться Солнцем; и слезы на лице живого безумца кажутся уже росой Утренних Начал...

Если эпоха определяется как «Конец Истории?», то осмысле-

ние вынужденного «безделья» не означает ли бодрствования у Начал — «История начинается в Шумере»?!

Если способы бытия Начала и Конца совпадают до неразличимости в «фундаментальном» опыте радикальной сомнительности-непредсказуемости действительности как кочевника, достигшего «отрицательной цели» (начало Истории), так и живого безумца, завершающего Историю, то осмысление философии Конца «не-тотости Бога» не совпадает ли с осмыслением рождения (по сути, саморепрезентации в условиях разверзающегося Мира) Бога — с вопрошанием Тенгрианства?!

Если «национализм не преодолевается простым интернационализмом, а только расширяется и возводится в систему», то субъективизм национализма не следует ли видеть во власти мертвых богов?!; и если в намерении преодоления «мертвенности» господствует уважение к ней, то не следует ли предоставить ее самой себе?!

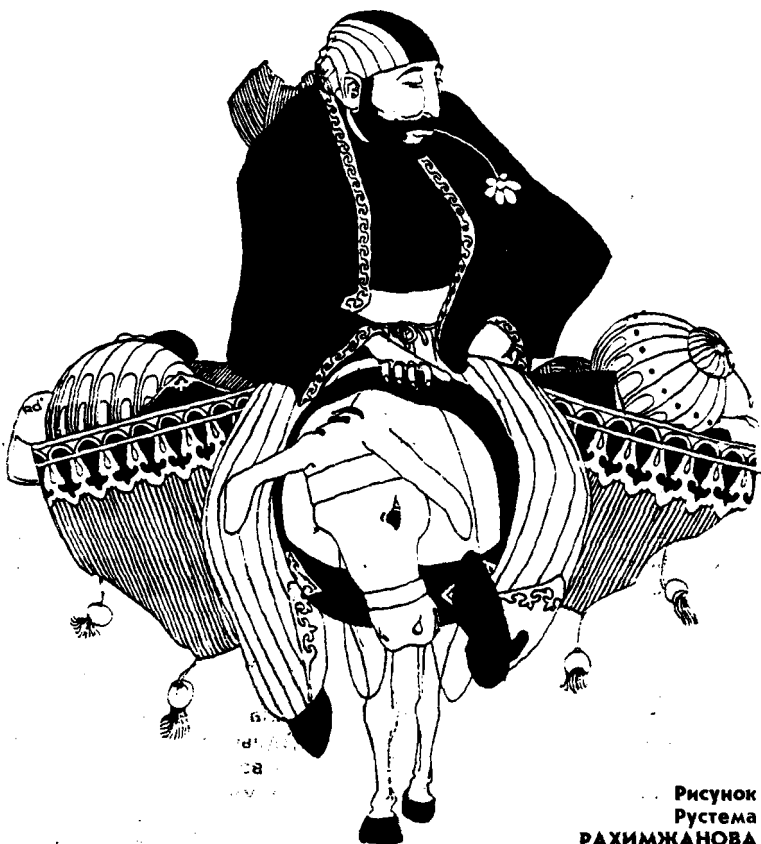

Рисунок
Рустема
РАХИМЖАНОВА

В ПОИСКАХ ЧУДЕСНОГО

ФРАГМЕНТЫ НЕИЗВЕСТНОГО УЧЕНИЯ

Глава 10

Поиски пути. «Ступень», «лестница», «путь». Учение о семи космосах. Что такое «чудо»? «Период измерений». Время — это дыхание.

Однажды состоялась встреча, на которой оказалось много новых людей, и один из них спросил:

— С чего начинается путь?

Разумеется, он ничего не знал о четырех путях Гурджиева и употребил слово «путь» в обычном религиозно-мистическом смысле.

— Главная трудность понимания идеи пути, — сказал Гурджиев, — состоит в том, что люди обычно считают: путь начинается на том же уровне, на котором проходит жизнь. Это неверно. Путь начинается на значительно более высоком уровне. Я постараюсь это объяснить.

Человек живет в мире под властью закона случая и двух видов влияний, также управляемых случаем. Влияния одного вида созданы самой жизнью: это влияния расы, национальности, страны, климата, семьи, воспитания, общества, профессии, манер и обычаев, материального благосостояния, популярных идей и пр. Влияния второго вида — внутреннего круга, или эзотерические, они созданы на Земле, хотя и под действием законов другого уровня. Они отличаются от первых прежде всего тем, что с о з н а т е л ь н ы по своему происхождению, они созданы людьми и обычно облечены в форму религиозных систем и учений, философских доктрин, произведений искусства и пр. Однако, входя в общий водоворот жизни, они подпадают под власть общего закона случая и начинают действовать м е х а н и ч е с к и. Претерпевая изменения и иска-

Начало в №№ 6, 9, 11—12, 1992 г.

жения в процессе передачи и интерпретации, они превращаются во влияния первого вида, сплавляются с ними.

Начало пути как раз и зависит от способности человека различать эти два вида влияний, иначе они будут действовать на одном уровне и с одинаковыми результатами.

Результаты влияний второго рода накапливаются внутри человека, он помнит и чувствует их, они начинают формировать в нем определенное целое, образуют магнитный центр, который притягивает к себе родственные влияния и таким образом растёт, развивается. И тогда этот человек может встретить другого, который знает путь. Этот момент встречи называется первым порогом, или первой ступенью, с нее и начинается лестница. Человек может ступить на путь, только пройдя по этой лестнице, проложенной между жизнью и путем. Путь начинается только там, где кончается лестница, то есть от последней ступени на ней, на уровне значительно более высоком, чем обычный уровень жизни.

Поэтому на вопрос — с чего начинается путь? — ответить практически невозможно. Путь начинается с чего-то, чего вообще нет в жизни, и установить поэтому точку его начала нельзя. Иногда говорят: поднимаясь по лестнице, человек не уверен ни в чем, он может во всем сомневаться — в собственных силах, в правильности выбора, в своем руководителе, в его знаниях. Но когда он переступил через последний порог и вступил на путь, все меняется: сомнения исчезают, руководитель становится для него не столь необходимым, как раньше, он теперь может стать независимым, он знает, куда идти дальше.

Это почти все, что можно сказать о «пути» и «лестнице» вообще. Но существуют различные пути, и о них я говорил раньше. Например, на четвертом пути существуют такие условия восхождения по лестнице: человек не может подняться на более высокую ступень, прежде чем не поставит на свою ступень другого человека. Тот, в свою очередь, должен поставить на свое место третьего человека, чтобы самому подниматься дальше. Таким образом, чем выше человек восходит, тем больше он зависит от тех, кто следует за ним. Существуют также различные варианты положения учителя по отношению к эзотерическому центру: он может знать больше или меньше о нем, он может точно знать, где этот центр находится и как из него получить знания и помощь, он может знать только человека, от которого сам получил знания. В большинстве случаев люди как раз начинают с такого пункта, где они знают лишь одну ступень выше своего уровня. И только пропорционально своему собственному развитию начинают видеть дальше и узнавать, откуда пришло то, что они знают. Результаты работы человека, который принимает на себя роль учителя, зависят в значительной степени от того, действительно ли его идеи исходят из эзотерического центра, от того, понимает ли он сам и способен ли различить эзотерические идеи, — то есть отличить объективные знания от субъективных.

Что еще важно отметить: учитель всегда соответствует уровню ученика. Но ученик, уровень которого невысок, не может рассчитывать на учителя более высокого уровня. Обычно бывает так, что сам человек гроша медного не стоит, а в учителя ему подавай самого Иисуса Христа, на меньшее он не согласен. Ему не приходит в голову, что если бы он и встретил такого учителя, то никогда не смог бы последовать за ним, ибо для этого надо быть на уровне апостола. Как уже было сказано, никто не может подняться на более высокую ступень до тех пор, пока не поставит на свое место другого человека. То, что человек получит, он должен немедленно отдать, только тогда он сможет иметь больше. В противном случае у него будет отнято даже то, что ему было дано.

На одной из последующих встреч, после довольно долгого разговора о знании и бытии, Гурджиев сказал:

— Вы не можете пока рассуждать о знании, потому что не знаете, с чего оно начинается.

Знание начинается с учения о космосах.

Из Каббалы и других древних систем вы знаете о двух космосах: «большой космос» — Вселенная и «малый» — человек. Но это учение неполное. Полное учение говорит не о двух, а о семи космосах, заключенных один в другой. Первый космос — первичный — Протокосмос; второй — Айокосмос — «святой», или Мегалокосмос — «великий космос»; третий — Макрокосмос; четвертый — Дейтерокосмос — «второй космос»; пятый — Мезокосмос — средний; шестой — Тритокосмос; седьмой — Микрокосмос.

Протокосмос есть Абсолют в Луче Творения, или Мир 1. Айокосмос — Мир 3 («все миры» в Луче Творения). Макрокосмос — наш звездный мир, или Млечный Путь (Мир 6 в Луче Творения). Дейтерокосмос есть Солнце, солнечная система (Мир 12.) Мезокосмос — «все планеты» (Мир 24), или Земля как представитель мира планет. Тритокосмос есть человек, Микрокосмос — «атом».

Как я уже объяснял раньше, то, что называется «атомом», есть наименьшее количество какой-то субстанции, в котором она сохраняет все свои свойства — физические, химические, психические и космические. С этой точки зрения, может существовать, например, «атом воды».

Каждый космос есть живое существо, которое дышит, мыслит, чувствует, рождается и умирает. Все они являются результатом одних и тех же сил, одних и тех же законов, но проявляются эти законы на разных планах Вселенной, то есть на разных ее уровнях, по-разному. Вследствие этого космосы не совсем аналогичны друг другу. Аналогия была бы полной, если бы не существовал Закон октав.

Условия действия законов в каждом космосе определяются двумя примыкающими к ним снизу и сверху космосами. Три космоса, стоящие рядом, дают полную картину проявления

законов Вселенной. Так, Мезокосмос и Микрокосмос, взятые вместе, определяют Тритокосмос. Дейтерокосмос и Тритокосмос определяют Мезокосмос и т. д.

Отношение одного космоса к другому отличается от отношения одного мира к другому в Луче Творения. Там миры рассматриваются в тех фактических отношениях, в которых они существуют для нас во Вселенной, с наших позиций: Луна, Земля, планеты, Солнце, Млечный Путь и т. д. Количественное же их соотношение, как мы видим, непостоянное. Соотношения же космосов всегда постоянны и одинаковы. Иначе говоря, один космос относится к другому как и у л ь к б е с к о н е ч н о с т и.

Идея космосов помогает нам понять наше место в мире и разрешает многие вопросы, например, связанные с пространством и временем. И прежде всего помогает уяснить принцип относительности, дает возможность поставить изучение этого принципа на прочную основу.

В прямой связи с учением о космосах находится идея возможности расширения сознания человека и увеличения его способности к познанию. В своем обычном состоянии человек осознает себя в одном космосе, с этой позиции он рассматривает и все другие. Расширение сознания и активизация психических функций человека приводит его в сферу жизнедеятельности одновременно двух других космосов, находящихся рядом — выше и ниже, то есть большего и меньшего. Это, возможно, объяснит нам некоторые выражения, встречающиеся в оккультной литературе, например, такое: «Путь вверх есть в то же самое время путь вниз». Как правило, его истолковывают неверно. В действительности оно означает, что если, например, человек начинает чувствовать жизнь планет, то есть его сознание переходит на уровень мира планет, то он в то же время начинает чувствовать и жизнь атомов, его сознание переходит и на этот уровень. Таким образом, сознание расширяется одновременно в двух направлениях.

Проявление законов одного космоса в другом и составляет то, что мы называем ч у д о м. Никакого другого чуда не может быть. Чудо — это не нарушение законов и не явления, стоящие вне законов. Это явления, которые имеют место в соответствии с законами другого космоса, непонятными и неизвестными. Поэтому они и представляются ч у д е с н ы м и.

Чтобы понять закон относительности, полезно рассматривать жизнь и явления одного космоса, как бы глядя на них из другого космоса, с точки зрения его законов. И это зрение вообще полностью изменяет картину мира и вещей.

Только идея космосов имеет прочную основу для установления законов относительности. Можно сказать, что наука и философия, в истинном смысле этих слов, начинаются с идеи космосов.

Произнеся эти слова, после довольно долгого молчания, Гурджиев повернулся ко мне и добавил:

— **Попытайтесь обсудить все, что я только что сказал, с точки зрения высших измерений.**

— Все, о чем вы говорили, — начал я, — несомненно, относится к проблеме измерений. Но прежде я хотел бы выяснить для себя один вопрос. Мы привыкли связывать идею Микрокосмоса с человеком. Это значит, что человек представляет собой целый мир, который аналогичен большому миру — Макрокосмосу. Но вы даете название человеку как Тритокосмос. Почему третий космос?

— **Пока я не стану вам этого объяснять, — ответил Гурджиев, — вы сами поймете это позднее.**

— Но вы же действительно хотите сказать, что понятие Микрокосмос неприменимо по отношению к человеку? — спросил кто-то из присутствующих.

— **Да, да, — сказал Гурджиев, — человек — это Тритокосмос. Микрокосмос — это атом, или, скорее... — он приостановился, как бы подыскивая слово, — микроб. Но не задерживайтесь на этом вопросе, все потом будет разъяснено.**¹

Затем он снова повернулся ко мне:

— **Объясните то, что я сказал, с вашей точки зрения.**

— Прежде всего мы должны рассмотреть, что означает отношение нуля к бесконечности, — сказал я. — В геометрии это отношение единицы некоторого числа измерений к другой единице большего числа измерений. Таково отношение точки к линии, линии — к плоскости, плоскости — к объемному телу, объемного, то есть трехмерного тела, к четырехмерному и т. д.

Если мы примем эту точку зрения, то должны допустить, что отношение одного космоса к другому — это отношение двух тел разных измерений. Если один космос трехмерен, тогда следующий, более высокого порядка, должен быть четырехмерным, следующий — пятимерным и т. д. Если мы примем «атом», или, как вы говорите, «микроб», то есть Микрокосмос, за точку, тогда, по отношению к ней, человек будет линией, то есть фигурой одного измерения. Следующий космос, Земля, по отношению к человеку будет плоскостью, то есть будет иметь два измерения, как это и есть на самом деле при нашем непосредственном восприятии. Солнце, солнечная система будет для Земли трехмерной, мир звезд — четырехмерным для Солнца, «все миры» — пятимерными, а Абсолют, Протокосмос, — шестимерным.

Меня лично в системе космосов больше всего интересует то, что я вижу в ней полный «период измерений» моей «Новой модели Вселенной». Не знаю, как это произошло, ведь я никогда не слышал о семи космосах, относящихся друг к другу, как ноль к бесконечности.

Моя система содержит в себе семь измерений. Нулевое

¹ Позднее Гурджиев изменил свою терминологию.

измерение, или точка, представляет собой предел. Это значит, что мы видим нечто как точку и не знаем, что скрыто за ней: действительно ли точка, то есть тело, не имеющее измерений, или целый мир, но настолько от нас удаленный, что кажется точкой. Движение этой точки в пространстве будет представляться нам линией. Точно так же сама точка увидит пространство, в котором она движется, как линию. Движение линии в направлении, перпендикулярном к ней, будет плоскостью, а сама линия будет видеть пространство, по которому движется, в форме плоскости.

Но точку, линию и плоскость можно рассматривать также с точки зрения трехмерного тела: в этом случае плоскость станет гранью тела, или его боковой стороной, или сечением. Линия будет ограничивающей плоскость или сечением плоскости, точка — пределом или сечением линии. Трехмерное тело отличается от точки, линии и плоскости тем, что в нашем восприятии имеет реальное физическое существование. Плоскость — это фактически лишь проекция тела, линия — проекция плоскости, точка — проекция линии. «Тело» же имеет независимое физическое существование, то есть обладает рядом физических свойств.

Когда мы говорим о вещи, что она «существует», мы подразумеваем и существование ее во времени. Но в трехмерном пространстве времени нет — оно лежит за его пределами. Время, как мы его ощущаем, есть четвертое измерение. Существование для нас есть существование во времени, то есть движение или протяженность в четвертом измерении. И если мы, находясь в четвертом измерении, подумаем о жизни как о четырехмерном теле, тогда трехмерное тело будет его сечением, его проекцией, его пределом.

Однако существование во времени не охватывает всех аспектов существования. Каждый момент времени существует также в вечности. И если мы представим время как линию, то она будет в каждой точке пересекаться линиями вечности. Каждая точка линии времени будет линией в вечности. Линия времени будет плоскостью в вечности. Вечность имеет на одно измерение больше, чем время. И если время является четвертым измерением, то вечность — пятым. Если пространство времени четырехмерно, пространство вечности — пятимерно. Далее: каждый момент времени содержит некоторое количество возможностей. Я могу взять со стола и бросить на пол лист бумаги, карандаш или пепельницу. Но я не могу взять со стола апельсин или яблоко и бросить на пол, если их нет на столе.

Существует несколько комбинаций возможностей по отношению к вещам на столе, которые можно бросить на пол. И если мы примем за момент времени тот, когда эти возможности существуют, то следующим будет момент реализации одной из этих возможностей. (Карандаш брошен на пол.) Затем наступает новый момент, который также имеет известное число возможностей; следующим за ним будет опять момент суще-

ствления одной из них. Последовательность моментов осуществления одной возможности составляет линию времени. Но каждый момент времени имеет бесконечное существование в вечности.

Все возможности, которые были созданы или возникли в мире, должны быть осуществлены. В то же время для их осуществления нет места в пределах вечности. В вечности все, что было реализовано, продолжает реализовываться, а все неосуществленное продолжает оставаться неосуществимым.

Вечность однако есть всего лишь плоскость, пересеченная линией времени. В каждой точке этой линии остается некоторое число нереализованных возможностей. И если мы представим себе линии их осуществления, то они будут находиться на радиусах, исходящих из одной точки под разными углами к линии времени и к линии вечности, и будут проходить за пределами пятимерного пространства вечности, в «высшей вечности», в шестом измерении.

Шестое измерение есть линия реализации всех возможностей; пятое — линия вечного существования или повторения реализованных возможностей; четвертое — последовательность моментов реализации одной возможности. Семь измерений — от нулевого до шестого — составляют полный период измерений; за ним либо нет ничего, либо, возможно, тот же период повторяется на другой шкале.

Я уже говорил, что система космосов поражает меня больше всего тем, что она полностью соответствует «периоду измерений», только идет еще дальше и объясняет многое, что не было прояснено в моей модели Вселенной.

Таким образом, если мы возьмем Микрокосмос, то есть «атом», «микроб», по определению Гурджијева, тогда Тритокосмос будет для него четырехмерным пространством, Мезокосмос — пятимерным, Дейтерокосмос — шестимерным. Это значит, что все возможности «атома» или «микроба» реализуются в пределах солнечной системы.

Если же мы примем человека за Тритокосмос, тогда для него Мезокосмос окажется четырехмерным, Дейтерокосмос — пятимерным, а Макрокосмос — шестимерным пространством. Это значит, что все возможности Тритокосмоса реализуются в Макрокосмосе.

По аналогичной схеме, все возможности Мезокосмоса реализуются в Аюкосмосе, а все возможности Дейтерокосмоса — в Протрокосмосе, или в Абсолюте.

Каждый космос сам по себе трехмерен, поскольку имеет реальное физическое существование. Четвертое измерение лежит для него в более высоком и в более низком космосах. Как ни парадоксально, но это факт: четвертое измерение находится для него как в области очень больших, так и очень малых величин, столь же в области фактически бесконечности, сколь и в области того, что есть фактически нуль.

Далее мы должны понять, что трехмерность даже одного

и того же тела может быть различной. Только шестимерное тело может быть полностью реальным. Пятимерное есть лишь несовершенный вид шестимерного, четырехмерное — неполный вид пятимерного и т. д. И линия есть неполный вид плоскости, а точка — неполный вид линии.

Кроме того, шестимерное тело может видеть себя трехмерным. Кто-либо, глядя на него со стороны, тоже может увидеть его как трехмерное, но в трехмерности совершенно иного рода. Земля, существующая в нашем воображении как трехмерное тело, для самой себя является совершенно иной. Наше зрительное представление о ней неполно: мы видим ее как сечение сечения сечения ее полного бытия.

Возможности Земли реализуются в Айокосмосе. Это значит, что в нем Земля представляет собой шестимерное тело. В Дейтерокосмосе Земля уже не точка (как масштабное сокращение трехмерного тела), а линия, которую мы рассматриваем как путь вокруг Солнца. Если мы представим себе линию движения Солнца, тогда линия движения Земли вокруг нее станет спиралью. Боковое движение этой спирали построит фигуру, которую мы не можем себе представить, так как не знаем природы этого движения, но которая, тем не менее, является шестимерной фигурой Земли.

Все это необходимо понять, иначе идея трехмерности космосов окажется связанной лишь с нашими обычными представлениями о трехмерных телах.

Итак, трехмерность даже одного и того же тела может быть различной. И этот вывод, как я думаю, должен быть связан с тем, что Гурджиев называет «принципом относительности». Его принцип не имеет ничего общего с принципом относительности Эйнштейна.* Это принцип относительности существования.

На этом я закончил обзор системы космоса с позиции моих «периодов измерений».

— В том, что вы сказали, заключен большой материал, — заметил Гурджиев, — но он нуждается в обработке. Если вам удастся это сделать, вы поймете многое из того, что сегодня даже не приходит вам в голову. Например, что время различно в разных космосах и его можно точно рассчитать, установить, как время в одном космосе соотносится со временем в другом. Добавлю еще только одно: время — это дыхание. Постарайтесь это понять.

Позднее один из московских учеников Гурджиева дополнил эту загадочную фразу словами Учителя о том, что сон и бодрствование живых существ и растений, то есть двадцать четыре часа, день и ночь, составляют «дыхание органической жизни».

Лекция Гурджиева о космосах и последовавшие за ней беседы сильно возбудили мое любопытство. Это был прямой переход от «трехмерной Вселенной», с которой мы начинали,

к проблемам пространства, времени и высших измерений, над которыми я работал в течение многих лет.

Особенно мы были озадачены «Микрокосмосом». Если бы можно было принять человека за Микрокосмос, а Тритокосмосом считать все человечество, или, скорее, органическую жизнь, было бы гораздо легче установить отношения человека с другим космосом. Когда мы пытались говорить об этом с Гурджиевым, он продолжал настаивать на своих определениях.

Во всяком случае, несколько позднее, когда я снова вернулся к идее космосов, я решил принять человека за Микрокосмос, а органическую жизнь на Земле — за Тритокосмос. При таком построении многие вещи стали хорошо увязываться. И однажды, просматривая рукопись Гурджиева «Проблески истины», я нашел в ней выражения «Микрокосмос» и «Макрокосмос», где первое относилось к человеку. Это еще более утвердило нас в решении принимать человека за Микрокосмос. Позднее нам стало ясно, почему Гурджиев хотел заставить нас применить понятие «Микрокосмос» к малым, по сравнению с человеком, величинам и на что хотел направить нашу мысль.

Помню один разговор на эту тему.

— Если мы хотим представить графически соотношение космосов, — сказал я, — мы должны принять Микрокосмос, человека, за точку, то есть рассматривать его в очень малом масштабе, как бы на огромном расстоянии от себя. Тогда его жизнь в Тритокосмосе — то есть среди других людей и среди природы — будет линией, которую он вычерчивает на поверхности Земли, передвигаясь с места на место. В Мезокосмосе, в связи с двадцатичетырехчасовым движением Земли вокруг своей оси, эта линия станет плоскостью; тогда как по отношению к Солнцу, то есть принимая во внимание движение Земли вокруг Солнца, она станет трехмерным телом, или, другими словами, чем-то реально существующим, реализованным. Но поскольку исходный пункт — человек, Микрокосмос, также является трехмерным телом, мы имеем две трехмерности.

В этом случае все возможности человека реализуются в Солнце. Это соответствует тому, что было сказано ранее, а именно: человек номер семь становится бессмертным в пределах солнечной системы. Вне Солнца, вне солнечной системы, он не имеет и не может иметь какого-либо существования или, другими словами, с точки зрения следующего космоса, он вообще не существует. В Макрокосмосе реализуются возможности Тритокосмоса, и человек может существовать в Макрокосмосе только в качестве атома Тритокосмоса. Возможности Земли реализуются в Мегалокосмосе, а возможности Солнца — в Протокосмосе.

Если Микрокосмос, человек, трехмерное тело, тогда Тритокосмос, или органическая жизнь на Земле, — четырехмерное. Земля имеет пять измерений, Солнце — шесть.

С обычной, научной точки зрения, человек — трехмерное

тело, органическая жизнь на Земле в целом скорее явление, чем трехмерное тело; наука также считает трехмерными Землю, Солнце и Млечный Путь. Неточность такого подхода очевидна, если мы попытаемся постичь существование одного космоса в другом, низшего в высшем, меньшего в большем, например, существование человека в органической жизни или по отношению к ней. В этом случае органическую жизнь нужно обязательно рассматривать во времени, а существование во времени есть протяженность в четвертом измерении.

И Землю нельзя рассматривать как трехмерное тело. Она могла бы быть таковой, если бы не двигалась. Ее движение вокруг своей оси делает человека пятимерным существом, а движение Земли вокруг Солнца делает ее четырехмерной. Земля — не шар, а спираль, окружающая Солнце, и Солнце — не шар, а некое веретено внутри этой спирали. И спираль, и веретено, взятые вместе, в следующем космосе должны обладать дополнительным движением, но что в результате происходит, мы не можем представить, так как не знаем ни природы этого движения, ни его направления.

Далее, семь космосов представляют собой «период измерений», но это не значит, что цепь космосов начинается Микрокосмосом. Если человек есть Микрокосмос, то есть космос в самом себе, тогда микроскопические клетки, составляющие его тело, находятся почти в таком же отношении к нему, как он сам находится по отношению к органической жизни на Земле. Мельчайшая клетка, которая находится на пределе микроскопического видения, состоит из миллиардов молекул; это следующая ступень, следующий космос. Углубляясь, мы получим, таким образом, второй Микрокосмос — клетку, третий — молекулу, четвертый — электрон. Эти подразделения и определения — «клетки», «молекулы», «электроны» — возможно, весьма несовершенны, но принцип всегда останется одним и тем же, и низкие космосы всегда будут находиться в таком отношении к Микрокосмосу.

Трудно восстановить в памяти все разговоры, которые мы тогда вели вокруг идеи космосов. Я лично особенно часто возвращался к словам Гурджиева о различии времени в разных космосах и чувствовал, что здесь скрыта загадка, которую я могу и должен решить.

Глава 13

Подготовка к «фактам». «Чудо» начинается. Мысленные разговоры с Гурджиевым. Трудность возвращения назад.

Середина лета 1916 года осталась в памяти группы как период очень напряженной внутренней работы. Все мы чувствовали, что делаем очень мало, по сравнению с той огромной задачей, которую перед собой поставили. Мы понимали, что наш шанс

узнать больше может исчезнуть так же внезапно, как и появился. И мы старались сделать все возможное, пока условия оставались для нас благоприятными.

Я начал серию упражнений, используя некоторый опыт, приобретенный ранее. Провел серию коротких, но очень интенсивных постов. Называю их интенсивными потому, что предпринимал их отнюдь не с гигиенической целью, а старался дать организму сильнейший толчок. Одновременно применял систему дыхания, которая в сочетании с постом давала интересные психологические результаты. Проводил упражнения довольно сложного характера для сосредоточения внимания.

Не описываю этих экспериментов и упражнений детально, потому что в конце концов это была попытка найти свой путь, но без точного представления о возможных результатах. Но все это вместе, равно как и наши беседы, встречи, держало меня в состоянии необычного напряжения и, конечно, в значительной степени подготовило к серии необыкновенных переживаний, через которые мне пришлось пройти в августе 1916 года.

Гурджиев сдержал свое слово, и я наконец-то увидел «факты», до которых, как говорил Гурджиев, надо дойти, многое понять. И теперь я подхожу к самому трудному, потому что описать сами факты нет никакой возможности. Почему? Я часто задавал себе этот вопрос и мог только ответить, что в них слишком много личного для того, чтобы сделать их общим достоянием. Я думаю, что так было не только в моем случае, так бывает в с е г д а.

Когда я встречался с подобного рода утверждениями в воспоминаниях или заметках людей, прошедших через такие необычные переживания и потом отказывавшихся их описать, это вызывало во мне чувство негодования. Когда они говорили: «Я нашел, но не в состоянии описать то, что нашел», — мне такие признания всегда представлялись искусственными, надуманными.

И вот я оказался в совершенно таком же положении. Я нашел то, что искал. Я наблюдал факты, полностью превосходящие то, что мы считаем возможным, признанным или допустимым, но ничего не могу рассказать о них.

Главная часть этих внутренних переживаний заключалась в новом знании, которое приходит вместе с ними. После всех моих постов и других экспериментов я чувствовал себя слабее, чем обычно. Приехал на дачу в Финляндию, где уже были Гурджиев и еще восемь человек из нашей группы. Вечерняя беседа коснулась наших попыток рассказать о своей жизни. Гурджиев был очень резок и саркастичен, в особенности он подчеркивал нашу трусость и леность ума. Меня чрезвычайно задело, когда он принялся повторять перед всеми то, что я сказал ему строго конфиденциально о докторе С. И это было крайне неприятно для меня. Думаю, было уже около десяти вечера, когда он позвал меня, доктора С. и З. в небольшую отдельную комнату. Мы уселись на полу по-турецки, и Гурджи-

ев начал объяснять и показывать нам некоторые позы и движения тела. Я не мог не заметить, что во всех его движениях была поразительная уверенность и точность; хотя сами по себе эти движения и позы не представляли особой проблемы, Гурджиев выполнял их необычным образом — с расслабленными мускулами.

После этого он перешел к вопросу о том, почему мы не могли рассказать историю своей жизни.

И с этого началось «чудо».

Могу с полной уверенностью заявить, что Гурджиев не применял никаких внешних методов, то есть не давал мне наркотиков и не гипнотизировал каким-нибудь известным способом. Но вдруг я начал слышать его мысли. Я сидел напротив Гурджиева, а доктор С. и З. — по сторонам от него. Гурджиев говорил о наших «чертах», о нашей способности видеть и говорить правду. Его слова вызвали во мне сильное смутение. И вдруг я заметил, что среди слов, которые он говорил нам всем, есть «мысли», предназначенные исключительно для меня. Я уловил одну из них и ответил на нее вслух, обычным образом. Гурджиев кивнул мне и перестал говорить. Наступила довольно долгая пауза. Он сидел спокойно и молчал. Спустя некоторое время я услышал его голос внутри себя, как бы в груди, около сердца. Он задал мне вопрос. Я смотрел на него, он улыбался. Его вопрос вызвал у меня очень сильную эмоцию, но я ответил утвердительно.

— Почему он сказал это! — спросил Гурджиев, глядя по очереди то на З., то на доктора С. — Разве я что-нибудь у него спрашивал!

И сразу же задал мне другой, еще более трудный вопрос, обращаясь ко мне прежним способом. Я снова ответил на него естественным голосом. З. и доктор С. были явно удивлены происходящим. Этот разговор, если его можно назвать таковым, продолжался не менее получаса. Гурджиев задавал мне вопросы без слов, а я отвечал на них обычным образом. Я был сильно взволнован — и тем, что говорил мне Гурджиев, и теми вещами, которые он спрашивал у меня и которые теперь не могу передать словами. Дело касалось некоторых условий, которые я должен был принять — или оставить р а б о т у. Гурджиев дал мне месячный срок, я от него отказался и заявил, что каким бы трудным ни было то, что он требует, я выполню все немедленно. Но Гурджиев настаивал. Наконец, он поднялся, и мы вышли на веранду. С другой стороны дома была большая веранда, где сидели наши остальные люди. О том, что происходило после этого, могу сказать очень немного, хотя главное событие произошло именно потом. Гурджиев разговаривал с С. и З., затем он сказал кое-что обо мне, и его слова сильно возбудили меня. Я вскочил со стула и ушел в сад, оттуда отправился в лес и долго бродил там, в темноте, находясь во власти самых необычайных мыслей и чувств. Иногда мне казалось, что

я что-то нашел, затем опять терял. Так продолжалось в течение часа или двух. Наконец в момент, когда я ощутил нечто вроде вершины противоречий и внутреннего смятения, в моем уме мелькнула мысль, следуя которой я очень быстро пришел к ясному и правильному пониманию всего, что Гурджиев сказал о моей собственной ситуации. Я увидел, что он прав: того, что я считал в себе прочным и надежным, в действительности не существовало. Но я обнаружил что-то еще. Я знал, что он не поверил бы мне и посмеялся бы надо мной, если бы я показал ему эту другую вещь. Но для меня самого она была неоспоримой, и то, что произошло позже, показало, что я был прав.

Долго сидел я на какой-то прогалине и курил, когда же вернулся к дому, на малой веранде было уже темно. Думая, что все уже ушли спать, я отправился в свою комнату и лег в постель. В действительности в то время Гурджиев и другие ужинали на большой веранде. Немного погодя после того, как я лег в постель, меня снова охватило странное возбуждение, сердце начало сильно биться, и я снова услышал голос Гурджиева у себя в груди. Теперь я не только слышал, но и отвечал мысленно, и Гурджиев слышал меня и отвечал мне. В этом разговоре было что-то очень странное. Я пытался найти хоть какое-то фактическое подтверждение происходящему, но не мог ничего найти. В конце концов все могло быть «воображением» или сном наяву, потому что, хотя я и старался спрашивать Гурджиева о чем-нибудь конкретном, что не оставило бы никакого сомнения в реальности происходящего, я не мог избрести ничего веского. И некоторые вопросы, которые я задавал ему, я мог бы с успехом задавать себе и отвечать на них сам. У меня даже возникло впечатление, что он избегал конкретных ответов, которые как раз и могли бы служить «доказательством». Однако ощущение того, что это был разговор, было очень сильным и совершенно новым, не похожим ни на что другое.

После одной продолжительной паузы Гурджиев спросил у меня нечто такое, что сразу же меня насторожило, а потом остановился, как бы ожидая ответа. То, что он сказал, вдруг заставило замереть все мои мысли и чувства. Это был не страх, по крайней мере, не осознанный страх, когда человек знает, чего он боится, но я весь дрожал, что-то буквально парализовало меня, так что я не мог выговорить ни одного слова, хотя и делал отчаянные усилия. Я чувствовал, что Гурджиев ждет.

— Ну ладно, — сказал он наконец, — сейчас вы устали, оставим до другого времени.

Я начал что-то говорить, думаю, просил его еще подождать, дать мне еще немного времени.

— В другой раз, — сказал Гурджиев, и голос его умолк.

Я долго не мог заснуть. Утром, когда я вышел на малую веранду, где мы были накануне вечером, Гурджиев сидел в саду у круглого стола, в двадцати метрах от меня. С ним были трое или четверо, я направился к ним.

— Спросите, что произошло с ним вчера вечером, — сказал Гурджиев.

Это почему-то рассердило меня, я повернулся и пошел назад, к веранде. Когда я ее достиг, снова услышал у себя в груди голос Гурджиева: «Стойте!» Я остановился и повернулся к Гурджиеву. Он улыбался.

— Куда же вы идете! Садитесь здесь, — сказал он обычным голосом.

Я сел около него, но ничего не мог сказать, да мне и не хотелось говорить. В то же время я почувствовал какую-то необычайную ясность мысли и решил попытаться сосредоточиться на проблемах, которые казались мне особенно трудными. В голову пришла мысль, что в этом необычном состоянии я, быть может, сумею найти на них ответы. И начал думать о первой триаде Луча Творения, о трех силах, составляющих одно. Что могли они означать? Можем ли мы определить их? Понять их смысл? Что-то начало само собой формулироваться у меня в голове, но как только я пытался перевести это в слова, все исчезало. Воля, с о з н а н и е... что же третье? — спросил я себя. Мне казалось, что если бы я смог назвать т р е т ь е, я сразу бы понял все другое.

— Оставьте это, — сказал Гурджиев громко.

Я взглянул на него, он на меня.

— К этому еще долгий путь, — сказал он. — Сейчас вы не найдете ответа, подумайте лучше о самом себе, о своей работе.

Люди, сидевшие вместе с нами, с изумлением глядели на нас.

Затем началось нечто странное, длившееся целый день и продолжавшееся потом. Мы оставались в Финляндии еще три дня, много и постоянно говорили на самые различные темы, и все это время я находился в необычном эмоциональном состоянии, которое иногда становилось тягостным, утомительным.

— Как можно избавиться от этого? Я больше не могу переносить такое состояние, — сказал я Гурджиеву.

— Так вы хотите погрузиться в сон! — спросил он.

— Конечно, нет, — ответил я.

— Тогда о чем же вы спрашиваете! Это и есть то, чего вы хотели, пользуйтесь этим. Сейчас вы не спите!

Многое из того, что я говорил тогда, должно быть, сильно удивило моих товарищей. Да я и сам многому удивлялся. Много происходило как во сне, многое не имело никакого отношения к реальности. Не могло быть никакого сомнения, что многое — плод моего собственного воображения. И впоследствии я со странным чувством вспоминал то, что тогда говорил.

Наконец мы вернулись в Петербург. Гурджиев уезжал в Москву, и проводить его собралась довольно большая компания. Он уехал. Но «чудесное» еще далеко не закончилось. Поздним вечером того же дня я снова «беседовал» с ним, при этом видел его в вагоне поезда, шедшего в Москву. Затем

последовал период, длившийся около трех недель, когда я на-
талкивался на «спящих людей». Это требует особого пояснения.

Через два или три дня после отъезда Гурджиева я шел по
Троицкой улице и внезапно увидел, что человек, идущий на-
встречу, спит. В этом не могло быть никакого сомнения. Хотя
глаза его были открыты, он шел, явно погруженный в сны,
которые, подобно облакам, пробегали по его лицу. Мне при-
шло в голову, что если бы я мог смотреть на него достаточно
долго, я увидел бы его сны. Но он прошел мимо. За ним следо-
вал другой человек, и он тоже спал. Проехал спящий извозчик
с двумя спящими пассажирами. Неожиданно я обнаружил себя
в положении принца из «Спящей красавицы». Все вокруг меня
были погружены в сон, и это ощущение было явственным и не-
сомненным. Я понял, что значит утверждение о том, что многое
можно видеть по-настоящему нашими глазами, многое из того,
что мы обычно не видим. Подобные ощущения продолжались
несколько минут, затем слабо повторились на следующий день.
Но я сделал открытие: стараясь в с п о м н и т ь с е б я, я был
в состоянии усилить и продлить эти ощущения на столько, на
сколько у меня хватило бы энергии не отвлекаться, то есть не
допускать, чтобы окружающее привлекло мое внимание. Когда
внимание отвлекалось, я переставал видеть «спящих» людей,
очевидно, сам впадал в сон.

Потом все стало нормальным. Я не мог дать себе ясного
отчета: что же в действительности случилось? Во мне произо-
шел глубокий переворот. Несомненно, во всем, что я говорил
и думал в течение тех трех недель, было много фантазии.
Однако я видел себя, видел в себе нечто такое, чего никогда
раньше и не предполагал. И хотя впоследствии я вновь стал
таким же, каким и был, но я не мог не з н а т ь того, что со
мною было, я ничего не мог забыть. Уже тогда я понял с неоспо-
римой ясностью, что никакие явления высшего порядка, то есть
превосходящие категорию обычных, повседневно наблюдае-
мых, иногда называемые «метафизическими», нельзя наблю-
дать и исследовать о б ы ч н ы м и с р е д с т в а м и, в обычном
состоянии сознания. Было бы совершеннейшей нелепостью
полагать, что можно такими же способами, как изучают элек-
трические, химические и метеорологические феномены, изу-
чать явления высшего порядка — «телепатию», «ясновидение»,
медиумические и тому подобные вещи. В явлениях высшего
порядка есть нечто, требующее для их наблюдения и изучения
особого эмоционального состояния. И это исключает любую
возможность «правильно проведенных» лабораторных опытов
и наблюдений.

К таким же выводам я пришел раньше, после собственных
опытов, описанных в главе «Экспериментальная мистика» книги
«Новая модель Вселенной»; теперь же я понял причину, почему
подобные опыты невозможны.

Второе интересное заключение, к которому я пришел, опи-

сать гораздо труднее. Это относится к изменению, которое я отметил в некоторых моих взглядах, в некоторых формулировках моих целей, желаний и надежд. Описать сами изменения затрудняюсь, могу только сказать, что они никоим образом не связаны с тем, о чем шла речь в Финляндии, но наступили они в результате эмоций, которые я там пережил: Первое, что я смог отметить, это ослабление во мне того крайнего индивидуализма, который до самого этого момента был основной чертой моего отношения к жизни. Я начал больше видеть людей, больше чувствовать свою общность с ними. Вторым было то, что где-то глубоко внутри себя я понял эзотерический принцип невозможности насилия, то есть бесполезности насильственных мер для достижения каких бы то ни было целей. С ясностью, не вызывающей сомнений, я увидел и никогда более не утрачивал этого чувства: насильственные методы и средства в чем бы то ни было неизбежно приведут к отрицательным результатам, противоположным тем целям, для которых они были применены. То, к чему я пришел, было похоже своей видимостью на толстовское непротivление, но я пришел к нему не с этической, а с практической стороны, не с точки зрения того, что лучше или хуже, а что более эффективно и целесообразно.

Продолжение следует.

НЕЗНАКОМЫЕ В ПОЕЗДЕ

Глава 31

РОМАН

Гай принял решение, но было слишком много щелей, через которые отторгнутая часть его личности могла врываться в ту, другую часть его естества, которая пыталась спрятаться... Определенные слова, звуки, свет, какой-то жест снова и снова будили в памяти то, от чего он пытался отгородиться. Бракосочетание, которого все ждали с такой радостью, к которому так тщательно готовились, казалось ему актом ужасающего обмана, и чем ближе была эта дата, тем отчаяннее метался Гай в душевном разладе. До последней минуты он сражался с собой, чтобы просто не сбежать.

Роберт Тричер, его друг с периода работы в Чикаго, позвонил ему, поздравил и спросил, можно ли приехать на свадьбу. Гай вдруг осознал, что уже почти год не думает о друге; он даже не ответил на его последнее письмо. Точно так же захирели его связи с Питером Риггсом, Виком Пойстером и Гюнтером Халлом. Он никогда не уделял друзьям много времени, так как среди них не было людей, которые этого требовали, но теперь ему казалось, что они решили расквитаться с ним за недостаточное внимание, избегая его, как если бы чувствовали, что он уже не заслуживает их дружбы.

В воскресенье утром, в день свадьбы, он кружил в ризнице вокруг Боба Тричера, снова и снова возвращаясь к проекту больницы, потому что это был последний спасательный круг, единственное доказательство, что он не утратил способности творить, что он еще жив. Проект удался великолепно. Боб Тричер хвалил его: Гай сумел доказать самому себе, что все еще способен работать.

Окончание. Начало в №№ 1, 2.

— Ты случайно не прихватил с собой бутылочку, Боб? Боб вскочил.

— Ясное дело, прихватил. И она здорово оттягивает мой карман, но я, черт меня побери, совсем о ней забыл. — Он поставил на стол бутылку. — Вот!

Боб, мужчина лет сорока с небольшим, скромный, но вспыльчивый, выглядел тем, кем он был: довольным своим положением старым холостяком, целиком отдавшим себя своей профессии, среди представителей которой пользовался большим авторитетом.

— Пей первым, — сказал он. — Я хочу провозгласить особый тост за Анну. Она очень красива. Прекрасна, как белый мост.

Гай смотрел на открытую бутылку. В шуме, долетающем через окно, ему слышались теперь насмешки над ним и Анной. Бутылка на столе была частью целого, банальным и чуть-чуть юмористическим реквизитом традиционного бракосочетания. Он пил виски перед браком с Мириам. И вдруг он швырнул бутылку в угол. Звон разбитого стекла лишь на секунду заглушил фанфары, голоса, бессмысленные вибрирующие звуки органа, которые тут же снова через окно и дверь наполнили комнату.

— Прости, Боб, прости, очень прошу.

Боб не отрывал от него взгляда.

— Нет у меня к тебе ни капли жалости, — сказал он с улыбкой.

— Но я сам себя жалею.

Боб явно не знал, смеяться ему или сохранять серьезность.

— Знаешь что? — сказал он наконец. — Я позаботился о второй бутылке...

Но в эту минуту дверь отворилась, и в ризницу вошел высокий и худой Питер Риггс. Гай представил его Тричеру. Питер тоже специально приехал на его свадьбу из Нью-Орлеана. Гай помнил, что Питер не захотел присутствовать на его первом бракосочетании: он не выносил Мириам. Его виски поседели, но улыбающееся худощавое лицо было похоже на лицо мальчишки. Гай ответил на рукопожатие старого друга; ему казалось, что он снова движется автоматически по назначенному ему неизбежному пути, как в ту ночь с пятницы на субботу...

— Уже время, Гай, — сказал Боб, открывая дверь.

Гай шел рядом со своим шафером. Двенадцать ступеней алтаря. Все со страхом молчат, молчат так, как молчали Фолкнеры тогда в автомобиле. Как долго еще они будут терпеливо ждать?

— Гай! — шепнул кто-то.

«Шесть, — считал Гай, — семь...»

— Гай! — Шепот из толпы, тихий, но настойчивый. Гай посмотрел в ту сторону и увидел лицо Бруно.

Бруно или только его призрак? Улыбающееся лицо, серые

глаза — острые, как булавки. «Десять, одиннадцать...» — считал он. Всего одиннадцать, но ступеней-то двенадцать, значит, седьмую он пропустил... Спутаться легко, это как синкопированный ритм... Он чувствовал, как волосы на его голове становятся дыбом. Пожалуй, это доказывает, что ему лишь почудился призрак Бруно, которого на самом деле здесь нет. «Боже, — молился он, — не дай мне грохнуться в обморок...» Но лучше упасть в обморок, чем допустить этот брак, ответил внутренний голос.

Он встал возле Анны, и рядом с ними оказался Бруно. Бруно рядом — как естественный спутник жизни, отныне и навсегда.

Бруно, Гай и Анна. Всю жизнь будут идти они вместе по неотвратимому пути, пока смерть не разлучит их. Какая другая кара может быть страшнее?

Вокруг него колыхались улыбающиеся лица. Гай признавал, что он бессмысленно, как обезьяна, подражает им. Свадьба состоялась в «Клубе ракетки и весла». Буфет с закусками и горячими блюдами, и каждый должен был выпить шампанского за здоровье новобрачных, Гай тоже, а Бруно там не было. Собственно, там никого не было, кроме множества безвредных старых дев в шляпках. Но в какой-то момент, когда миссис Фолкнер обняла его и поцеловала в щеку, Гай над ее плечом увидел проскользнувшего в дверь Бруно. С той же самой усмешкой он высматривал его, Гая. Бруно шел прямо к нему.

— Самые лучшие пожелания, Гай! Ты не сердись, что я сюда ворвался? Такой большой праздник!

— Убирайся. Убирайся немедленно!

Улыбка исчезла с лица Бруно, ее сменила обида.

— Я как раз вернулся с Капри, — сказал он хриплым голосом. На нем был новый костюм из темно-синего габардина с широкими, как у смокинга, карманами. — Как ты поживаешь, Гай?

— Выйди отсюда, — прошипел Гай. — Дверь за твоей спиной. — «Больше я не должен говорить ни слова», — подумал он. Гай боялся, что утратит власть над собой.

— Объявим на сегодня перемирие. Я хотел бы познакомиться с твоей женой, — не унимался Бруно.

Гай позволил увести себя двум молодым людям, взявшим его под руки с обеих сторон. Он не видел Бруно, но знал, что тот отступил к буфету с гримасой раздражения и обиды.

— Держитесь, Гай? — Фолкнер взял из его руки наполненную опорожненный бокал. — Пойдем к бару, там мы получим что-нибудь получше.

Гай выбрал шотландское виски. Он разговаривал с тестем, но совершенно не понимал, о чем тот толкует. Ему показалось, что он сказал вслух: «Прекратим эту комедию, велите всем разойтись». Разумеется, он этого не сказал, иначе Фолкнер не смеялся бы так сердечно.

Бруно, стоя в конце стола, наблюдал, как режут свадебный торт. Но в основном, как заметил Гай, он смотрел на Анну, и губы его при этом были растянуты в шальной усмешке.

Но вот Бруно подошел к Анне.

— Мне кажется, мы уже где-то встречались. Скажите, не кузина ли вы Тедди Фолкнера?

Гай видел, как соприкоснулись их руки. Он никогда не поверил бы, что выдержит это зрелище, но он выдержал.

— Тедди мой троюродный брат, — ответила Анна с вежливой улыбкой, какой минуту назад одарила кого-то другого.

Бруно расплылся в улыбке:

— Я играл с ним несколько раз в гольф.

Гай почувствовал прикосновение чьей-то руки. Это был Питер Риггс.

— Можно тебя на минутку, Гай?

— Не теперь, Питер, — ответил он. Приблизившись к Анне, он сжал ее запястье. Бруно взял тарелочку с куском свадебного торта. Держался он просто и свободно.

— Гай — мой старый приятель, мы знакомы очень давно. — Говоря это, Бруно многозначительно подмигнул Гаю.

— В самом деле? И как давно?

— Со студенческих времен. Старая дружба! — Бруно ощерил зубы в усмешке. — Никогда в жизни не видел столь очаровательной новобрачной. Мне очень приятно, что я представлен вам.

— Мне тоже приятно познакомиться с вами, — сказала она.

— Надеюсь часто видеть вас и Гаю. Где вы намерены поселиться?

— В Коннектикуте, — ответила Анна.

— Очень хорошее место, — заявил Бруно и снова подмигнул Гаю за ее спиной, после чего учтиво поклонился и отошел.

— Это знакомый Тедди? — спросил Гай. — Это Тедди его пригласил?

— Не делай такую несчастную мину, — засмеялась Анна. — Через минуту мы сможем отсюда улетучиться, дорогой...

— Этот молодой человек в синем костюме, он что, тоже учился у Димса? — спросила Анна.

Они ехали в Монток-Пойнтс. Одна из тетюшек Анны уступила им свой сельский домик для трехдневного свадебного отдыха. Более долгий отпуск Гай не мог себе позволить, так как вскоре должен был приступить к работе в фирме «Хортон, Хортон и Киз».

— Нет, в Художественном институте. Это длилось недолго. Почему он подтвердил ложь Бруно?

— У него интересное лицо, — сказала Анна.

— Интересное?

— Это не значит, что приятное. Но интересное.

Гай прикусил губу. Неужели Анна не заметила, что это лицо психически больного человека? Разве это не очевидно для всех?..

Глава 32

Портье фирмы «Хортон, Хортон и Киз» подал ему записку: мистер Чарлз Бруно звонил и оставил номер своего телефона. Это был номер телефона в Грейт-Нэке.

— Благодарю, — сказал Гай и сунул записку в карман.

Предположим, что в один прекрасный день Бруно появится здесь. Правда, в этом окружении он бы никого не шокировал: «Хортон, Хортон и Киз» — настоящее болото. Не потому ли, собственно, он и занял эту должность, что сознательно хотел нырнуть в болото и тем самым отбыть покаяние, которое должно было принести ему облегчение?

Он вошел в большой холл с верхним освещением и мебелью, обитой кожей. Закурил сигарету. Мейнуоринг и Уильямс, два ведущих архитектора фирмы, сидели в огромных кожаных креслах и читали служебные отчеты. Гай уловил их внимательные взгляды. Они постоянно за ним наблюдали: ведь Гай Хейнс — это восходящая звезда, гений, как уверял всех младший Хортон. Однако независимо от того успеха, который выпал на долю проекта больницы в Бронксе, он выглядит нервным, выведенным из равновесия. Это случается даже с самыми лучшими, — уверяли они себя.

Гай подошел к окну. Внизу распростерся хаос крыш и улиц Манхэттена — наглядная иллюстрация, как не надо планировать города. Он повернулся, и Мейнуоринг, захваченный врасплох, опустил глаза.

Всю вторую половину дня он корпел над проектом, к которому приступил несколько дней назад. «Вам не нужно спешить», — сказали ему. Он должен был просто удовлетворить желание клиента и подписать проект своей фамилией. Речь шла об универсальном магазине для маленького и весьма богатого поселка в Уэстчестере; клиент хотел, чтобы дом выглядел как старая резиденция богача, в том же стиле, что и остальные строения городка, но чтобы одновременно он был и очень современным. Клиент особо просил, чтобы проект этот доверили мистеру Хейнсу. Гай, приспособившая свои возможности к уровню заказа, мог без труда набросать карикатурный в его понимании дом; но ведь это должен быть универмаг, что диктует определенные функциональные требования и усложняет дело. С утра он стирал резинкой неудачные наброски, ежеминутно подтачивая карандаш. Еще четыре-пять дней, и где-то в середине будущей недели он сможет показать клиенту первый эскиз.

— Чарлз Бруно обещал быть у нас на сегодняшнем вечере, — объявила Анна, когда Гай вернулся домой.

— Что? — растерялся он.

— Может, я искажила фамилию? Ну, тот молодой человек, что был на нашей свадьбе. — Анна резала на доске зеленый лук.

— Ты пригласила его?

— Откуда-то он узнал, что у нас сегодня вечеринка, и спросил по телефону, можно ли ему приехать, — ответила Анна так непринужденно, что в нем пробудилось ужасное подозрение: не подвергает ли она его испытанию? От этой мысли у него мурашки поползли по спине.

— Хейзел! Молоко мне не нужно, в холодильнике есть сливки!

Хейзел поставила перед ним кувшинчик со сливками.

— Ты недоволен, что этот парень приедет? — спросила Анна.

— Видишь ли, Анна, вообще-то он мне вовсе не друг.

Как удержать Бруно? Ведь должен же быть какой-то способ! Но Гай напрасно ломал голову; он заранее знал, что не найдет выхода.

— Ты недоволен?

— Я просто считаю его несерьезным человеком.

— Нельзя отказать человеку, если он хочет заглянуть на новоселье. Это принесет несчастье. Слышал о такой примете?

...Бруно пришел. Его глаза были налиты кровью. Другие гости осматривали комнаты, хвалили интерьер и планировку, а Бруно вошел в большую кирпично-зеленую гостиную так, как если бы успел побывать здесь раз сто. «Или как если бы он пришел к себе домой», — подумал Гай, представляя его обществу. Бруно с усмешкой наблюдал за хозяевами, небрежно отвечая на приветствия гостей, хотя, как заметил Гай, некоторые из присутствующих обращались к нему так, словно были знакомы с ним. Приветствуя мисс Честер Болтинофф, Бруно пожал ей обе руки, как старой знакомой. Гай окаменел от ужаса, видя ее искреннюю, дружелюбную улыбку.

— Что слышно? — спросил Бруно уже со стаканом в руке.

— Все в порядке, — ответил Гай, решив во что бы то ни стало сохранить спокойствие. Даже если для этого придется накачать себя алкоголем. Спокойствие... но нервы уже были напряжены до предела. Не отдавая себе отчета в том, что делает, он поднялся на второй этаж и вбежал в спальню. Лицо его пылало.

— Прошу прощения, но мне хотелось осмотреть все закоулки, — услышал он голос из глубины комнаты. — Ваш дом просто ошеломляет; чтобы немного успокоиться, я спряталась в этом заповеднике девятнадцатого века.

Элен Хейберн, подруга Анны, стояла возле письменного стола. «Рядом с ящиком, в котором лежит маленький револьвер», — отметил Гай.

— О, вы можете чувствовать себя как дома, — ответил он. — Я заскочил сюда на минуту. Может, принести чего-нибудь выпить?

— Нет, мне уже хватит.

Гай догадался, что Элен в плохой форме. Она занималась графикой и, как считала Анна, была талантлива. Что, собственно, делает Элен в их спальне и почему представляется более пьяной, чем есть на самом деле?

— Вы всегда так ужасно серьезны, Гай? Знаете, что я сказала Анне, когда она решила выйти за вас замуж?

— Вы сказали, что она делает глупость?

— Нет, я сказала: «Но этот Гай, он же ужасно серьезный. Конечно, он очень порядочный и, похоже, исключительно способный, но страшно серьезный. Как ты это выдержишь?» — Она повернула к нему свое чуточку угловатое, но приятное лицо блондинки. — Вы даже не пытаетесь защищаться. Уверена, вы слишком серьезны, чтобы поцеловать меня. Я не ошиблась?

Он поцеловал ее, преодолевая неприязнь:

— Я старался, чтобы поцелуй не был серьезным.

Он вышел. Элен обязательно скажет Анне, что накрыла его в спальне в десять и что у него было несчастное выражение лица. Может ли она заглянуть в ящик и увидеть револьвер? Нет, вряд ли. Элен не очень-то умна, но она не вьедлива и не станет шпионить. Она тактична, как и Анна. Разве оставил бы он револьвер в собственной спальне, если бы не был уверен, что Анна не будет рыться в его ящиках, как никогда не позволит себе читать его письма.

Спустившись вниз, он увидел Анну и Бруно сидящими перед камином. Стакан в руке Бруно, опирающейся на поручень дивана, опасно раскачивался, а на ковре уже темнели пятна темно-зеленого ликера.

— Мистер Бруно рассказывал мне о Капри, — объяснила Анна. — Гай, я так давно мечтаю о путешествии в Италию.

— Конечно, нужно нанять целый дом, — продолжал Бруно, словно не замечая присутствия Хейнса. — Какую-нибудь виллу или замок, чем больше, тем лучше. Мы с мамой жили в столь огромном замке, что так и не смогли осмотреть его до конца.

— Однако вы не научились говорить по-итальянски?

— Мне это было ни к чему, — ответил Бруно хриплым голосом, который Гай постоянно слышал во сне и наяву.

Гай притворился, будто занят раскуриванием сигареты, однако он чувствовал, что взгляд Бруно, до того с несмелым кокетством обращенный на Анну, теперь жадно впивается в его спину, пронизывая защитный панцирь алкогольного отупения. Бруно наверняка уже похвалил красивое платье Анны, которое Гай особенно любил. Бруно знал толк в женских нарядах.

— Мы заговорили о путешествиях...

Голос Бруно звучал очень четко, и Гай, все еще стоявший к нему спиной, знал, что Бруно внимательно за ним наблюдает. Он раздавил сигарету в пепельнице и приблизился к дивану.

— Может, посмотрим комнаты наверху? — предложил он.

— Охотно! — Бруно поспешно поднялся. — Ты там работаешь?

Гай втолкнул его в маленькую комнату с красными обоями и закрыл за собой дверь.

— Как далеко еще хочешь ты продвинуться? — спросил он.

— Гай! Ты пьян!

— Почему ты рассказываешь всем и каждому, что мы старые друзья?

— Я не рассказываю всем, я сказал только Анне.

— Не все ли равно, Анне или кому-нибудь другому! У тебя что, крыша поехала? Ты зачем заявился сюда?

— Успокойся, Гай, говори тише! — Бруно небрежно покачивал стакан.

— Полиция до сих пор наблюдает за твоими друзьями, не так ли?

— Не в той мере, чтобы я принимал это близко к сердцу.

— Убирайся отсюда! Немедленно! — Гай с трудом владел собой. Но почему он должен сдерживаться? Револьвер с последней пулей лежит в спальне по другую сторону холла.

Бруно какое-то время устало смотрел на него, а потом вздохнул. Это был именно тот вздох, который Гай слышал по ночам в своей комнате.

Гай слегка покачнулся, и это еще сильнее разозлило его.

— Твоя Анна прекрасна, — умильно заявил Бруно.

— Если еще раз застаю тебя рядом с ней, я тебя убью.

— Это что, угроза?

— Обещание.

Спустя полчаса Бруно в бессознательном состоянии соскользнул с дивана. Он казался удивительно длинным, когда лежал на полу, а его голова, опирающаяся на каменное основание камина, — удивительно маленькой. Трое мужчин подняли его, но не знали, что с ним делать.

— Отнесите его... отнесите его в комнату для гостей, — решила Анна.

— Знаешь, Анна, а ведь это доброе предзнаменование! — рассмеялась Элен. — Кто-то должен заночевать в новом доме в день обмывания. Первый гости!

Глава 33

Проект универмага был одобрен, даже с восхищением,

которое выразили сперва шефы фирмы, а потом и клиент, мистер Говард Уиндхем из Нью-Рошель.

Интересно, какое следующее задание дадут ему? Какую мерзость прикажут проектировать теперь? Он уже выполнил один заказ. Но другую такую работу, как этот универмаг, просто не вынесет. Это инстинкт самосохранения. Потому что он все еще жив... Он встал из-за чертежной доски, сел за пишущую машинку и отстучал письмо фирме «Хортон» — это был отказ от дальнейшей работы.

Анна, разумеется, хотела отметить столь замечательное событие. Она так радовалась, что Гай даже ощутил, как поднимается его дух — робко и неуверенно, словно воздушный змей, который пытается подняться над землей в безветренный день.

— Значит, теперь сбудется наша мечта, Гай? — спросила Анна, когда они спустились в гостиную.

До свадьбы они мечтали о путешествии вдоль побережья на яхте; Анна хотела, чтобы это стало их свадебным путешествием. Гай намеревался заняться проектом больницы в Бронксе, но отказать Анне не мог.

— Когда мы сможем отплыть? Через неделю?

— Я думаю, за пять дней можно все уладить.

— Ох, совсем забыла! — воскликнула Анна. — Двадцать третьего придет клиент из Калифорнии; он хочет купить всю нашу кретоновую коллекцию.

— Насколько я помню, предстоит еще показ мод в конце месяца?

— С показом Лилиан справится сама. — Анна улыбнулась. — Как трогательно, что ты помнишь о моих делах.

Гай взглянул на нее, когда она надевала шляпу, и попытался представить Анну, неуступчиво обсуждающую условия сделки с дельцом из Калифорнии. Эти функции она не хотела передавать своей компаньонке. В их фирме мозговым центром была Анна. Внезапно Гай заметил оранжевые цветы в вазе на маленьком столике.

— Откуда эти цветы? — спросил он.

— Их прислал вместе с запиской Чарли Бруно, он просит извинить его за то, что напился тогда на нашем новоселье. — Анна весело засмеялась. — Очень мило с его стороны, не так ли?

Гай не отрывал взгляда от букета.

— Что это за цветы?

— Африканские маргаритки.

Бруно добился ее расположения этими цветами, думал Гай. Он знал, что Анна с того вечера, когда Бруно нализался до потери сознания, была о нем самого скверного мнения. Визит Бруно в присутствии стольких свидетелей создал теперь явную связь между ними и Чарли. В любой день Гая могут вызвать в полицию. Почему же это не пугает его? Что это за психическое состояние, которое он сам не может опре-

делить? Смирение? Готовность к самоубийству? Или же просто оцепенение?

Несколько следующих дней он провел в фирме «Хортон, Хортон и Киз», заканчивая работу над внутренним устройством универмага. Временами ему приходило в голову, что его коснулась какое-то психическое заболевание, особая форма помешательства. В первую неделю после той жуткой ночи он чувствовал, что подвергается опасности, знал, что его жизнь висит буквально на волоске. И не дай Бог, если он даст волю нервам или допустит какую-нибудь оплошность. Теперь же он ничего подобного не ощущал. А ведь сон, в котором Бруно появляется в его спальне, продолжает преследовать его. Много раз, пробуждаясь на рассвете, Гай видел себя стоящим посреди комнаты с револьвером в руке. Он постоянно думал о том, что должен как можно скорее найти какую-нибудь форму искупления своего преступления; однако ничто из того, что приходило на ум, не казалось ему достаточным.

Ему казалось, что он живет жизнью двух совершенно разных людей. Один из них наделен творческим талантом и живет в гармонии с Богом, когда творит. Другой...

Как возможно, что он сидит сейчас у письменного стола и думает об убийстве, если через десять дней он уйдет на белой яхте вместе с Анной? Почему, за что ему дана Анна и любовь к ней? Бруно, если захочет, может отобрать у него Анну. С той поры, когда он увидел их вместе, со дня свадьбы, эта возможность стала особенно реальной.

Он встал и надел шляпу, чтобы пойти на ленч. Проходя через холл, услышал телефонный звонок на коммутаторе. Телефонистка позвала его:

— Мистер Хейнс, это вас! Поговорите отсюда?

Гай взял трубку. Он наперед знал, кто это, и когда Бруно предложил встретиться, не стал отказываться. Бруно пригласил его в «Мариос Вилла д'Эсте», и Гай сказал, что будет там через десять минут.

На окнах ресторана висели бело-розовые занавески. У Гая мелькнуло подозрение: что если Бруно заманил его в ловушку и за этими розовыми занавесками его ждут полицейские? Но ему было все равно.

Бруно ждал его у стойки бара.

— Хэлло, Гай. Я заказал столик — последний в этом ряду.

На нем был тот самый костюм цвета ржавчины. Но это не ввергло Гая в мрачное воспоминание, он был настроен сейчас очень доброжелательно. Его не задела даже победоносная усмешка Бруно.

Бруно заказал для себя печенку на рашпере, так как в последнее время придерживался особой диеты, а для гостя — яйца по-бенедиктински. Гай присматривался к соседним столикам. Необъяснимое подозрение пробудили в нем четверо элегантных мужчин, сидевших за коктейлями. Официанты бесшумно скользили по залу. Может, это спектакль, создан-

ный и разыгрываемый для идиотов, в котором он и Бруно, худшие из помешанных, играют главные роли?

— Тебе нравятся эти галстуки? Я купил их сегодня у Клайда. Такого выбора, как у него, нет нигде. По крайней мере, если речь идет о галстуках к летним костюмам, — сказал Бруно.

Гай взглянул на четыре коробки, которые открыл Бруно. В них лежали галстуки — трикотажный, шелковый и льняной, а также большой светло-фиолетовый галстук-бабочка из толстого полотна. Шелковый галстук был бирюзового цвета, такого же, как одно из платьев Анны.

Казалось, Бруно был разочарован отсутствием надлежащего энтузиазма со стороны Гая.

— Слишком яркие? Но прими во внимание, это галстуки на лето.

— Славные галстуки, — согласился Гай.

— Мне особенно нравится этот. Ничего подобного мне не встречалось. — Бруно ткнул пальцем в белый галстук с узкой красной полосой посередине. — Я зашел в магазин, чтобы купить кое-что, но когда увидел эти галстуки, сразу же подумал, что они очень подойдут тебе. Словом, они для тебя. Прими их от меня в подарок.

— Благодарю, — сказал Гай. Его верхняя губа неприятно дрожала. «Как если бы я был его любовником, — подумал он. — Хочет расположить меня к себе подарками».

— За предстоящее путешествие! — Бруно поднял стакан.

Утром он звонил Анне и узнал от нее о поездке. Теперь он с умилением восхвалял Анну.

— Понимаешь, есть в ней какая-то необычайная чистота. Редко встретишь молодую женщину, которая бы так... светила... Представляю, как ты счастлив. — Он явно ждал, что теперь Гай что-то скажет, объяснит подробно, в чем именно состоит его счастье. Но Гай молчал. Бруно, задетый его молчанием, смотрел на него вопросительно. Или его слова обидели Гая?

— Скажи, Анна полюбила тебя с первого взгляда, или ты долго добивался ее расположения?

— Как можно спрашивать, долго это длилось или коротко? Так случилось — и конец. — Он взглянул на узкое, но за последнее время пополнившееся лицо Бруно, на глаза, в которых теперь самоуверенности было куда больше, чем тогда, когда Гай увидел его в первый раз. «Это потому, что у него теперь есть деньги», — подумал Гай.

— Я понимаю, что ты хочешь этим сказать, — ответил Бруно. Но он не понимал — во всяком случае понимал не до конца. Гай был счастлив с Анной, несмотря на мучительные воспоминания о преступлении. Он был бы счастлив с ней даже в беде. Бруно вздрогнул от мысли о том, что когда-то всерьез размышлял, не одарить ли ему Хейнса деньгами. Ему нетрудно было представить, каким презрением облил бы его

Гай. Бруно чувствовал что он никогда не обретет того, что выпало на долю Хейнса, не купит это ни за какие деньги, что даже матери, которая теперь принадлежала исключительно ему, недостаточно Бруно для полного счастья.

— Как ты думаешь, Гай, я нравлюсь Анне?

— Уверен в этом.

— А чем она интересуется, кроме своих профессиональных дел? Как развлекается? — Он наблюдал за Хейнсом, который тремя глотками допил свое мартини. — Я просто хотел бы знать, как вы вдвоем проводите время. Ходите ли на прогулки, разгадываете ли кроссворды?

— Конечно, мы делаем все это и... даже многое другое...

— А как вы проводите вечера?

— По вечерам Анна часто работает.

— Я видел репродукции ее моделей в «Харпер Базар» с месяц назад. Они выглядели превосходно. Она способная, не так ли?

— Даже очень.

— Я... — Бруно запнулся. — Я искренне рад, что ты счастлив.

Разумеется, он счастлив. Гай немного расслабил напряженные мышцы и перевел дыхание. Однако в эту минуту ему трудно было поверить, что Анна принадлежит ему — эта богиня, сошедшая с небес, чтобы вырвать его из хаоса и спасти от смерти, как мифологические боги спасали избранных героев. Когда в детстве он читал такие истории, подобная развязка немного разочаровывала его; она казалась ему даже немного нечестной.

— Деус экс махина¹, — прошептал он.

— Что ты говоришь?

Для чего он сидит здесь с Бруно, ест и пьет с ним за одним столом? Скорее он должен проклинать его. Но проклятья тонули в жалости, которая вдруг нахлынула на него. Бруно не умеет любить, ему не хватает любви. Он слишком деформирован, слишком ослеплен, чтобы по-настоящему полюбить или пробудить у кого-нибудь такое чувство. И сейчас это показалось ему трагичным.

— Ты был влюблен? — спросил Гай и тут же заметил какое-то незнакомое ему беспокойство в глазах Бруно.

Бруно кивнул официанту, чтобы тот принес новую выпивку.

— Нет. Пожалуй, я никогда не был влюблен по-настоящему. — Он облизал губы. Он действительно никогда не любил ни одну женщину и даже не очень любил спать с ними. Заключая женщину в объятия, он не мог освободиться от назойливой мысли, что в его действиях есть что-то нелепое; ему казалось, что он смотрит на все это со стороны, как посторонний свидетель. Из всех преимуществ, которые имел пе-

¹ Бог из машины (лат.)

ред ним Гай, это мучило его сильнее всего: Гай был способен забыться в любви к женщине; измена Мириам чуть не убила его.

Под внимательным взглядом Гая он опустил глаза, как если бы ждал; вот сейчас Гай скажет ему, что нужно сделать, чтобы полюбить по-настоящему.

— Знаешь, Бруно, что является самой большой мудростью мира?

— Я знаю столько разных мудростей, — ответил Бруно насмешливо.

— Высшая мудрость состоит в том, что каждая вещь имеет свою противоположность.

— А противоположности притягиваются?

— Это слишком упрощенная формула. Я имею в виду кое-что другое. Например, ты подарил мне эти галстуки. Но с той же легкостью ты можешь затащить меня в западню, отдать в руки полиции.

— Бог мой, Гай! Ведь ты мой друг! — воскликнул побледневший Бруно. — Я люблю тебя, и ты это знаешь.

«Он сказал, люблю тебя, — подумал Гай. — Бруно не должен так говорить, ведь в глубине души он ненавидит меня. Так же, как и я не могу сказать Бруно: «Люблю тебя»; скорее я должен сказать: «Я ненавижу тебя», потому что в глубине души люблю его».

Гай стиснул зубы и вытер пот со лба. Он предвидел, что при этой встрече положительные и отрицательные моменты будут уравнивать друг друга, парализуя любые действия. Вот и теперь он сидел прикованный к стулу... Внезапно он сорвался с места. Только что налитое виски выплеснулось на скатерть.

Бруно вытаращил на него испуганные глаза.

— Гай! Что случилось? — Он бросился за ним. — Подожди, Гай! Ты же не веришь, что я способен на такую подлость! Никогда в жизни! Ни за какие сокровища!

— Не прикасайся ко мне!

— Гай! — Бруно почти плакал. Почему все люди так обижают его? Они уже были на улице, а он все еще кричал: — Никогда! Даже за миллион долларов! Верь мне, Гай!

Гай оттолкнул его, вскочил в такси и захлопнул дверцу. Бруно никогда его не предаст, это ясно, но если все в мире столь двужначо, как ему кажется, то разве можно быть уверенным в чем-либо?

Глава 34

— Какие отношения связывают вас с миссис Анной Хейнс?

Бруно ждал этого вопроса. Джерард проверил все его последние расходы и нашел счет за цветы, посланные Анне.

— Мы знакомы. Это жена моего приятеля.

— Приятеля?

— Скажем, знакомого. — Бруно повел плечами. Пусть Джерард сочтет его слова обычным хвастовством, ведь Гай Хейнс — особа известная.

— Вы давно знакомы?

— Не очень. — Бруно, развалившийся в кресле, потянулся за зажигалкой.

— По какому случаю вы послали ей цветы?

— Просто так, было подходящее настроение. Незадолго до этого я был у них на приеме.

— Следовательно, вы знакомы довольно коротко?

Бруно снова повел плечами.

— Обычный прием. Мы имели Хейнса в виду наряду с другими архитекторами, когда думали о нашем новом доме. — Это объяснение пришло ему в голову в последнюю минуту, и оно ему понравилось.

— Хорошо, еще вернемся к нему. А Мэтт Левин?

Бруно вздохнул. Джерард быстро покончил с вопросами о Хейнсе, может быть, потому, что его не было в городе, а может, он вообще пренебрег этим знакомством Бруно. Зато Мэтт Левин был весьма подозрительной фигурой; к тому же так сложилось, что Бруно часто виделся с ним перед смертью отца, хотя и не думал тогда, что во время расследования это пойдет ему на пользу.

— Что вы хотите знать о Левине?

— Вы встречались с ним второго, пятого, шестого и седьмого марта, двадцать четвертого, двадцать восьмого и тридцатого апреля, а также за два дня до убийства.

— Да? — Бруно усмехнулся. Во время предыдущего разговора Джерард знал только три даты его встреч с Мэттом. Мэтт очень не любил Бруно; наверняка он постарался представить его в наилучшем свете. — Левин хотел купить у меня автомобиль.

— Ну а вы хотели продать ему машину... Не потому ли, что надеялись вскоре обзавестись новой?

— Я хотел продать этот автомобиль, чтобы купить малолитражку, — ответил Бруно так, словно только что вспомнил эту деталь. — Ту, что стоит в гараже. «Кросли».

Джерард в свою очередь усмехнулся.

— Как давно вы знакомы с Марком Левом?

— Еще с тех времен, когда он звался Марком Левитски. А если вы углубитесь в его прошлое, то узнаете, что он убил собственного отца. — Он взглянул на Джерарда со злостью. Зря он выскочил с этим «собственным», слово это прозвучало довольно странно, но Джерард рассердил его, дав понять, что знает несколько фамилий, используемых Мэттом.

— Мэтт тоже вас не любит, Чарлз. почему бы это? Вы не смогли договориться?

— В отношении того автомобиля?

— Эх, Чарли, — вздохнул Джерард.

— Мне больше нечего сказать! — Бруно рассматривал свои обкусанные ногти и размышлял о том, достаточно ли Мэтт подходит к описанию убийцы, составленному на основании рассказа лакея.

— С Эрни Шредером вы в последнее время встречались нечасто, — сказал Джерард.

Бруно чуть не зевнул от скуки, отвечая на очередной вопрос.

Глава 35

Гай сидел, скрестив ноги по-турецки, на палубе «Индии». Был он бос, в одних полотняных штанах. Лонг-Айленд уже показался на горизонте, но он не хотел еще смотреть в ту сторону. Яхта слегка покачивалась на легких волнах; это было даже приятно. День, когда он встретился с Бруно в ресторане, казался днем безумства. Конечно же, он вел себя тогда, как ненормальный. Анна наверняка это заметила. Он согнул руку и оттянул пальцами гладкую смуглую кожу. А загорел он так, что теперь не отличался от Игона, полукровки-португальца, которого они наняли, отправляясь в плавание. Только шрам над правой бровью остался белым.

Три недели, проведенные в море, подарили ему покой и смирение, каких он никогда не знал и которые месяц назад показались бы ему недостижимыми. Он обрел уверенность в том, что покаяние — в какой бы форме оно ни выразилось — предопределено ему так же, как и вся его судьба, и что оно не минует его, а потому он не должен его искать. Он всегда верил в предопределение и ощущал его интуитивно. В годы юношеской дружбы с Питером он знал, что Питер удовольствуется своими мечтами, а он свои мечты осуществит, создавая великолепные здания, и займет почетное место среди архитекторов. И в конце концов — так со школьных лет представлялся ему венец карьеры — он построит мост. Он видел этот свой белый мост, переброшенный с берега на берег прекрасной дугой, словно крыло ангела. Может быть, в этой вере в свое предназначение была определенная дерзость, но вместе с тем кто может быть покорнее человека, который знает, что должен подчиняться велению судьбы? До последних недель ему казалось, что преступление, которое он совершил, — это страшное отступничество, смертный грех против самого себя; теперь же он думал, что, может быть, это убийство тоже было предписано ему свыше. Иначе не могло и быть. А коль скоро это так, то судьбой же ему будет на-

значено и покаяние. Может быть, искуплением будет смерть по приговору суда, и тогда ему будет дана сила принять это; более того, Анне тоже будет дано достаточно силы, чтобы это вынести. Еще никогда они с Анной не были так близки, так гармонично соединены в общей жизни, как в эти дни.

...Спустя несколько дней, вечером, позвонил Бруно: он случайно оказался поблизости и хотел бы их навестить. Судя по голосу, он был трезв и несколько угнетен.

Гай не пожелал встретиться с Бруно: спокойно и решительно заявил, что ни он, ни Анна не хотят его видеть, но уже после первых фраз осознал, что выдержка покидает его, а психическое равновесие последних недель начинает колебаться, уступая натиску безумия, ибо чем как не безумием был этот разговор.

Бруно знал, что Джерард еще не разговаривал с Хейнсом. Вообще-то он предполагал, что если дело и дойдет до этого, то беседа ограничится несколькими вопросами и не продлится дольше десяти минут. Но Гай отвечал столь холодно, что Бруно не решился признаться, что Джерард уже вышел на Гая и, по всей вероятности, захочет его допросить.

— Очень жаль, — сказал он и положил трубку.

Через несколько минут телефон в доме Хейнсов зазвонил снова. Гай нахмурился и погасил сигарету, которую только что закурил со вздохом облегчения. Он был уверен, что снова услышит голос Бруно. И ошибся.

— Говорит Артур Джерард из «Бюро частных детективов»...

Джерард сказал, что хочет приехать для короткого разговора.

Гай отвернулся от телефона, стараясь подавить иррациональное ощущение, что Джерард слышал его разговор с Бруно, подсоединившись к телефону, и что он уже задержал Бруно. Он поднялся наверх, чтобы предупредить Анну.

— Частный детектив? — удивилась она. — А в чем дело?

Гай помолчал, прежде чем ответить. Сколько уже было таких моментов, когда он колебался слишком долго, прежде чем ответить! Проклятый Бруно, вечно преследующий его!

— Не имею понятия.

Джерард не заставил себя долго ждать. Он поклонился Анне и извинился, что нарушает их вечерний покой. Сдержанно выразил восхищение домом и садом. Гай смотрел на него с изумлением. Джерард казался усталым, туповатым, немного неряшливым. Может быть, Бруно несколько ошибался, когда высказывал свое мнение о нем? Рассеянное выражение лица и медленная речь не соответствовали образу выдающегося детектива. Но когда Джерард сел перед стаканом с виски и закурил сигару, Гай заметил, как пронизательны его светло-карие глаза. Короткие, толстые руки явно обладали немалой силой. Только теперь Гай начал беспокоиться: разгадать Джерарда было не так-то просто.

— Мистер Хейнс, вы дружите с Чарлзом Бруно?

— Я знаю его.

— Как вам, наверное, известно, его отец был убит в марте и убийцу не удалось найти до настоящего времени.

— Я ничего об этом не знала! — воскликнула Анна.

Взгляд Джерарда медленно переместился с ее лица на лицо Гая.

— Я тоже, — сказал Гай.

— А где и когда вы с ним познакомились?

— Я познакомился с ним... — Гай взглянул на Анну. — Мы познакомились в Художественном институте... пожалуй, в декабре прошлого года. — Он чувствовал, что оказался в ловушке, повторив историю, сымпровизированную Бруно в день свадьбы. Сделал он это просто потому, что Анна слышала слова Бруно, хотя, по всей вероятности, уже забыла о них. Ему показалось, что Джерард, все еще внимательно к нему присматривающийся, не поверил в это. Почему Бруно не предостерег его в отношении Джерарда? Почему они не согласовали между собой версию, которую когда-то предлагал Бруно: якобы они однажды ночью встретились в каком-то баре.

— А позднее где вы с ним встречались? — поинтересовался Джерард.

— Мы встретились только в июне, на нашей свадьбе. — Гай изображал человека, застигнутого врасплох и все еще не понимающего, какую цель преследует этот вопрос. «К счастью, — думал он, — я уже объяснил Анне, что намеки Бруно на якобы связывающую нас старую дружбу не следует принимать всерьез». — На свадьбу мы его не приглашали, — добавил он.

— Он пришел непрощеным? — Джерард принял это как нечто совершенно естественное. — Но вы приглашали его в июле на прием? — он бросил взгляд на Анну.

— Он позвонил по телефону и спросил, можно ли ему прийти, — объяснила она. — Разумеется, я разрешила.

Затем Джерард спросил, узнал ли Бруно о приеме от каких-нибудь общих знакомых, а Гай ответил, что это вполне возможно, и назвал фамилию блондинки, которая тогда, обмениваясь приветствиями с Бруно, улыбнулась ему как старому приятелю. Больше никаких фамилий он не назвал, заявив, что не видел Бруно в обществе других лиц.

Джерард удобнее уселся в кресло.

— Скажите, Бруно нравится вам? — Он адресовал этот вопрос и Гаю и Анне.

— Ну, он довольно приятный, — вежливо ответила Анна.

— Да, — согласился Гай, так как Джерард ждал и его ответа. — Но он немного навязчив.

— Тип, который исповедует культ героев. В определенном смысле почитатель силы. — Джерард улыбнулся, но эта

улыбка теперь уже не выглядела искренней. А может, с самого начала искренней и не была.

Через пять минут он ушел.

— К чему он вел? — спросила Анна. — Или он подозревает Чарлза?

Гай запер дверь и вернулся в комнату.

— По всей вероятности, он подозревает кого-то из его знакомых. Может быть, он думает, что Чарлз что-то знает, потому что тот ненавидел отца. Во всяком случае сам Чарлз так говорит.

— А ты тоже думаешь, что Бруно может знать...

— Увы, я не мастер угадывать.

— Боже мой! — прошептала Анна, глядя на угол дивана, как если бы все еще видела Бруно на том самом месте, где он сидел с ней. — Какими странными бывают человеческие жизни.

Глава 36

— Слушай! — с холодной яростью говорил Гай в телефонную трубку. Бруно еще никогда не звонил ему в состоянии столь кошмарного опьянения, но Гай все же решил обратиться к остаткам его разума. Однако внезапно ему пришло на ум, что, может быть, рядом с Бруно стоит Джерард, и он трусливо понизил голос. Бруно успокоил его, сказав, что находится в телефонной будке совсем один. — Слушай! Говорил ли ты Джерарду, что мы познакомились в Художественном институте?

Бруно это подтвердил. По крайней мере, такой вывод можно было сделать из его пьяного бормотания. Он хотел приехать, чтобы кое-что объяснить лично. Он не понимал, что Джерард уже был у Хейнса. В конце концов Гай со злостью швырнул трубку на рычаг и расстегнул ворот рубашки. Как смеет этот идиот звонить ему? Со дня визита Джерарда опасность приобрела видимую, конкретную форму. Гай отлично понимал, что сейчас ни под каким видом нельзя допускать контактов с Бруно, что это важнее, чем согласование с ним показаний.

Гай был с Анной в мастерской, когда внизу прозвучал звонок. Едва он открыл дверь, как Бруно пнул ее изо всех сил, вкатился через холл в гостиную и упал на диван. Гай стоял перед ним онемевший — в первый момент от ярости, а потом от отвращения. Толстая, налитая кровью шея Бруно выпирала из воротничка; он казался не столько пьяным, сколько чудовищно распухшим, как если бы какая-то смертельная болезнь раздула его тело, заполнив даже глазницы так, что глаза его вылезли из орбит. Бруно всматривался в него этими

выгаращенными глазами, когда Гай подошел к телефону, чтобы вызвать такси.

— Гай, кто это? — шепотом спросила Анна с лестничной площадки второго этажа.

— Чарлз Бруно. Пьяный.

— Я не пьян! — неожиданно запротестовал Бруно.

Анна спустилась до половины лестницы, откуда могла его видеть.

— Не лучше ли положить его в комнате для гостей?

— Я не хочу, чтобы он был тут! — Гай искал в телефонной книге номер какого-нибудь таксомоторного агентства.

— Ч-ч-т-т-о? — Бруно зашипел, как проколотая шина.

Гай отвернулся от телефона. Бруно всматривался в него единственным открытым глазом, который казался последним проблеском жизни в этом трупно распухшем теле, беспомощно распростертом на диване.

Гай подошел к Бруно и схватил его за ворот рубашки. Монотонное пьяное бормотанье Бруно привело его в ярость. Гай попытался поднять пьяного, но тот отстранил его руку.

— Вставай и убирайся!

И тут до него дошло, что именно бормочет Бруно.

— С-скажу ей... С-скажу ей... — Безумный, налитый кровью глаз все так же всматривался в лицо Хейнса. — Не выбрасывай меня отсюда, а то с-скажу ей... Сс-кажу...

Гай отпустил его и отступил с отвращением.

— Чего он хочет? — спросила Анна.

— Я оттащу его наверх, — решил Гай наконец. Он попытался взвалить Бруно на спину, но все его усилия оказались напрасными, он не мог сдвинуть тяжелое, бессильное тело. В конце концов он снова уложил его на диван. Потом подошел к окну и выглянул наружу: перед домом не было автомобиля. Казалось, Бруно свалился с неба. Теперь он спал, а Гай сидел возле него и курил.

Бруно пробудился около трех часов и выпил две порции виски, чтобы опохмелиться. Лицо у него было опухшее, но спустя несколько минут уже выглядело почти нормально. Он очень обрадовался, обнаружив, что находится в доме Хейнса, но не помнил, как он тут оказался.

— У меня был очередной раунд с Джерардом, — заявил он с улыбкой. — Газеты читаешь?

— Нет.

— Ты великолепен, если даже не заглядываешь в газеты, — сказал Бруно тихо. — Джерард вышел на ложный след. Он подозревает одного моего знакомого, парня с очень скверной репутацией. Некого Мэтта Левина. У Мэтта нет алиби на ту ночь. Херберт говорит, что это может быть он. Похоже на то, что Мэтт влип.

— И заплатит за это головой?

Все еще улыбающийся Бруно какое-то время колебался.

— Так уж и головой! Просто пойдет на отсидку. На его

счета уже два или три убийства. Полиция будет довольна, если, наконец, прищучит его. — Его передернуло, и он допил остатки виски.

Страшное напряжение, растущее с каждой минутой, становилось невыносимым. Гай знал, что не разрядит его никаким способом, разве что убьет или Бруно, или себя... Достаточно протянуть руку — и в ней окажется тяжелая пепельница. А потом бить, бить по этой опухшей морде... Он обеими руками схватил Бруно за плечи.

— Ты уберешься когда-нибудь? Клянусь, последний раз я позволил тебе прийти сюда!

— Нет! — спокойно ответил Бруно; он не сделал ни одного движения, не пытался оказать сопротивление, равнодушный к боли и смерти, как тогда, когда они дрались в лесу.

Гай спрятал в ладонях лицо, которое сводили судороги, — его пальцы ощущали, как произвольно сокращаются мышцы.

— Если этого Мэтта осудят, — прошептал он, — я пойду и расскажу всю правду.

— Его не осудят. У них нет для этого достаточных доказательств. Я только шутил, брат мой Гай! — Бруно саркастически улыбнулся. — Мэтт им подходит, а вот факты не годятся. А с тобой все наоборот: ты им не подходишь, хотя факты — что надо. Ты важная фигура, Гай. Смотри, что мне попало в руки на прошлой неделе. — Он вытащил из кармана брошюрку. — Очень здорово!

Гай увидел фотографию своего «Универсального магазина в Питтсбурге». Какая-то выставка в Музее современного искусства. Он прочел текст: «Гай Даниел Хейнс, которому нет еще тридцати лет, является наследником традиций великого Фрэнка Ллойда Райта. Имеет собственный бескомпромиссный стиль, отличающийся реалистической простотой, но без суровости, прекрасными, поющими линиями»... Гай с яростью отшвырнул брошюру. Его рассердило последнее определение — явный вымысел редактора каталога.

Бруно поднял и спрятал брошюру в карман.

— У тебя отличная марка, Гай. Если ты не сломаешься, им никогда не придет в голову заподозрить тебя.

Гай смерил его взглядом.

— Это еще не повод, чтобы ты приходил ко мне. Зачем ты это делаешь? — А ведь он знал ответ. Бруно интересовал его жизнь с Анной. Да и сам он, хотя свидания с Бруно для него пытка, черпает в них какое-то коварное облегчение.

Бруно смотрел на него так, словно читал его мысли.

— Я люблю тебя, Гай, но помни, что они имеют против тебя больше улик, чем против меня. Если ты меня заложишь, я как-нибудь вывернусь, а вот ты пропадешь. Херберт мог тебя запомнить. Анна тоже вспомнит, как странно ты вел себя в те дни. Ну, и твоя поцарапанная физиономия. Шрам. Они

выложили бы тогда все вещественные доказательства: гильзы, обрывки перчаток...

Бруно перечислял медленно, словно смакуя приятные воспоминания...

Глава 37

Когда Анна позвала его, он не сразу догадался, что она заметила повреждение на носу яхты. Он собирался все исправить, но забыл. Ему пришлось признаться, что это его вина. На прошлой неделе он вышел в море, и яхта натолкнулась на буй.

— Ладно, не расстраивайся так, — сказала Анна. — Ведь это мелочь. — Она поднялась и взяла его за руку. — Игон говорил, что ты брал яхту как-то после полудня. Почему не сказал мне об этом?

— Да так...

— Ты плавал один? — Анна чуть заметно усмехнулась: Гай не был достаточно опытным яхтсменом, чтобы совершать самостоятельные рейсы.

Бруно позвонил ему тогда и настоял, чтобы Гай взял его на яхту. Джерард, раскручивая линию Мэтта, оказался в тупике. Следствие вообще стояло на месте, и Бруно обязательно хотел отметить эти приятные новости.

— Я плавал вместе с Бруно, — сказал Гай. Тогда, точно так же, как сейчас, он взял с собой револьвер.

— Все в порядке, дорогой. Я только не понимаю, почему ты с ним водишься. Ведь ты очень не любишь его.

— Каприз... — буркнул он. — Я два дня просидел за работой дома... — Гай расстроился. Анна содержала яхту, ее белый лак и сверкающую латунь в невероятной чистоте. «Индия» сверкала, как драгоценность из золота и слоновой кости. А он привел на ее палубу Бруно! Теперь Анна будет относиться к нему с недоверием.

— Слушай, Гай, это не он когда-то, в снежный вечер, приставал к нам перед твоим домом?

— Да. Это был он. — Пальцы Гая сжались на револьвере в кармане куртки.

— Почему он так тобой интересуется? — Анна шла за ним по палубе. — В архитектуре он не разбирается. Я пыталась говорить с ним об этом во время нашего первого приема.

— Мною он тоже особо не интересуется. Просто скучает, не знает, чем заняться. — Гай подумал, что ему было бы легче разговаривать, если бы он, наконец, избавился от револьвера.

— Ты познакомился с ним во время учебы?

— Да, он шлялся по коридорам института. — Как легко врать, если врать нужно обязательно. Ложь своими щупальцами оплетала его ноги, тело, мозг. Когда-нибудь придет день расплаты, когда он ляпнет нечто неподходящее. И неизбежно

потеряет Анну. А может, он уже потерял ее? Револьвер оттягивал карман, Гай вдруг резко повернулся и пошел на корму. Он слышал легкие шаги Анны, направившейся к кокпиту.

День был пасмурный; собирался дождь. «Индия» мягко покачивалась на волнах; казалось, что яхта не дальше от серого берега, чем час назад. Гай, опершись на бушприт, смотрел на свои белые брюки и темно-синюю куртку с золотыми пуговицами, что лежали на палубе. Да, он мог стать моряком, а не архитектором. В детские годы он рвался в морские путешествия. Что удержало его? Как сложилась бы его жизнь, если бы не... Если бы не Мириам, разумеется. Он нетерпеливо выпрямился и вытащил из кармана револьвер.

Опершись локтем на бушприт, он держал оружие над водой двумя руками. Он выглядел сейчас так интеллигентно и так невинно, этот маленький прекрасный предмет. Как и он сам. Гай выпустил револьвер из рук, и он, падая рукояткой вниз, исчез под водой.

— Что это было?

Гай обернулся и увидел Анну, стоящую на палубе неподалеку от каюты. Их разделяли десять или двенадцать футов. Он не нашелся, что ответить.

Глава 38

Бруно колебался, допить или нет то, что оставалось в стакане. Ему казалось, что стены ванной распадаются на кусочки. Или стен уже вообще не было, как не было и его самого?

— Мама!.. — Этот панический, плаксивый возглас устыдил его, и Бруно быстро допил виски.

Он отправился в спальню матери и разбудил ее. Тут же нажал кнопку звонка, сигнализируя Херберту в кухне, что он должен принести завтрак.

— Доброе утро, Чарли! — Мать улыбнулась, похлопала сына по плечу и, выскользнув из-под одеяла, пошла в ванную.

Бруно сидел на краю постели, пока она не вернулась.

— Сегодня мы должны уладить дело с этим человеком из бюро путешествий... Как его там? Сондерс... Я хотела бы, чтобы ты поехал со мной.

Бруно кивнул. Мать говорила о предполагаемой поездке в Европу, за которой могло последовать даже кругосветное путешествие. Но в это утро подобное путешествие не привлекало его. Вернее, он охотно отправился бы путешествовать в обществе Хейнса... Бруно встал, размышляя, не выпить ли ему еще.

— Как ты себя чувствуешь?

Мать всегда задавала ему этот вопрос в наименее подходящий момент.

— Хорошо, — сказал он, снова усаживаясь на кровать.

В дверь постучали, и вошел Херберт.

— Добрый день, миссис Бруно. Добрый день, мистер Чарлз. — Херберт продекламировал приветствие, не глядя ни на одного из них.

Бруно смотрел из-под опущенных ресниц на начищенные до блеска туфли Херберта. Его наглость стала совершенно невыносимой. Джерард окончательно запудрил лакею мозги, внушая ему, что он является важнейшей фигурой для следствия. Все хвалили отвагу Херберта, бросившегося в погоню за убийцей. Самюэл Бруно оставил ему по завещанию двадцать тысяч долларов. Херберт при желании мог позволить себе длительный отпуск.

— Миссис Бруно уже определила, на сколько персон готовить сегодня ужин?

Бруно смотрел на красный подбородок лакея и думал о том, что именно в это место Гай врезал кулаком так, что свалил Херберта с копыт.

— Ах, я еще не звонила друзьям, но думаю, что человек семь придет.

— Хорошо, миссис Бруно.

«Ратледж Овербек младший», — подумал Бруно. Мать, конечно, пригласит его, она только делает вид, что колеблется. Ратледж Овербек влюбился в нее до безумия... во всяком случае, играет роль влюбленного.

— Знаешь, я мечтаю посетить Австралию, — сказала Элли, принимаясь за гренки. Перед ней, прислоненная к кофейнику, стояла раскрытая карта.

Бруно ощутил странное покалывание в ягодицах, по его телу поползли мурашки. Он встал.

— Мама, мне что-то плохо...

Она озабоченно взглянула на него, и это выражение еще больше напугало его: он понял, что мать ничем не может ему помочь.

— Что с тобой, дорогой? Тебе что-нибудь нужно?

Он выбежал из комнаты, боясь, что начнется рвота. В ванной у него потемнело в глазах. На ощупь, шатаясь и спотыкаясь, он добрался до кровати.

— Чарли, что с тобой? Что случилось?

— Я должен лечь...

Бруно опустился на кровать, но это не принесло ему облегчения. Он оттолкнул мать, чтобы подняться, но когда сел, ему снова захотелось лечь.

— Мама, я, кажется умираю...

— Полежи, мой мальчик. Может, принести горячего чая?

Бруно содрал с себя домашнюю куртку, а потом пижамную блузу. Он задыхался. Ему и в самом деле казалось, что он умирает.

Мать подбежала к нему с мокрым полотенцем.

— Что с тобой, Чарли? Что болит?

— Все. — Он сбросил с ног домашние туфли и босиком дотащился до окна, чтобы отворить его, но оно оказалось открытым. Он отвернулся от окна, обливаясь потом.

— Мама, я умираю... Скажи, я умираю?

— Я принесу тебе чего-нибудь выпить.

— Вызови врача! — крикнул он. — И принеси виски. — Бруно неловко расстегнул пояс и сбросил штаны. Что с ним происходит? Ведь это не та уже знакомая ему дрожь. Эта жуткая слабость... Бессильные, онемевшие руки... Он поднял руку: пальцы были скрючены, он не мог их распрямить. — Мама, что с моими руками? Смотри, что это?

— Выпей, сынок!

Он слышал, как звенит бутылка о край стакана. Но он не мог жадно съездившись от страха, он не отрывал глаз от бессильно скрючившихся пальцев.

— Дорогой! Надень халат!

— Зови врача! — Халат! Как может она думать о таких мелочах! Разве важно, что он голый, если он умирает? — Мама, не отдавай меня в больницу! — Он дернул ее за рукав, когда она сняла телефонную трубку. — Не впускай никого! Запри дверь! Знаешь, что они со мной сделают? — Он говорил быстро, глотая слова, он спешил, пока онемение окончательно не сковало его. Он уже понимал, что это за болезнь. — Они запакуют меня в смирительную рубашку, как психа, и не дадут ни капли спиртного, а это... это меня добьет!

— Доктор Паркер? Говорит Элси Бруно. Не могли бы вы рекомендовать какого-нибудь врача по соседству с нами?

— М-ма... — Вдруг он понял, что не может говорить, не может даже пошевеливать языком. Поражение голосовых связок! — А-а-а! — выл он, срывая домашнюю куртку, которую мать попыталась набросить на него. Пусть этот Херберт палится, если хочет; ему все равно!

— Чарли..

Скрюченными руками Бруно указал на свой онемевший рот. Дотащившись до шкафа, он посмотрел в зеркало и увидел свое лицо — бледное, с жутко растянутыми губами и ощеренными зубами. А рука! Он не сможет закурить сигарету, не сможет удержать стакан! Не сможет вести автомобиль! Не сможет даже сам обслужить себя в сортире!

— Выпей это!

Да, алкоголь, алкоголь! Он старался втянуть виски одревеневшими, неподвижными губами. Жидкость обожгла ему лицо, протекла по груди. Жестом он потребовал еще. «Боже, если это пройдет, я до смерти буду благодарен тебе!» Он не сопротивлялся, когда Херберт и мать уложили его в постель.

— П-пмни... — бормотал он. Ухватив мать за халат, он едва не свалил ее с ног.

— Нине дай!.. — стонал он.

Мать поклялась, что не отдаст его в больницу.

«Джерард!» — думал Бруно. Джерард продолжает за ним охотиться, он не отступит, он будет идти по следу, пока не схватит его. Не только Джерард, но и еще целый легион шпииков ищет, проверяет, вынюхивает, тянет людей на допрос, стучит отчеты на машинках, крутится, бегаёт туда и сюда, тащит разные вещи — теперь уже из Санта-Фе. Придет день, когда из этих кусочков Джерард сложит свою головоломку. И в тот день детектив придет к нему, застанет его таким же беззащитным, как в эту минуту, и если спросит его, то узнает все.

Укол привел его в сознание.

Молодой врач разговаривал с матерью в другом конце комнаты. Бруно чувствовал себя лучше. Теперь его уже не заберут в больницу. Все в порядке. И не стоило впадать в такую панику. Он осторожно осмотрел свои пальцы — они нормально сгибались и разгибались, подчиняясь его воле.

— Гай! — шепнул он. Его язык был еще неподатлив, но уже двигался. Врач вышел.

— Мама, я не хочу ехать в Европу, — сказал Бруно усталым голосом, когда мать приблизилась к нему.

— Хорошо, мой мальчик, мы не поедem. — Она села возле него, и Бруно сразу же почувствовал себя лучше.

Он коснулся ее рукава, украшенного буфами, но вспомнил, что сегодня вечером на ужин придет Ратледж Овербек, и, внезапно утратив симпатию к матери, опустил руку. Он был уверен, что у матери с ним роман. Слишком часто она бывала в его мастерской на Силвер-Спрингс. Бруно не хотелось принять это, но ведь ситуация была очевидной. Отец умер, Элси в первый раз после его смерти позволила себе любовное приключение; конечно же, она имела на это право, но почему она выбрала такого дурака? В комнате с опущенными шторами ее глаза казались более темными, чем обычно. И выглядела она такой же потерянной, как в первые дни после смерти отца. Бруно понимал, что Элси такой и останется, она уже никогда не будет молодой и красивой, а он никогда не будет ею восхищаться.

— Мама, не грусти.

— Дорогой, обещай, что не будешь так много пить. Врач сказал, что это начало конца. Это предостережение... Понимаешь, организм сам защищает себя.

Чтобы пообещать ей это, он должен солгать.

— К дьяволу! У меня ведь нет белой горячки. Я никогда не замечал признаков...

— Это... нечто худшее. Я говорила с врачом. Он сказал, что алкоголь разрушает твою нервную систему и может тебя убить. Ты это понимаешь?

— Конечно же, понимаю.

— А поэтому обещай мне! — Она увидела, как он закрыл глаза, и услышала его вздох. Элси Бруно понимала, что трагедия началась не в это утро, но много лет назад, когда

Чарли в первый раз напился в одиночку. Нет, и это не было началом трагедии. К этому вели плохие отношения с Сэмом, разочарование в друзьях, банкротство надежд и интересов. Элли Бруно напрасно напрягала мозг, чтобы понять, когда и почему это произошло. Ведь Чарли всегда имел все; они оба с Сэмом поощряли его, если он проявлял к чему-нибудь интерес... Ей казалось, что все можно исправить, если она откроет тот момент в прошлом, с которого началось падение... Она встала. Ей тоже нужен был глоток алкоголя.

Бруно осторожно открыл глаза. Его охватила приятная сонливость. Он видел себя стоящим посреди комнаты, как если бы смотрел фильм. На нем был тот самый костюм цвета ржавчины, и он был на острове в Меткальфе. Он видел свое тело, более молодое и ловкое, чем теперь, сжавшееся для прыжка, видел Мириам, падающую на землю, он еще раз переживал минуты, разделившие его жизнь на две эры: до того и после. Тогда его движения были совершенны, а мысли — гениальны, но это уже никогда не повторится. Гай говорил нечто похожее о своей работе в Палм-Бич — он вспоминал об этом во время прогулки на яхте. Бруно было приятно, что они оба пережили высшие моменты своей жизни почти одновременно. Временами он думал, что без сожаления согласился бы умереть, так как никогда уже не совершит ничего лучшего, такого, что было бы достойно той ночи в Меткальфе.

Глава 39

Джерард гнался за ним по лесу, в руках он держал вещественные доказательства: остатки перчаток, обрывок пальто, револьвер. Джерард выследил Хейнса. Гай был привязан к дереву в глубине леса, из его правой руки струей била кровь. Если Бруно не ускользнет от облавы и не добежит первым, Гай умрет от потери крови. Джерард хохотал, как если бы то, что они выдумали с Хейнсом, было доброй шуткой, секрет которой детективу удалось разгадать. Еще минута, и Джерард опустит на его плечо свою тяжелую, грязную лапу.

— Гай! — крикнул Бруно, но с его губ сорвался лишь жалкий писк.

Бруно мобилизовал все силы... И тут кошмарный сон оборвался. Но Джерард стоял перед ним. Джерард не был видением из сна.

— Что случилось? Вы видели плохой сон? — Рука детектива потянулась к нему, и Бруно, чтобы избежать прикосновения, вскочил с постели.

— Я вовремя разбудил вас, не так ли? — засмеялся Джерард.

Бруно стиснул зубы так крепко, что едва не поломал их. Он ринулся в ванную и, даже не закрыв за собой дверь, глотнул виски. Его лицо в зеркале выглядело ужасно.

— Извините, что нарушил ваш покой, но я открыл кое-что новое, — сказал Джерард, и вкрадчивый голос его свидетельствовал, что детектив одержал какую-то маленькую победу. — Это касается вашего приятеля Хейнса. Он минуту назад снился вам, не так ли?

Стакан лопнул в руке Бруно. Он осторожно сложил осколки в умывальник. Нетвердой походкой вернулся в постель.

— Когда вы познакомились с ним? Наверняка не в декабре прошлого года. — Джерард, прислонившись к комоду, закурил сигару. — Вы познакомились больше года назад. Разве вы не ехали с ним одним поездом в Санта-Фе? — Джерард ждал ответа. Бруно молчал. Джерард бросил на кровать книгу, которая была у него под мышкой. — Вы помните это?

«Пир» Платона, книга, которую Гай оставил в купе и которая была у Бруно в Санта-Фе, обернутая в бумагу с наполовину замазанным адресом.

— Конечно, — подтвердил Бруно, отодвигая книгу. — Я потерял ее по дороге на почту. Вообще-то, я нашел эту книгу в поезде. На титульном листе была фамилия и адрес, вот и хотел отослать. — Бруно смотрел прямо в лицо Джерарду, который наблюдал за ним своими острыми глазами.

— Когда вы познакомились? — повторил Джерард терпеливо, как если бы расспрашивал ребенка, зная, что тот обманывает его.

— В декабре.

— Вы, конечно, знаете, что его жена была убита.

— Знаю. Я читал об этом в газетах. А позднее читал о том, что Гай Хейнс построил клуб «Пальмира».

— И вы обратили внимание на эти заметки, поскольку раньше нашли книгу, принадлежавшую Хейнсу.

Бруно поколебался, прежде чем ответил:

— Да.

Джерард кашлянул и отвел глаза с легкой усмешкой, похожей на гримасу неудовольствия.

Бруно вдруг растерялся. Откуда он знает эту усмешку, предваряемую покашливанием? Однажды, когда он совершенно бесцельно солгал и упорствовал в своей лжи, его отец именно так кашлянул и так усмехнулся с сомнением, а Бруно покраснел от стыда. Теперь он осознал, что смотрит на Джерарда умоляющим взглядом, как если бы собирался просить у него прощения. Он быстро отвернулся к окну.

— И вы звонили несколько раз в Меткальф, не зная Хейнса лично?

— О каких звонках вы говорите?

— О ваших телефонных звонках в Меткальф.

— Может, я и позвонил туда в пьяном виде.

— Даже несколько раз. С какой целью?

— Из-за этой проклятой книжки. — Если Джерард так хорошо его знает, он должен знать и то, что такое поведение было бы вполне в его стиле. — А может, звонил потому, что прочел в газетах о смерти его жены.

Джерард покачал головой.

— Нет, вы звонили ему до ее смерти.

— Возможно. И что с того?

— Что с того? То, что я должен задать несколько вопросов мистеру Хейнсу. Известно, как вас интересуют убийства, поэтому мне кажется странным, что вы не позвонили мистеру Хейнсу после того, как прочли в газетах о преступлении, жертвой которого явилась его жена.

— Я уже по горло сыт всеми этими убийствами! — выкрикнул Бруно.

— Вообще-то это меня не удивляет, — сказал Джерард, покидая спальню Чарли, чтобы пройти через холл в комнату его матери.

Бруно принял душ и оделся — тщательно, без спешки. Он напомнил себе, что Джерард был куда больше увлечен, когда вышел на след Мэтта Левина. Если память ему не изменяет, он только два раза звонил в Меткальф из отеля «Ла Фонда», где Джерард, разумеется, сунул нос в его счета. Что касается других телефонных звонков, то он может сказать, что миссис Хейнс ошибается и что это был не он.

— Чего хотел от тебя Джерард? — спросил он мать после ухода детектива.

— Ничего серьезного. Спрашивал, знаю ли я твоего друга, мистера Хейнса. — Мать причесывала волосы; лицо ее было утомленным, но спокойным. — Это архитектор, не так ли?

— Да. Я мало его знаю. — Бруно прохаживался по комнате за спиной матери. Как он и надеялся, она не помнила о вырезках из газет, которые видела на его постели в Лос-Анджелесе. Слава Богу, он не напомнил ей, что знает Хейнса, когда в прессе появились фотографии нового клуба «Пальмира». Видимо, уже тогда он подсознательно был уверен, что Гай выполнит вторую половину плана.

— Джерард говорит, что ты летом несколько раз звонил этому Хейнсу. В чем дело?

— Ах, мама, хватит с меня этого Джерарда и его фантазий!

Глава 40

В то же самое утро, несколькими минутами позже, Гай выходил из чертежного бюро «Хансон и Кнапп»; много недель он не был в таком хорошем настроении, как сейчас. Фирма копировала уже последние рисунки его проекта боль-

ницы, наиболее сложного из тех, что были им до этого созданы.

Чертежники, сидящие за столами по обе стороны прохода, поднимали на него глаза. Гая не оставляло приятное ощущение, что люди смотрят на него с уважением...

— Мистер Хейнс, вас просят к телефону.

Гай надеялся, что разговор будет коротким, через десять минут у него встреча с Анной — они договорились вместе пойти на ленч. Телефонный аппарат находился в маленькой пустой комнатке позади чертежного зала.

— Алло, Гай? Слушай, Джерард нашел твоего Платона... Да, в Санта-Фе... Но это не меняет ситуации... Нисколько!..

Прошло пять минут, прежде чем Гай снова оказался перед дверцей лифта. Он с самого начала предчувствовал, что Платон найдется. Бруно утверждал, что об этом не может быть и речи, но Бруно ошибся, и на этом можно крепко погореть. Гай поморщился: таким неожиданным показалось ему то, что Бруно может погореть. До этой минуты такое представлялось ему совершенно невероятным.

Выйдя на залитую светом улицу, он сжал кулаки от сильного гнева. «Я нашел эту книгу в поезде, понимаешь? — сказал Бруно по телефону. — В Меткальфе я звонил именно в связи с этим делом. Но познакомились мы только в декабре...» Голос Бруно был совсем не такой, как всегда, его даже трудно было узнать; никогда раньше не казался он таким испуганным и подавленным. Гай задумался над версией, которую Бруно подбросил ему. Если, предположим, их кто-нибудь заметил в поезде и запомнил... Хотя бы официант, который принес ужин в купе Бруно...

Гай выпрямился, в чем вообще-то не было нужды, потому что он и так держался прямо, вынул из кармана телеграмму от Боба Тричера:

«Получил назначение в комиссию Альберты. Рекомендовал также тебя. Это может быть мост. Заканчивай как можно скорее начатую работу. Ручаюсь, что примут твой проект. Боб».

Независимо от того, как Гай руководит собственной жизнью, никто не сомневается, что он сумеет руководить строительством моста.

Глава 41

— Я вышел на другое дело, — с удовлетворением проговорил Джерард, глядя на лежащий перед ним отчет. — Убийство, жертвой которого пала первая жена Хейнса. Преступник найден не был.

— Да, я знаю.

— Думаю, вы должны знать об этом достаточно много.

Расскажите все, что вам известно. — Джерард уселся поудобнее.

Бруно понял, что с понедельника, когда Джерарду попал в руки Платон, детектив значительно продвинулся в расследовании.

— Я ничего не знаю, — сказал он. — Никто ничего не знает. Разве не так?

— А что вы об этом думаете? Полагаю, вы не раз говорили об этом с Хейнсом.

— Почему я должен говорить с ним на эту тему?

— Потому, что вас интересуют убийства.

— Что вы хотите этим сказать?

— Чарлз, кончайте с увертками. Если бы я не знал об этом непосредственно от вас, мне хватило бы и рассказов вашего отца, — резко ответил Джерард; это был редкий случай, когда детектив потерял терпение.

— Значит, так, — сказал Бруно спокойно. — Я говорил об этом с Хейнсом. Он ничего не знает. В этот период он уже почти ничего не знал о своей жене.

— Кто, по-вашему, мог это сделать? Не допускаете ли вы, что Хейнс приложил к этому руку? — Джерард снова великодушно владел собой.

— Никогда не поверю. Вы упускаете из виду, что этот человек... действительно крупного калибра.

— Калибр имеет для меня значение только тогда, когда дело касается оружия. И для вас, Чарли, наверное, тоже. — Джерард поднял телефонную трубку. — Попрошу ввести мистера Хейнса.

Бруно вздрогнул, и Джерард заметил это. Он молча наблюдал за Чарлзом, пока в коридоре не зазвучали шаги. Бруно мысленно повторял, что он уже давно готов к очной ставке. Ну и что с того?

... — Я пригласил вас, мистер Хейнс, чтобы задать несколько очень простых вопросов. О чем вы чаще всего говорили с мистером Чарлзом Бруно?

Бруно отметил, что Гай сердито свел брови и вообще ведет себя именно так, как должен был бы вести в подобной ситуации.

— Время от времени мы говорили о моем строительстве в Палм-Бич.

— А еще о чем?

Гай взглянул на Бруно, который отрешенно рассматривал ногти.

— Право, не знаю, — сказал он.

— Был ли у вас когда-нибудь разговор о гибели вашей первой жены?

— Да.

— Что говорил Бруно об убийстве? — мягко спросил Джерард. — То есть именно об этом убийстве?

Гай чувствовал, что краснеет. Он снова взглянул на Бруно.

«Кто бы не покраснел, — подумал он, — если бы его вынуждали говорить о человеке, который сидит рядом, так, как если бы его здесь не было».

— Он спрашивал меня, кого я подозреваю.

— А вы подозреваете кого-нибудь?

— Нет.

— Нравится ли вам Чарлз Бруно, мистер Хейнс? — Неизвестно почему толстые пальцы Джерарда чуть заметно дрожали. Чтобы скрыть это, детектив взял со стола спички.

— Да, он мне нравится, — ответил Гай, сам несколько ошеломленный своим ответом.

— Он не раздражает вас? Не докучает вам?

— Нет.

— Вы не рассердились, когда он без приглашения явился к вам на свадьбу?

— Нет.

— Говорил ли Чарлз, что ненавидит своего отца?

— Да.

— А о том, что хотел бы его убить?

— Нет, — ответил Гай тем же деловым тоном.

Джерард вынул из ящика стола книгу, завернутую в коричневую бумагу.

— Чарлз намеревался отослать вам эту книгу по почте. Сожалею, но не могу сейчас вам ее вернуть, поскольку она еще может понадобиться. Как попала книга в руки Чарлза?

— Он говорил, что нашел ее в поезде. — Гай внимательно присматривался к сонной, загадочной усмешке Джерарда. Нечто подобное он наблюдал в выражении лица детектива в тот вечер, когда Джерард пришел к ним, но сегодняшняя усмешка была, однако, другой: казалось, она рассчитана на то, чтобы пробудить антипатию у того, кому она адресована. Эта усмешка была профессиональным оружием. «Что переживает человек, который изо дня в день вынужден оказывать ему сопротивление?» — подумал Гай и непроизвольно снова взглянул на Бруно.

— Тогда, в поезде, вы не обратили внимания друг на друга? — Джерард переводил взгляд с одного лица на другое.

— Нет, — сказал Гай.

— Я допрашивал официанта, который подавал вам ужин в купе Чарлза.

Гай не отрывал глаз от лица Джерарда. «Стыд, — подумал он, — сокрушает сильнее, чем чувство вины». Внутренне он был раздавлен.

— Ну и что с того? — неожиданно выкрикнул Бруно.

— Меня интересует, почему вы оба тратите столько сил на то, чтобы скрыть истину? — сказал Джерард, покачивая головой, как если бы его забавляла эта игра. Он сделал паузу, чтобы его слова достигли их сознания. — Объяснение очевидно. И это выдвигает определенные предположения.

Все трое думали теперь об одной и той же гипотезе.

— Может быть, вы ответите, Чарлз? Вы же прочли столько криминальных романов.

— Не понимаю, о чем речь.

— Через несколько дней после вашей встречи первая жена мистера Хейнса была убита, а спустя несколько месяцев после ее смерти погиб ваш отец. Это наводит меня на предположение, что вы оба знали наперед, что должно вскоре случиться...

— Вадор! — прервал его Бруно.

— И что вы об этом говорили между собой. Естественно, это только предположение, если принять, что вы познакомились в поезде. Так когда же вы завязали знакомство? — обратился он с усмешкой к Хейнсу.

— Да, — сказал Гай. — Мы познакомились в поезде.

— Почему же вы боялись признаться в этом, мистер Хейнс? — Джерард ткнул в его сторону своим коротким, толстым пальцем, и Гай почувствовал, что именно в этой прозаичности детектива заключена какая-то пугающая сила.

— Не знаю, — сказал Гай.

— Может быть, потому, что Чарлз признался вам тогда в своей ненависти к отцу и сказал, что хотел бы его убить? Вас связывало воспоминание об этом?

Не был ли это тот козырь, который Джерард до поры прятал в рукаве?

— Чарлз никогда не говорил мне, что хотел бы убить отца, — медленно ответил Гай.

Джерард достаточно быстро перевел взгляд, чтобы успеть заметить на лице Бруно улыбку удовлетворения.

— Разумеется, это только предположение, — повторил он.

Гай и Бруно вместе покинули бюро детектива — Джерард отпустил их одновременно. Они шли по улице, направляясь к скверу, где находились станция подземки и стоянка такси. Бруно оглянулся через плечо на узкий, высокий дом, в котором они провели час.

— Все в порядке, у него по-прежнему нет никаких доказательств.

Бруно был мрачен, но спокоен. Гай вдруг осознал, что все время Бруно, атакуемый Джерардом, сохранял хладнокровие. Гаю казалось, что этот тип в стрессовой ситуации непременно впадет в истерику, но ничего подобного не произошло. Он бросил взгляд на высокую, слегка сутулую фигуру идущего рядом человека, и, как тогда, когда он сидел в ресторане, его охватило ощущение какого-то сумасшедшего, дерзкого братства.

Т

Глава 42

Джерард, просунув палец между прутьями клетки, поманил к себе канарейку; маленькая птичка, трепеща от стра-

ха, цеплялась лапками за противоположную стенку. Джерард тихонько свистнул.

Анна с беспокойством наблюдала за ним. Минуту назад он заставил ее смутиться, сказав, что Гай солгал, а теперь пугает канарейку. За последние четверть часа он ей окончательно разонравился; теперь она злилась на себя за то, что могла так ошибиться в этом человеке.

— Как ее зовут? — спросил детектив.

— Лулу, — тихо ответила Аңна и отвернулась. В новых туфельках из крокодиловой кожи она чувствовала себя высокой и стройной. Она купила их сегодня днем и предвкушала, как Гай улыбнется и похвалит ее, когда перед ужином они сядут в кресла, чтобы выпить коктейль. Но визит Джерарда все испортил.

— Вы не догадываетесь, почему Гай Хейнс пытался скрыть тот факт, что познакомился с Чарлзом в июне прошлого года?

В июне, вспомнила Анна, была убита Мириам; больше ничего не связывалось для нее с этой датой.

— Это был очень тяжелый период для него, — сказала она. — Как раз тогда трагически погибла его первая жена. Возможно, все другие события стерлись у него из памяти. — Она насупила брови, раздраженная тем, что Джерард придает такое значение мелочам.

— Нет, он не мог об этом просто забыть, — небрежно заявил Джерард, усаживаясь в кресло. — Уверен, что Чарлз разговаривал в поезде с вашим мужем и сказал ему, что жаждет смерти отца. Может быть, даже рассказал, как собирается этому поспособствовать...

— Не могу представить, — прервала его Анна, — чтобы Гай стал выслушивать подобные бредни.

— Не знаю точно, — бесстрастно заявил Джерард, — но подозреваю, что Чарлз предвидел смерть отца и признался в этом вашему мужу, тогда, в поезде. Это очень похоже на Чарлза. А такой человек, как Гай Хейнс, наверняка не стал бы никому повторять его откровений и постарался бы избежать контактов с ним.

«Это объяснило бы много загадок, — подумала Анна. — Но в таком случае Гай стал бы в определенном смысле сообщником преступника. Джерард хочет приписать ему эту обратительную роль».

— Уверена, — сказала Анна решительно, — муж не стал бы общаться с человеком, о котором знал бы нечто столь ужасное.

— Очень сильный аргумент, — кивнул Джерард. — Однако ж... — Он понизил голос, как будто углубляясь в свои мысли.

Вид его лысины, усеянной веснушками, был так неприятен Анне, что она прилагала все силы, чтобы не глядеть на Джерарда. Сигарета дрожала в ее пальцах.

— Подозревал ли ваш муж кого-нибудь в убийстве первой жены?

Анна вызывающе выдохнула струйку дыма.

— Разумеется, нет!

— Видите ли, миссис Хейнс, если Чарлз тогда, в поезде, принялся говорить об убийствах, то наверняка основательно развил эту тему перед собеседником. Если мистер Хейнс имел какие-то основания опасаться за жизнь жены, то в сложившейся ситуации мог упомянуть об этом в разговоре с Чарлзом. В таком случае их связал бы... общий секрет или, может быть, даже общее чувство опасности. Конечно, это всего лишь предположения, — быстро добавил он, — но детектив, ведущий расследование, должен выстраивать разные гипотезы.

— Я хорошо знаю моего мужа и уверена — ничего подобного он не мог сказать. Ему бы это и в голову не пришло. даже если бы Мириам грозила опасность. Я была с ним в Мексике, когда он получил известие о ее смерти, а до того мы часто виделись в Нью-Йорке.

— А что вы помните о марте этого года? — спросил все тем же безучастным тоном Джерард. Он потянулся к пустому стакану, а Анна вынуждена была снова наполнить его.

Март... в марте убили отца Бруно. Гай в тот период ужасно нервничал. В марте или раньше, в феврале, случилась та драка? И не с Чарлзом ли он тогда подрался?

— Ваш муж мог видиться с Чарлзом в марте, не поставив вас об этом в известность?

«Естественно, — подумала она, — это объяснило бы многие вещи: Гай знал, что Чарлз намерен убить своего отца, он пытался удержать его от преступления и поэтому подрался с ним в каком-то баре...»

— Это не исключено, — сказала она, поколебавшись. — Я не знаю...

— Как чувствовал себя ваш муж тогда, в марте? Вы можете что-нибудь вспомнить?

— Он нервничал. Мне кажется, я понимаю, что его угнетало.

— Что же?

— Его работа... — Анна с трудом выдавила из себя эти слова. Она чувствовала, что все сказанное ею Джерард использует, рисуя мрачную картину, на фоне которой хотел бы увидеть Гая.

Джерард стряхнул пепел с сигары:

— Если вдруг вы вспомните какие-то детали, касающиеся Чарлза, пожалуйста, сообщите вот по этому телефону, в любое время дня и ночи. — Он написал на визитной карточке номер и передал ее Анне.

Через окно она видела, как Джерард садится в автомобиль. С болью в сердце она подумала, что сказала детективу нечто

такое, что может повредить Гаю. Почему она сказала, что Гай мог встречаться с Бруно в марте? Ведь ей ровным счетом ничего не известно. Гай уверял ее, что не видел Бруно с декабря вплоть до их свадьбы.

Когда часом позже Гай вернулся домой, Анна в кухне колдовала над запеканкой. Гай с удовольствием принюхался.

— Это криветки, — объяснила Анна. — Думаю, уже пора выключить духовку.

— У нас был Джерард?

— Да. Ты знал, что он сегодня придет?

— Его сигара, — ответил Гай лаконично. Джерард наверняка рассказал Анне о встрече в поезде. — Чего он хотел на этот раз?

— Жаждал узнать как можно больше о Чарлзе Бруно. — Анна бросила быстрый взгляд на стоявшего у окна мужа. — Спрашивал, нет ли у тебя каких-либо подозрений в отношении Бруно. И еще спрашивал о марте.

— О марте? — переспросил он, приближаясь к плите, возле которой она стояла. Анна заметила, как внезапно сузились его зрачки. Видела она и тонкие, как волос, следы царапин на скулах — следы той драки в феврале или в марте.

— Джерарда интересует, не подозревал ли ты тогда, в марте, что Чарлз планирует убийство своего отца. — Гай пристально смотрел ей в лицо. Однако не обнаруживал какого-либо душевного беспокойства. — Убийство... Это страшно. Гай.

Слово «убийство» в устах Анны прозвучало для него приговором.

— Ты не знал ничего об этом тогда... в марте, правда?

— Правда. А что ты сказала Джерарду?

— Гай, ты не считаешь, что это Чарлз организовал убийство отца?

— Не знаю. Но это возможно. Во всяком случае, нас это не касается. — В первую минуту он даже не осознал, что лжет.

— Ты прав. Нас это не касается. — Она снова взглянула на него. — Джерард утверждает, что ты познакомился с Чарлзом в июне прошлого года.

— Да, так оно и было.

— Ну и что с того? Это имеет какое-то значение?

— Не знаю.

— Может, дело в том, что Чарлз что-то сказал тебе тогда в поезде? Может, ты поэтому и не любишь его?

Гай нервно сунул руки в карманы. В эту минуту ему был необходим глоток спиртного. Он знал, что выдает свое воление.

— Послушай, Анна, — сказал он. — Тогда, в поезде, Бруно признался, что желает своему отцу смерти. Он не говорил о каких-либо конкретных планах, не называл имен. Но все равно, после подобного признания он стал мне неприятен. Я не хотел рассказывать Джерарду об этом, потому что не знаю, убил ли Бруно своего отца или нет. Пусть полиция сама

откроет истину, ведь это ее дело. Много невиновных людей пошло на виселицу только потому, что кто-то запомнил и повторил слова, неосмотрительно сказанные ими когда-то.

Может быть, Анна поверила ему, а может, нет, но при всех условиях он чувствовал себя погибшим окончательно. Никогда в жизни не шел он на более подлую ложь, не совершал более бесчестного поступка, чем теперь, когда взвалил свое преступление на другого. Даже Бруно не солгал бы так подло, да и не вел бы себя так мерзко. Теперь Гай самому себе казался воплощением лжи и фальши. Он швырнул окурок в камин.

— Я знаю, Гай, ты всегда поступаешь так, как надлежит, — мягко сказала Анна.

Все в нем было ложью: спокойные глаза, решительно сжатые губы, размеренное дыхание.

— Я должен выпить немного коньяка.

— Это с Чарлзом ты дрался тогда, в марте? — спросила Анна, подходя к бару.

Не было причин лгать ей еще и в этом, но и сказать правду он тоже не мог.

— Нет, Анна. — Ее быстрый взгляд, искоса брошенный на него, свидетельствовал, что она не поверила. Может быть, она думала, что он подрался с ним, чтобы удержать его от преступления? Не исключено, что она даже гордится своим мужем! Или судьба желает, чтобы он всегда находил оправдание, даже если не ищет его? И всегда ли будет ему так легко оправдываться? Анна, однако, не удовлетворится этим. Она будет возвращаться к этому вопросу снова и снова, пока в конце концов он не скажет ей правды. Он знал, что сделает это.

В тот вечер он впервые затопил камин, первый огонь в новом доме. Анна лежала перед камином на диване. В воздухе ощущался меланхолический осенний холод, пробуждающий грусть и одновременно беспокойство. Но это не было то радостное, бодрящее беспокойство, которое Гай отлично помнил по своей молодости; это была лихорадка отчаяния, вызванная предчувствием того, что кульминационный момент его пути остался позади и теперь он будет только спускаться вниз. Кто знает, не последний ли это поворот? Но самое ужасное — Гая перестало пугать то, что ждет его за этим поворотом. Джерард знает, что он познакомился с Бруно в поезде, а об остальном догадается. Чего они еще ждут, там, в полиции? Временами Гаю казалось, что Джерард хочет собрать воедино все факты, все улики, даже самые мелкие, чтобы потом швырнуть их в лицо ему и Бруно и уничтожить их. «Но, — думал Гай, — даже если он раздавит меня, моя работа, мои творения останутся!» И снова очень ясно осознавал он обособленность и независимость своего духа от тела и даже от разума.

Но допустим, их с Бруно тайна никогда не обнаружится. Иногда его охватывали невыносимый ужас и отчаяние, а иногда он верил в какую-то магическую силу этой тайны. Может быть, поэтому и не боялся Джерарда? Коль скоро

никто не открыл истину, несмотря на их неосторожное поведение, несмотря на те намеки, которые позволял себе Бруно, в этой загадке нельзя было не усмотреть нечто, делающее ее недоступной разуму других.

Анна уснула. Он смотрел на ее гладкий лоб, белый, почти серебристый по контрасту с отсветом пламени в камине. Он наклонился и коснулся его губами так осторожно, что не разбудил спящую. «Прощаю тебе». Он жаждал, чтобы Анна это сказала, никто другой, только она.

В такие минуты Гай даже пытался найти смягчающие обстоятельства. Он совершил преступление, защищая собственную жизнь. Однако он не мог полностью поверить в этот аргумент.

Глава 43

Окружной прокурор Фил Хауленд, худощавый, подтянутый, очень элегантный, — чем резко отличался от Джерарда, — снисходительно усмехнулся.

— Да оставьте этого парня в покое, Джерард. Уверяю вас, мы начали расследование с проверки именно этой возможности. Изучили самым детальным образом всех приятелей Чарлза Бруно. Ни тени улики! Нельзя же арестовать человека только на том основании, что у него дурной характер.

Джерард закинул ногу на ногу и позволил себе не менее самодовольную ухмылку. Пробил час его триумфа. Испытываемое им удовлетворение было тем больше, что он не впервые сидел на этом месте с такой же усмешкой, однако никогда еще речь не шла о столь эффектной открытии.

Хауленд кончиками пальцев переправил лист с машинописным текстом на другой край стола.

— Двенадцать новых фамилий, может быть, это вас заинтересует. Страховая компания составила для нас этот список знакомых Самюэла Бруно, — сказал прокурор усталым голосом. Джерард знал, что Хауленд разыгрывает усталость, поскольку имеет в своем распоряжении сотни людей, которые могли забросить куда более широкую и частую сеть, чем некий частный детектив.

— Можете смело порвать этот список, — сказал Джерард.

Хауленд не смог скрыть любопытства.

— А вы что, уже открыли преступника? И разумеется, это Чарлз Бруно?

— Конечно, — засмеялся Джерард. — Правда, Чарлз убил только одного человека.

— Только одного? А ведь вы утверждали, что он способен совершить четыре или пять убийств.

— Нет, этого я не говорил, — флегматично возразил Дже-

рард. Он разглаживал листки бумаги, лежавшие на его коленях.

— Так значит, одного? И кого же?

— Я вас заинтересовал? — Джерард вновь усмехнулся, не вынимая изо рта сигары. Он придвинул пустой стул и начал раскладывать на нем свои бумаги. Никогда, даже если он приносил целые пачки бумаг, Джерард не пользовался письменным столом Хауленда, который, зная об этом его обыкновении, никогда и не предлагал ему расположиться более комфортно. Хауленд питал к нему неприязнь в равной мере как личную, так и профессиональную. Джерард об этом знал. Прокурор упрекал его в том, что он не сотрудничает с полицией. Полиция в свою очередь ничем ему не помогала, более того, по мере сил чинила препятствия. И несмотря на это, Джерард за последние десять лет раскрыл немало загадок, с которыми официальные следственные органы так и не смогли справиться.

Хауленд встал и оперся о край стола.

— Итак, кто и когда? — со вздохом спросил он детектива.

— Вы слышали когда-нибудь о Гае Хейнсе? Вам знакомо это имя?

— Естественно. Мы допрашивали его на прошлой неделе.

— Его первая жена была убита одиннадцатого июня прошлого года. В Меткальфе, штат Техас. Помните? Ее задушили. Преступник найден не был.

— Чарлз Бруно? — Хауленд нахмурил брови.

— Знаете ли вы, господин прокурор, что Чарлз Бруно и Гай Хейнс познакомились в поезде первого июня? За десять дней до смерти Мириам Хейнс. Разве это не подсказывает вам определенные выводы?

Прокурор кисло усмехнулся.

— Вы утверждаете, что Чарлз Бруно убил жену Хейнса?

— Уверен в этом. — Джерард оторвал взгляд от бумаг и добавил: — Вы, господин прокурор, конечно, спросите, какими доказательствами я располагаю? Пожалуйста, здесь у меня все, что вам потребуется. — Он указал на листки, разложенные на стуле колонками, как игральные карты в пасьянсе. — Начинайте читать снизу.

Хауленд принял за чтение, а Джерард прошел в другой угол комнаты, чтобы выпить воды и закурить новую сигару. Последний документ — показания водителя такси, возившего Бруно в Меткальфе, он получил лишь сегодня утром. Он не успел еще спрыснуть свой успех, но обещал себе сделать это сразу же по выходе из бюро прокурора, в вагоне-ресторане поезда, который повезет его в Айову.

Среди бумаг были показания персонала отеля «Ла Фонда», свидетельство некоего Эдварда Уилсона, который в день убийства Мириам видел на вокзале в Санта-Фе, как Чарлз Бруно садился в поезд, следующий в восточном направлении; показания таксиста, доставившего Чарлза в городской парк

у озера; свидетельства бармена из придорожного заведения, где Бруно хотел купить виски; счета за телефонные переговоры с Меткальфом.

— Уверен, вам и раньше были известны эти факты,— сказал Джерард.

— Большинство — да,— кивнул Хауленд, еще не закончивший чтение документов.

— Вы знали, что именно в тот день Чарлз Бруно выехал из Санта-Фе в Меткальф? — спросил Джерард.

— Итак, по вашему мнению, Чарлз Бруно испытывал столь сильное тяготение к убийству, что убил жену человека, которого неделю назад встретил в поезде? — спросил явно развеселившийся Хауленд. — Женщину, которую никогда не видел? Или он ее тоже знал?

Джерард рассмеялся:

— Нет, разумеется, он ее не знал. Моему Чарлзу пришла в голову гениальная идея. — Местоимение «моему» сорвалось с его губ помимо воли, но Джерард не был сейчас склонен принимать близко к сердцу мелкие промахи. — Вы еще не понимаете? Это ясно, как день. Но это только половина шарады.

— Сядьте, Джерард, и не волнуйтесь так, а то у вас может пойти кровь из носа.

— Вы не можете понять, господин прокурор, потому что не знакомы с Чарлзом Бруно и его извращенной личностью. Вы не знаете, что излюбленным развлечением Чарлза является разработка идеального преступления.

— Ну хорошо, но я хотел бы услышать продолжение вашей версии.

— Самюэла Бруно застрелил Гай Хейнс.

— О-о! — простонал Хауленд.

— Я еще не проверил до конца все детали, имеющие отношение к Хейнсу, — сказал Джерард невинно, посасывая кончик сигары. — Собираюсь сделать это без спешки, аккуратно и методично. Я, собственно, потому и пришел сегодня сюда, что хочу просить вас проявить терпение. Боюсь, что, имея столько доказательств, свидетельствующих против Бруно, вы схватите его, прежде чем я успею расследовать другую половину его плана.

Хауленд пригладил черные усики.

— Все, что вы сказали, подтверждает мое мнение, что уже пятнадцать лет назад вам следовало бы расстаться со своей профессией.

— Ну, за эти пятнадцать лет я, однако, раскрыл несколько дел.

— Такой человек, как Гай Хейнс! — Хауленд весело рассмеялся.

— Под влиянием такого человека, как Чарлз Бруно! — ответил детектив. — Я не утверждаю, что Гай Хейнс сделал это по собственной инициативе. Чарлз заставил его это сде-

лать в качестве платы за услугу, которую непрошено оказал Хейнсу, освободив от уз первого неудачного брака. Чарлз ненавидит женщин, — добавил он как бы между прочим. — На том и основывается его план. Так сказать, обмен услугами. Преступление не раскрыто в связи с отсутствием мотива и улик. Далее им следовало бы расстаться навсегда. Но даже Чарлз — всего лишь человек. Гай Хейнс привлек его, и он не смог удержаться от контактов с ним. А Гай был слишком напуган, чтобы защищаться. Да! — Джерард кивнул так, что его обвислые щеки затряслись. — Хейнс действовал под принуждением. Наверное, никто никогда не узнает, какое страшное давление оказал на него Чарлз...

Прокурор перестал улыбаться. Версия Джерарда казалась почти невероятной... но только почти...

— И я докажу... если Хейнс сам прежде не расскажет... — добавил Джерард.

— И как вы намерены склонить его к этому?

— Не исключено, что он сам захочет исповедаться. Его мучает совесть. А если нет, мы предъявим ему кое-какие факты. Как раз сейчас мои люди эти факты собирают. Об одном прошу вас. — Джерард постучал пальцем по бумагам, разложенным на стуле. — Когда ваша армия тупых грубиянов будет проверять эти показания, пусть они не допрашивают мать Хейнса. Я не хочу спугнуть его преждевременно.

— Ага. Игра в кошки-мышки, — уточнил Хауленд.

Джерарда раздражала эта легкость тона, как и то обстоятельство, что он должен передать прокурору столь обильную информацию, утратив в результате возможность единолично вести слежку за Бруно и Хейнсом.

— Итак, — Хауленд демонстративно вздохнул, — чего вы от меня хотите? Я должен разработать вашу версию? Вы думаете, что Бруно сломается и выложит нам все про свой гениальный план, в который он втянул знаменитого архитектора?

— Нет, я хочу не этого. Я люблю чистую работу. Потребуется еще несколько дней, может быть, даже недель, чтобы проверить детали, касающиеся Хейнса, и сопоставить их между собой. Передаю вам все собранные материалы, отличающие Чарлза, потому что с этого момента я перестану лично заниматься этим делом... по крайней мере, им так будет казаться. Я уезжаю в отпуск, в Айову, и постараюсь, чтобы Чарлз узнал об этом. — Широкая улыбка расплылась по лицу Джерарда.

— Трудно будет удержать ребят, — со сожалением констатировал Хауленд. — Главным образом потому, что поиски доказательств против Хейнса займут у вас много времени.

— Кстати сказать, — заметил Джерард, надевая шляпу, — вы даже со всеми этими материалами не смогли бы заставить Чарлза признаться, зато я с тем, чем уже располагаю, мог бы сломать Хейнса в одну минуту.

— Вы хотите сказать, что мы не справились бы с Хейнсом?

— Но ведь вас не интересует Гай Хейнс, не так ли? Вы же не верите, что он мог убить.

— Отправляйтесь в отпуск, Джерард! И кстати, нельзя ли узнать, каким образом вы намерены воздействовать на Хейнса?

— Этого человека мучат угрызения совести,— сказал Джерард уверенно и вышел.

Глава 44

— Во всем мире нет такого места, где мне было бы так же хорошо, как здесь,— сказал Чарлз, и слезы навернулись на его глаза.

— Мне приятно это слышать.— Анна с улыбкой поставила на стол блюдо с сыром и бутерброды с анчоусами.— Ешьте, Чарлз, пока кофе не остыл.

Бруно взял бутерброд, хотя знал, что не сможет проглотить ни кусочка. Стол, накрытый скатертью из серого полотна и сервированный на две персоны, выглядел превосходно. Джерард уехал в отпуск. Гай и он перехитрили детектива. Свинцовая тяжесть больше не давила на его мозг. На радостях он охотно поцеловал бы Анну, если бы она не была женой Хейнса. Бруно выпрямился и поправил манжеты. Он гордился тем, что ведет себя с Анной как настоящий джентльмен.

— Значит, Гай хорошо чувствует себя там, на Севере?— сказал он. Гай был в Канаде, где работал на строительстве моста в комплексе большой плотины в провинции Альберта.— Я так рад, что уже позади эти idiotские допросы. Гая ничто не будет отвлекать от его работы, а ему так нужна сейчас ясная голова. Вы даже представить не можете, как мне сейчас радостно! Кажется, я готов сойти с ума!— Он засмеялся, довольный тем, что ему удалось так точно определить свое состояние.

Анна смотрела на Бруно, такого веселого и раскованного, и спрашивала себя, поддается ли и Гай, несмотря на его ненависть к Бруно, странному очарованию этой личности. Она все еще не знала, действительно ли Бруно был способен устроить покушение на своего отца. Целый день они провели вместе. От некоторых вопросов он отделялся шуточками, на другие формулировал ответы серьезно и продуманно. Выяснилось, что он ненавидел Мириам так, как если бы знал ее; Анна чувствовала себя немного шокированной: как мог Гай так много рассказать чужому человеку о своей первой жене?

— Почему вы скрыли, что встретились с Гаем в поезде?— спросила она.

— Видите ли, поскольку я уже один раз, просто шутки ради, представился как его коллега по Художественному

институту, мне неловко было идти на попятный. Кому хочется выглядеть дураком! А потом пошли допросы, и Джерард уцепился за эту деталь. Может, все это и в самом деле выглядело подозрительно. Вы знаете, вскоре после нашей встречи Мириам была убита.

Анна нахмурилась. Она не могла поверить, что Гай подтвердил версию Бруно только потому, что Чарлз в поезде признался ему в ненависти к отцу. Она решила еще раз спросить об этом мужа. Ей хотелось задать ему много других вопросов. Например, чем объяснить враждебность, с которой Чарлз говорит о Мириам, хотя никогда в жизни ее не видел. Она вышла в кухню, а Бруно со стаканом в руке подошел к окну. Через три часа закончатся сутки, в течение которых он был возле Анны. Не предупредив ее по телефону, он приехал вчера вечером так поздно, что Анна предложила ему ночлег. Он спал в комнате для гостей, в которой уже провел одну ночь, когда напился на новоселье. Анна принесла ему чашку горячего бульона, прежде чем он уснул. Она была само очарование, она ужасно нравилась ему! Отвернувшись от окна, он увидел, как она входит в комнату с тарелками.

— Вы очень нравитесь Гаю, — сказала она, когда они сели за стол. Бруно взглянул на нее растерянно, так как уже забыл, о чем они до того говорили.

— О! Нет такого, чего бы я не сделал ради Гая! Он для меня как брат!

Чарлз и сам не заметил, как поддался наплыву неподдельных горячих чувств. Вот было бы здорово провести еще одну ночь в комнате для гостей! Анна, пожалуй, согласится, если он скажет ей, что неважно себя чувствует. Хотя в действительности его новый дом находится куда ближе, чем она полагает. В субботу он собирался по всем правилам отметить новоселье, устроив грандиозный прием.

— Гай наверняка приедет на уик-энд? — спросил он.

— Да, он обещал, — ответила Анна, накладывая на тарелку салат. — Но я сомневаюсь, захочет ли он пойти на какой-нибудь прием. Когда он занят новым проектом, то избегает развлечений, он предпочтет прогулку на яхте.

— А тоже охотно поплавал бы. Возьмете меня?

— Да, конечно. Я не возражаю. — И вдруг она подумала, что Чарлз несомненно способен на все, на самые ужасные вещи; и еще он способен любому замылить глаза своей умильной наивностью и этой робкой улыбкой. Любому, за исключением Джерарда. Да, вполне вероятно, что Чарлз организовал убийство своего отца. Джерард не пошел бы по этому следу, если бы такое не было возможно. Анна вдруг осознала, что рядом с ней, возможно, сидит убийца, и мурашки побежали по ее спине. Она встала излишне резко, почти вскочила, словно собираясь бежать, и вынесла тарелки на кухню. Смутное подозрение промелькнуло в сознании Анны, словно сухой лист, несомый ветром.

— Значит, после той первой встречи с Гаем вы поехали дальше, в Санта-Фе? — спросила она из кухни, усилием воли заставляя себя не задинаться.

— Угу, — пробормотал Бруно.

— А вы были когда-нибудь в Меткальфе? — спросила Анна, войдя в комнату.

— Нет. Но очень хотел бы познакомиться с этим городом. А вы там были?

...Он пил кофе, стоя перед камином. Анна сидела на диване, откинув голову. «Какая прекрасная шея», — подумал Бруно. Гай сказал когда-то: «Анна — мой свет». Если бы Бруно задушил ее тоже, они с Гаем были бы, наконец, вместе... Он наморщил лоб, захваченный этой непроизвольно возникшей мыслью, и рассмеялся.

— Что вас так позабавило?

— Смешная мысль вдруг пришла в голову. У Гая есть любимая теория о двойственности всего на свете. Понимаете? Любое положение можно опровергнуть каким-то противоположным аргументом. — Он осознал, что дышит громко, с трудом хватая воздух.

— Вы имеете в виду две стороны любой медали?

— Нет, нет, это слишком уж просто! — Женщины всегда бывают ужасно примитивны! — Речь идет о людях, о чувствах. Все в мире двузначно. В каждом есть невидимая, скрытая часть личности. — Он с удовольствием повторял сейчас эти слова Гая.

Анна с удивлением слушала Бруно — Гай никогда не говорил ей о своей теории, но она была вполне в его стиле.

— Речь не обязательно должна идти об абсолютном зле и абсолютном добре, — продолжал Бруно, — но в этом сочетании двойственность видна четче всего, особенно в поступках. Мне это напоминает то, что я должен буду рассказать вашему мужу о моем приключении с нищим. Я давно решил, что когда дорвусь до денег, непременно дам тысячу долларов нищему. Так вот, я сделал это! И вы думаете, нищий рассыпался в благодарностях? Ничего подобного! Я потратил полчаса, чтобы убедить его, что банкноты настоящие. Я должен был вместе с ним пойти в банк и разменять их на мелкие купюры. Тогда лишь он поверил, но это не помешало ему принять меня за идиота. — Бруно опустил глаза и покачал головой. — Но мы отошли от темы, мы говорили...

— О добре и зле, — сказала Анна. Теперь она смотрела на Бруно с отвращением, теперь она понимала, какие чувства будит он в ее муже, но тем более не могла понять, почему Гай, несмотря ни на что, терпит его.

— Ага, мы говорили о том, что противоположные качества четче всего проявляются в поступках. Например, в действиях убийцы. Гай говорит, что самый суровый судебный приговор ничего не может исправить. Каждый человек несет в своей душе высший суд и сам себя карает в должной мере,

как того заслуживает. Гай видит в человеке целый мир! — засмеялся он. Бруно был настолько пьян, что не видел лица Анны, но он хотел сказать ей все, о чем когда-либо разговаривал с ним Гай, — все, кроме их общей тайны, открыть которую он не мог.

— Но есть люди без совести, и они вовсе не казнятся содеянным, не так ли? — сказала Анна.

Бруно на минуту задумался.

— Да, — согласился он наконец. — Такие люди так тупы или так злы, что у них нет совести. Тупые люди позволяют полиции без особых усилий схватить себя. Но такие люди, как, например, убийцы Мириам и моего отца!.. — Его лицо в этот миг дышало страстью. — О, эти двое, должно быть, необычайно умны, как вы думаете?

— Умны! А значит, у них есть совесть и потому они не заслуживают, чтобы их схватили, не так ли?

— Этого я не сказал. Конечно, если постараются, чтобы их не раскрыли. Но это не значит, что они не покаются. Они будут страдать на свой манер! — Он вдруг рассмеялся. Его опьянение достигло такой степени, что он уже сам не знал, что намерен сказать и сделать. — Это не были помешанные, вовсе нет, хотя проводившие следствие по делу Мириам пришли к выводу, что ее убил какой-то маньяк. Это лишь доказывает, как плохо наши следственные органы работают. Такое преступление должно быть спланировано, причем очень тщательно. — Внезапно он вспомнил, что вообще не планировал убийство Мириам в отличие от убийства отца, которое заранее обмыслил в деталях и которое было лучшей иллюстрацией к его рассуждениям. — Что с вами?

Анна побледнела и смотрела на Бруно глазами, полными ужаса. Он налил ей бренди из бутылки, стоявшей в баре, который Гай расположил рядом с камином. Бруно решил соорудить такой же бар в своем новом доме.

— Каким образом Гай тогда, в марте, покалечил себе лицо?

— Покалечил?! — воскликнул застигнутый врасплох Бруно. Гай говорил ему, что Анна ничего не знает об этом.

— Его лицо... было изранено. Он подрался с вами, да?

Бруно уставился на нее, а в его глазах появились красноватые искры. Но Анна вдруг обрела уверенность. Чарлз в любую минуту мог броситься на нее. И однако, она оставалась спокойной. Если она скажет Джерарду о драке, это будет достаточно веским доказательством того, что Чарлз знал о готовящемся убийстве, жертвой которого должен был стать его отец.

На лице Бруно снова появилось робкое выражение.

— Нет, не со мной, — сказал он со слабым смехом. — А как Гай объяснил вам происхождение этих царапин? Во всяком случае, я не виделся с ним в марте.

Мучительный спазм вдруг сжал его желудок, ему стало

плохо — наверняка в результате недомогания, а вовсе не из-за вопросов Анны. Что будет, если его снова скрутит такой же приступ, как в тот день? Нельзя допустить, чтобы Анна увидела его в таком состоянии.

— Мне лучше уехать, — прошептал он.

— Что случилось? Вы плохо себя чувствуете?

В ее голосе не было сочувствия. Ни одна женщина никогда не проявляла к нему доброты, кроме матери.

— Благодарю вас, Анна, за... за этот день.

Она помогла ему надеть пальто, и он вышел. Скрипя зубами, Чарлз двинулся к стоявшему на подъездной аллее автомобилю, и путь этот показался ему очень долгим.

Дом был погружен в темноту, когда спустя несколько часов приехал Гай. В большой комнате первого этажа он осмотрелся: окурки, валяющиеся в топке камина, углубление на подушке дивана... Мелочи, незначительный беспорядок, который, однако, не могли создать Анна, Тедди, Крис или Элен Хейберн. Но разве Гай не знал, кто его создал?

Он поспешил в комнату для гостей. Бруно там не было, но снятые газеты и несколько мелких монет на ночном столике свидетельствовали, что кто-то провел здесь ночь. За оконным стеклом рассвет начал высвечивать небо, как тогда, в ту ночь с пятницы на субботу. Гай отвернулся от окна; его сдавленное дыхание звучало как рыдание. Зачем Анна сделала это? Именно теперь, когда у него не было сил вынести это, когда одна половина его души была в Канаде, а другая находилась в когтях Бруно, стискиваемая тем более хищно, что полиция уже шла за ними по пятам. Он-то думал, что полиция заставит Чарлза держаться подальше. Нет, на этот раз Бруно превысил меру. Продолжать терпеть очень невозможно.

Гай проскользнул в спальню и разбудил Анну поцелуем. Она проснулась, и руки ее обвили его шею. Он спрятал лицо на ее груди. Ему казалось, что вокруг дрожит земля и ревет буря и что Анна — единственный оазис тишины и спокойствия.

— Я тосковала по тебе! — Это были первые слова Анны.

Напряжение не ослабевало, буря сосредоточилась теперь в его мозгу.

— Значит, ты тосковала?

Анна оторвала голову от подушки.

— Почему ты так странно смотришь на меня?

Гай не ответил.

— Чарлз... он был здесь только один раз.

— Почему ты вообще его принимала? Он провел здесь ночь!

По трепету ее ресниц Гай понял, что Анна испугана. Но ответила она спокойно, даже с легким вызовом:

— Да, он ночевал здесь вчера. Чарлз явился так поздно, что я предложила ему остаться.

Когда он был в Канаде, ему временами приходило в голову, что Бруно может начать ухаживать за Анной, просто

потому, что Анна его жена. А Анна, скорее всего, его не выставит, так как захочет узнать от него то, что не рассказал ей муж. Бруно, конечно, не пойдет слишком далеко, но сама мысль, что он касался своими руками Анны, а Анна это позволяла, вне зависимости от причин ее снисходительности, была для него пыткой.

— Но почему это так рассердило тебя?

— Потому что это опасный человек. Он полоумный.

— Тогда я не понимаю, Гай, — сказала Анна все тем же спокойным, уверенным голосом, — почему ты сам покрываешь Бруно? Почему не хочешь подтвердить, что он написал мне то анонимное письмо. И это он чуть не довел тебя до сумасшествия в марте.

Гай чувствовал, как каменеют мышцы его лица. «Покрываешь Бруно, — подумал он. — Вечно покрывать Бруно!..» Он знал, что Бруно ни в чем не признался Анне. Просто Анна, как и Джерард, по разрозненным фактам пытается восстановить истину.

— Иди сюда, Гай! — Она протянула к нему руки, а когда он сел на кровать, обняла его и прижалась к его груди. — Послушай! У нас будет ребенок. Ты рад, Гай? Скажи мне, ты рад?

Он взглянул на нее, и ему вдруг захотелось смеяться — от счастья, от изумления, от умиления ее робостью.

— Наш ребенок! — прошептал он. — Анна, когда?

— О, еще не скоро. Только в мае. Что мы будем делать завтра?

— Выйдем на яхте в море. Разумеется, если будет хорошая погода! — Собственный конспиративный шепот так позабавил Гая, что он громко рассмеялся.

— Ах, Гай!..

— Ты плачешь?

— От радости. Я так хотела снова услышать твой смех!

Глава 45

В субботу утром позвонил Бруно, чтобы поздравить Гая с началом строительства в Альберте и пригласить его и Анну на новоселье. Упрямо и взволнованно он снова и снова повторял, что они должны вместе обмыть это радостное событие.

— Я говорю по собственному телефону, у меня теперь своя частная линия, — объяснил он. — Джерард уехал в Айову. Приезжай, Гай, я хочу показать тебе мой новый дом. — А в конце разговора добавил: — Я хотел бы поговорить с Анной.

— Ее сейчас нет дома.

Гай знал, что расследование закрыто. Он получил уведомление от полиции и от Джерарда. Он вернулся в столовую, где они с Бобом Тричером заканчивали поздний завтрак. Боб

прилетел в Нью-Йорк два дня назад, и Гай пригласил его на уик-энд. Разговаривали о плотине, о людях, с которыми работали в комиссии, о пейзажах Альберты, о ловле форели, обо всем, что приходило в голову. Гай смеялся анекдотам, которые Боб рассказывал на канадско-французском диалекте. Было свежее, солнечное сентябрьское утро; они ждали, когда Анна вернется с покупками, чтобы потом на автомобиле отправиться на Лонг-Айленд, а оттуда — в море. Гай чувствовал себя, как школьник на каникулах, — так обрадовал его визит Боба. Боб символизировал Канаду и строительство в Альберте, работу, о которой Гай мечтал с юности. Мысль о будущем ребенке наполняла его доброжелательностью ко всему свету и чувством исключительности переживаемого момента.

Анна входила в холл, когда телефон зазвонил во второй раз. Гай встал, но она подняла трубку первой. «Бруно всегда умел выбрать самый подходящий момент, чтобы позвонить», — подумал Гай, с недоверием прислушиваясь к разговору, — речь шла о задуманной прогулке на яхте.

— Ну что ж, приезжайте, — сказала Анна. — А если вы обязательно хотите что-нибудь с собой привезти, прихватите несколько банок пива.

Гай заметил, что Боб смотрит на него вопрошающим взглядом.

— О чем речь?

— Ни о чем, — ответил он расстроено.

— Это звонил Чарлз. Ты не будешь возражать, если он примет участие в морской прогулке? — Анна выглядела немного виноватой. — Когда он был в четверг, то очень просил взять его с собой. И я не смогла отказать.

— Ладно, пусть приезжает, — кивнул Гай, следя за ней глазами. В это утро она была очень счастлива; трудно было представить, чтобы в таком настроении она могла кому-нибудь отказать в просьбе, но Гай понимал, что здесь действуют и иные мотивы. Анна пригласила Бруно, потому что хотела видеть их вместе. Она не могла ждать ни одного дня. В первую минуту Гай вознегодовал, но тут же призвал себя к порядку; Анна не отдает себе отчета в происходящем; она не ведает, что творит. Виноват же во всем только он: сам все безнадежно запутал. Он подавил чувство обиды и даже отбросил мысль о том, что Бруно отравит ему сегодняшний день. Решил держать себя в руках и сохранять спокойствие, не смотря ни на что.

— А нервы у тебя, как всегда, на пределе, — заметил Боб. — Хорошо уже то, что ты перестал без меры пить кофе. Помню, как ты выпивал до десяти чашек в день.

— Что-то около этого, — согласился Гай. Теперь он отказался от кофе вообще.

Они должны были взять на пристани лодку, чтобы до-

браться до яхты. Гай и Бруно вежливо спорили, кто из них будет грести, пока Элен не примирила их, предложив, чтобы гресли оба. По мере того, как они приближались к «Индии», росло странное возбуждение Бруно. Ветер два раза срывал с его головы шляпу: в конце концов Чарлз встал и швырнул ее театральным жестом в море.

— Я вообще не терплю шляп, — заявил он, поглядывая на Хейнса.

Он не захотел надеть плащ, хотя брызги обрушивались на кокпит. При таком порывистом ветре они не могли поднять парус, поэтому «Индия» вышла в пролив с работающим двигателем; у руля стоял Боб.

— Гай, твое здоровье! — крикнул Бруно. Представляя Чарлза Бобу, Гай уже заметил, что Бруно запинается и невнятно произносит слова; теперь его язык заплетался еще заметнее. — Поздравляю тебя и преклоняюсь перед тобой! — Он неожиданно вытащил из кармана плоскую серебряную флягу с чеканным узором и подал Анне. Он двигался как мощная, но не отлаженная машина, которая никак не может войти в нужный ритм. — «Наполеон». Пять звездочек.

Анна отказалась, но Элен, которая уже успела немножко озябнуть, выпила охотно, Боб последовал ее примеру. Гай под брезентовым плащом сжимал руку Анны, стараясь ни о чем не думать.

— Кто знает песенку: «Туман, туман, роса садится»? — спросил Бруно, смахивая капли воды с рукава.

Последняя порция коньяка переполнила меру, и Чарлз был сейчас совершенно пьян.

— Когда-нибудь я и Гай облетим в ракете вокруг Земли! Опояшем ее светящейся лентой! — выкрикнул он, но никто не обратил на него внимания.

Элен, оживленно жестикулируя, о чем-то говорила с Анной, а Гай объяснял Бобу какие-то технические особенности двигателя. Бруно заметил, что морщины на лбу Хейнса стали глубже, а глаза смотрят очень печально. Он потянул его за рукав.

— Гай, разве ты не понимаешь, что это исключительный день? Почему ты такой серьезный?

Элен начала было говорить, что Гай всегда ужасно серьезный, но Бруно прервал ее и во весь голос заявил, что она вообще не знает Гая, не представляет, какой он необычный. Он признательно ответил на улыбку, с которой Анна приняла этот панегирик в честь ее мужа, и снова потянулся за серебряной фляжкой. Гай и Анна и на этот раз пить отказались.

— Я купил этот коньяк специально для тебя, Гай. Думал, ты его любишь, — сказал Бруно с обидой.

— Доставь ему удовольствие, Гай, сделай глоток, — обратилась к мужу Анна.

Гай выполнил ее желание.

— Тост в твою честь, Гай! В честь гения, моего друга,

который со мной заодно! — воскликнул Бруно. — Гай гениален, вы это понимаете? — Он взглянул на них, и они внезапно показались ему сборищем глупцов. Ему очень захотелось сказать им это в глаза.

— Конечно! — вежливо согласился Боб.

— Вы его старый друг, поэтому я пью и в вашу честь! — заявил Бруно, поднимая фляжку.

— Благодарю! Я действительно его старый друг.

— И как давно? — вызывающе спросил Бруно.

Боб с улыбкой взглянул на друга.

— Пожалуй, уже лет десять, а, Гай?

Бруно насупил брови.

— А я знаю его с рождения, испокон веков, — сказал он тихо с угрозой в голосе. — Спросите его, пусть он подтвердит.

Гай почувствовал, как вздрогнула рука Анны; заметил, что Боб принужденно рассмеялся, не зная, как реагировать на эти пьяные заявления. Холодный пот выступил у Гая на лбу. От его спокойствия не осталось и следа. Как мог он обольщаться, что сможет вынести общество Бруно? Зачем было пробовать еще раз?

— Скажи, Гай, скажи им, что я твой самый близкий друг!

— Да, — подтвердил Гай. Он видел полную напряжения улыбку Анны и понимал ее молчание. Анна теперь знала все. Она только ждет, чтобы он и Бруно признались.

— Что это за тип? — тихо спросил Боб.

— Гай и я — мы супермены! — орал Бруно.

— Ты — супералкаш, — отчеканила Элен.

— Нет! Это ложь! Ты... — Бруно попытался встать, но упал на одно колено.

— Чарли, успокойтесь, пожалуйста, — сказала Анна. Она даже улыбнулась Бруно.

— Пусть эта... пусть возьмет свои слова обратно! — потребовал он.

— О чем он болтает? — спросила Элен. — А может, они вдвоем сорвали куш... на бирже?

— На бирже, пусть меня... — Бруно оборвал фразу, потому что биржа ассоциировалась в его сознании с отцом. — Иййюо! Я техасец! ты когда-нибудь катался на карусели в Меткальфе, Гай?

Сердце Гая сжалось, но он овладел собой и даже не взглянул на Бруно.

— Ну ладно, — сказал Бруно. — Сиди тихо, но я должен сказать, что обманулся в тебе, Гай, крепко обманулся. — Бруно потряс пустой фляжкой и швырнул ее в воду.

— Смотрите, он плачет! — воскликнула Элен.

Бруно встал и вышел из кокпита на палубу. Он чувствовал, что должен отойти подальше от этих людей, даже от Хейнса.

— Куда он идет? — спросила Анна.

— Пусть идет, куда хочет,— буркнул Гай, пытаясь закурить сигарету.

Вдруг они услышали плеск, и в тот же миг, поняв, что Бруно упал за борт, Гай рванулся на корму, стараясь на бегу сбросить куртку. Кто-то сзади схватил его за плечи. Он обернулся и ударил Боба кулаком в лицо. А потом прыгнул с палубы в море.

— Ты его не догонишь!— донесся до него голос Боба, тут же заглушенный волной, которая ударила его сбоку в ухо.

— Гай!— крикнул Бруно, и это прозвучало как стон раненой лошади.

Гай выругался. Он спасет его. Новая волна снова подняла Гая вверх.

— Бруно!— крикнул он, но нигде не увидел Чарлза.

— Там, там, Гай!— стоявшая на корме яхты Анна пальцем показывала направление.

Гай не видел Бруно, но плыл к тому месту, где до того заметил его голову. Он нырнул, вслепую шаря вокруг себя вытянутыми руками. Вода тормозила его движения. «Как в кошмарном сне»,— подумал он. Как тогда, когда он бежал через сад к стене. Вынырнув, он хотел наполнить легкие воздухом, но набежавшая волна ударила его в лицо, и он наглотался воды. «Индия» была дальше, чем он думал, и как раз заканчивала поворот. Конечно же, все это их вообще не касается!

— Бруно!

Может, он там, за одной из этих вздымающихся перед ним водяных стен? Он рванулся вперед, но тут же понял, что окончательно потерял ориентацию. Тяжелая волна ударила его в висок. Он проклинал это огромное, злобное море. «Где ты, мой друг, мой брат?»

...— Вы нашли его?— простонал он, запинаясь.— Который теперь час?

— Лежи спокойно, Гай!— Это был голос Боба.

— Он пошел на дно,— тихо сказала Анна.— Мы видели. Гай закрыл глаза и заплакал.

Он сознавал, что все, один за другим, покидают его, оставляя одного, даже Анна.

Глава 46

Осторожно, чтобы не разбудить Анну, он встал с постели и спустился на первый этаж. В большой комнате задернул шторы и зажег свет. Однако он знал, что не преградит дорогу рассвету, который проскользнет под жалюзи, проберется между зелеными шторами, словно бесформенная серебристо-лиловая рыба. Рассвет нашел бы его и в спальне, проник бы под одеяло... Гай боялся психического процесса, который рассвет приведет в действие, боялся больше, чем раньше, так

как понимал, что Бруно тащил на себе половину тяжести. Ну, а если он, Гай, и тогда был не в силах нести свою часть ноши, то что же будет теперь? Он знал, что не выдержит этого.

Его мучила резь в глазах, и он прикрыл их ладонями. Бруно, Мириам, Оуэн Маркмен, Самюэл Бруно, Артур Джерард, Маккосленд, Анна... Фигуры и имена переплетались где-то на краю сознания. Мириам... Странная вещь, но теперь он мог охарактеризовать ее куда четче, чем когда-либо раньше. Мириам не много стоила по сравнению с Анной, да и по любым другим меркам. Но она была человеческим существом. И если кто-нибудь действительно любил Мириам, то этим человеком мог быть только Оуэн Маркмен. Он был готов на ней жениться. Она носила его ребенка...

— Оуэн! — вслух произнес Гай.

Он медленно встал. По мере того, как он пытался восстановить в памяти удлиненное, смуглое лицо и чуть сутуловатую фигуру Оуэна, в его голове начало формироваться решение. Он поедет в Техас, разыщет Оуэна Маркмена, расскажет ему все. Если кто-то может потребовать от него удовлетворения, то только Оуэн. Пусть Оуэн убьет его, пусть вызовет полицию, пусть сделает все, что захочет. При всех условиях Гай скажет правду честно, глядя Оуэну в глаза. Внезапно это показалось ему обязательным и очень срочным. Разумеется, это только первый шаг, с которым не следует медлить. Потом, когда он уплатит этот личный долг, он сможет понести любую кару, которую отмерит ему людское правосудие.

Глава 47

Он сидел в самолете, летящем в Хьюстон.

В полицейском управлении на дознании по делу о смерти Чарлза Бруно появился неожиданно Джерард. Он объяснил, что специально прилетел из Айовы. Очень печальный случай, но Бруно всегда был ужасно неосторожным во всем. Тем более печально, что несчастный случай произошел на яхте супругов Хейнсов. Гай опасался, что детектив установит за ним наблюдение. Чтобы лучше замести следы, он не вернул купленный заранее билет на самолет в Канаду, улетающий в тот же день. В аэропорту он просидел четыре часа и теперь был в безопасности. Джерард сказал, что он сегодня же возвращается поездом в Айову.

И все же Гай в очередной раз окинул взглядом салон самолета — внимательней и смелее, чем в начале полета. Он не заметил никого, кто бы интересовался его особой.

...Оуэн Маркмен уже не жил на Клеберн-стрит. В холле небольшого дома отнеслись к Хейнсу подозрительно и были скупы на информацию. Никто не знал, куда переселился Оуэн Маркмен.

— Вы случаем не из полиции, мистер?— спросили в конце концов его.

Хейнс невесело усмехнулся.

— Нет!

Он уже выходил, когда какой-то мужчина задержал его на лестнице и доверительно шепнул, что, по всей вероятности, в это время Оуэна Маркмена можно застать в баре «Золотая Рыбка». Там Гай в конце концов его и обнаружил. Маркмен сидел в обществе двух дам, которым он, однако, Хейнса не представил. Он только сполз с высокого табурета и выпрямился у стойки бара, глядя на Гая расширившимися от удивления глазами. Его удлиненное лицо, казалось, пополнило и выглядело менее красивым. Маркмен настороженно сунул руки в карманы короткой кожаной куртки.

— Вы меня узнали?— спросил Гай.

— Ясное дело.

— Мне нужно поговорить с вами... Я не отниму много времени.— Гай окинул взглядом зал бара и решил, что удобнее будет пригласить Маркмена в отель.— Я снял номер в отеле «Риц».

Маркмен после довольно продолжительного размышления ответил:

— Ладно.

Направляясь к выходу, Гай заметил на полке бутылки со спиртным и подумал, что стоило бы угостить Маркмена чем-нибудь.

— Вам нравится шотландское виски?

Маркмен кивнул.

— Кока-кола — хорошая вещь, но еще лучше, если в нее добавить чего-нибудь покрепче.— Оуэн стал держаться значительно свободнее после того, как Гай купил виски.

Гай купил также несколько бутылок кока-колы.

В такси, а потом в лифте оба молчали. Когда они оказались в гостиничном номере, Гай понял, что не знает, с чего начать. Ему приходили в голову разные варианты, но он отбрасывал их один за другим.

Наконец Гай, запинаясь, спросил:

— Что бы вы сделали, если бы узнали, кто убил Мириам?

Маркмен выпустил из руки стакан и застыл в кресле. Его брови сошлись в одну прямую линию.

— Вы?

— Нет, но я знаю, кто.

— Кто же?

Что чувствует сейчас этот человек, всматривающийся в него из-под насупленных бровей? Ненависть? Горечь? Гнев?

— Я знаю, а вскоре будет знать и полиция...— Гай помолчал, колеблясь, а потом заговорил снова.— Это молодой человек из Нью-Йорка. Его звали Чарлз Бруно. Он умер вчера. Утонул.

Оуэн глубже ушел в кресло. Протянул руку к стакану и отпил глоток.

— Откуда вы знаете? Этот человек вам признался?

— Я знал давно. Из-за этого меня мучила совесть. Я должен объяснить вам все обстоятельства. Это очень запутанная история. Видите ли, я познакомился с Чарлзом Бруно в поезде, когда ехал в Меткальф. В июне, незадолго до трагической смерти Мириам. Я ехал туда, чтобы расторгнуть наш брак.— Он проглотил слюну.— И тогда...

— Что тогда?— поторопил его Оуэн.

— Я говорил ему о Мириам. Сказал, что ненавижу ее. Бруно обдумывал идею идеального преступления. План двойного убийства.

— Бог мой!— вырвалось у Оуэна.

— Я совершил ошибку, посвятив чужого человека в свои личные дела.

— Он предупредил вас, что убьет ее?

— Нет, конечно, нет! Он просто познакомил меня с таким планом. Он был ненормальным. Психопатом. Я сказал, что не хочу слышать о таких вещах и послал его к дьяволу. Встал и вышел из купе...

— Ну да...— буркнул Оуэн.— Если этот тип был чокнутым... Суд ведь пришел к выводу, что Мириам убил какой-то помешанный.

— Да.

— Но если это был случайный разговор, как вы сказали, то у вас нет причин принимать это так близко к сердцу и так мучить себя.

Гай смотрел на него с недоверием. Или для Оуэна все это было пустяковым делом? Может, он не понял?

— Но видите ли... если бы не тот разговор в поезде, Мириам сейчас была бы жива...

Гай наблюдал за Оуэном, который снова поднес стакан к губам. Он с отвращением представил себе вкус этой мешанины, которую хлещет Оуэн. Что теперь сделает этот человек? Швырнет стакан на пол, схватит его за горло и задушит голыми руками, как Бруно задушил Мириам? В любом случае невозможно, чтобы Оуэн продолжал сидеть так спокойно... Но секунды шли, а Оуэн не двигался с места.

— Я должен был вам это рассказать,— попытался объяснить Гай,— потому что вы единственный человек, которому была нанесена такая рана... Мириам носила вашего ребенка. Она должна была стать вашей женой. Вы ее любили. Это вы...

— К дьяволу! Я вообще ее не любил!— воскликнул пьяно Оуэн.

Гай смотрел на него глазами, полными ужаса. «Он не любил ее, он ее не любил!..»— мысленно повторял он. Слова Оуэна обратили в прах принятое Гаем решение.

— Вы ее не любили?

— Нет. Ну, во всяком случае в том смысле, какой вы

имеете в виду. Конечно, я не хотел ее смерти. Но мне не хотелось на ней жениться. Это она мечтала о браке. Потому и постаралась насчет ребенка. Но ведь за это нельзя обвинять мужчину, вы согласны? — Оуэн смотрел на него с пьяной серьезностью. Он ждал, чтобы Гай одобрил его поведение в отношении Мириам.

Гай отвернулся. С тяжким трудом построенное уравнение оказалось ложным. Насмешкой судьбы было то, что он приехал в Хьюстон.

— Вы признаете, что я прав? — спросил Оуэн и снова потянулся за бутылкой.

Гай боролся с иррациональным импульсом — ему хотелось схватить какой-нибудь твердый и острый предмет и из всех сил ударить Оуэна.

— Слушай! — крикнул Гай, окончательно теряя контроль над собой. — Слушай! Я тоже убил человека! Я тоже убийца!

Оуэн дернулся в кресле и выпрямился. Он бросил взгляд сперва на окно, потом на Хейнса, словно взвешивая, бежать ли ему или защищаться, но выражение удивления и испуга на его лице было столь неуверенным и слабым, что Гаю это показалось насмешкой над его признанием. Оуэн протянул руку, чтобы поставить стакан, но вдруг задержал ее в воздухе.

— Это как? — спросил он.

— Я уже труп, — крикнул Гай, — как если бы я давно умер! Скоро я отдам себя в руки полиции. Пойми, я убил человека! Не смотри на меня так, словно вообще ничего понять не можешь! И сядь по-человечески!

— Я не впервые вижу парня, который убил человека. И женщин таких мне приходилось видеть! — Оуэн захохотал. — Я думаю, женщины идут на это даже легче, чем мужчины.

— Мне легко не было. И сейчас мне тоже не легко. Однако сделал я это умышленно. Без мотива. Не знаю, поймешь ли ты, что это еще хуже? Я сделал это, так как... — Он хотел объяснить, что сделал это, потому что в нем скрывалось и ждало своего часа злое начало, что червь невидимо точил сердцевину дерева. Однако он знал, что Оуэн ничего из этого не поймет — ведь он человек практичный. Настолько, что не попытается ни вызвать полицию, ни атаковать Гаю, потому что сидеть в кресле куда удобнее.

Итак, он не сумел убедить Оуэна, но в конце концов это не имеет никакого значения. «Я приму все, что со мной сделают. Я скажу это завтра в полиции».

— Где здесь туалет? — спросил Оуэн. — Что-то меня мутит...

А Гай никак не мог найти телефонный аппарат. Он заметил возле ночного столика кабель, который тянулся под кровать. Телефон стоял на полу, и трубка была снята с рычага. Аппарат не мог упасть случайно со столика: очень уж

аккуратно был он установлен, а снятая трубка была обращена к креслу, в котором сидел Оуэн. Гай медленно притянул к себе аппарат.

— Где здесь туалет? — простонал Оуэн, отворяя дверцы стеного шкафа.

— Наверное, рядом, в прихожей, — ответил Гай дрожащим голосом. Он поднял трубку, приблизил ее к уху. И почувствовал присутствие кого-то на другом конце провода.

— Алло? — сказал он.

— Алло, мистер Хейнс, — ответил голос, четкий, вежливый, без тени резкости. — У меня не было времени на установку диктофона, но я слышал почти каждое слово. Могу ли я войти?

Видимо, Джерард имел шпионов в нью-йоркском аэропорту. Он вылетел charterным рейсом — дело вполне возможное.

Свершилось. Сейчас Джерард придет сюда. Что за легкомыслие с его стороны — зарегистрироваться в отеле под своей настоящей фамилией!

— Пожалуйста, — сказал Гай. Он положил трубку и выпрямился, глядя на дверь. Никогда еще сердце не билось в его груди так неистово; ему вдруг показалось, что через минуту он свалится мертвым. Бежать! Броситься на вошедшего! Это последний шанс. Но он не двинулся с места.

— Добрый вечер, — сказал Джерард, входя в комнату; на голове у него была все та же шляпа, а руки с толстыми пальцами, как обычно, безвольно свисали.

— А это кто? — спросил Оуэн.

— Друг мистера Хейнса, — представился Джерард и, повернув к Хейнсу свое круглое лицо, подмигнул. — Мне кажется, мистер Хейнс, вы хотели бы возвратиться в Нью-Йорк?

Гай смотрел на это знакомое лицо, на родинку, темнеющую на щеке, на живой, блестящий глаз, подмигнувший ему. Он с самого начала знал, что должен будет оказаться лицом к лицу с Джерардом. Это был неизбежный конец, predetermined, как движение земного шара, и никакая философия ничему бы здесь не помогла.

— Ну, так что? — спросил Джерард.

— Я готов, — прошептал Гай.

Перевод с английского Э. ГЮННЕРА.

БУ СОНДА

Ислом ва замонавийлик. Диннинг киши турмушида, маънавий уйғониши ва покланишида тутган ўрни. Қуръон фалсафаси, унинг айрим суралари шарҳи фан нуқтаи назарида. Бу ҳақда Мовароуннаҳр мусулмонлари муфтийси Муҳаммад Содик Муҳаммад Юсуф мулоҳаза юритади.

Мустақил Қозоғистон «Звезда Востока» меҳмони. Унинг ўтмиши, бугуни ва келажаги қозоқ ёзувчилари, файласуфлари, маданиятшунослари нигоҳида. Марказий Осиё хур халқларининг дунё маданиятига қўшган ҳиссаси.

Шарқ шеърляти: анъанавийлик ва замонавийлик чорраҳаларида. Ғарб шеърлятидаги тил, оҳанг ва услубий янгиликлар, изланишлар. Рус муҳожирларининг шеърларидан намуналар.

SUMMARY

Islam and modernity. The role of religion in human spiritual rebirth, everyday life. The Philosophy of the Koran, scientific interpretation of some suras. The author is Mukhammad Sodik Mukhammad Yusuf, muftiy of the moslems of Mawerannakhr.

Independent Kazakhstan is on a visit to Zvezda Wostoka. Its past, present and future in the opinion of Kazakh writers, philosophers, culture men. The contribution of independent peoples of the Central Asia to world culture.

Oriental poetry: traditions and cross-roads of modernity. Western poetic linguistic and novations, poems of Russian emigration.

Дорогие читатели!
Ваша любовь к журналу помогла
сохранить его.

Верим и в дальнейшую вашу
поддержку: ведь начинается
подписка на второе полугодие,
и «Звезда Востока» будет со
своими читателями — пока вы
будете с ней.

На обложке рисунок **Сергея АЛИБЕКОВА**.

Технический редактор **О. М. Битенская**.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию ИПК «Шарк» по адресу: 700000, Ташкент, ГСП, ул. «Буюк Турон», 41.

Адрес редакции: 700000, Ташкент, ГСП, ул. «Буюк Турон», 41.
Телефоны: главного редактора и отв. секретаря — 33-42-68; зам. гл. редактора
и отделов: прозы, поэзии, публицистики, литературной критики — 33-07-78.

Рукописи не возвращаются. Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своем решении.

При перепечатке наших материалов просим соблюдать интересы журнала.

Сдано в набор 29.12.93 г. Подписано к печати 26.2.93 г. Формат 84×108¹/₁₆.
Бумага газетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 14,73.
Уч.-изд. л. 18,48. Тираж 23481. Зак. № 1490. Цена 35 руб.

**Типография издательско-полиграфического концерна
«Шарк». 700083, Ташкент, улица Буюк Турон, 41.**

Фонд «Звезды Востока»

создается с целью сохранения популярного издания.

Как и в минувшем году, подписных сумм хватит только на несколько номеров. Оставаясь верными профессиональной чести и долгу перед Культурой, мы гарантируем полноценный выпуск журнала.

Обращаемся к организациям, фирмам, юридическим и частным лицам не только с просьбой о материальной, спонсорской помощи. Приглашаем также к совместной взаимовыгодной коммерческой деятельности в сфере книгоиздания (редкие книги — в кратчайшие сроки), размещения рекламы и т. д. Ваше участие в Фонде — это благородная акция, это свидетельство Вашего престижа и высокой духовности.

Наши новые реквизиты: 700000, Республика Узбекистан, г. Ташкент, р/сч. 000363402 в Шейхантаурском ПСБ, код 172787336, корр. счет 300166836.